

# **Н.Г. Чернышевский**

**Статьи, исследования и материалы**

Министерство образования и науки Российской Федерации  
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского  
Управление по культуре администрации МО «Город Саратов»  
Муниципальное учреждение культуры «Музей Н.Г. Чернышевского»

*90-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО  
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

# **Н.Г. Чернышевский**

**Статьи, исследования и материалы**

*Сборник научных трудов*

**Вып. 17**

ИЦ «Наука»  
Саратов – 2010

УДК [9(470.44)+[882:069.02] (470.44-25)] (082+929)

ББК 46.3.1

Ч – 45

**Н.Г. Чернышевский.** Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Демченко. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Вып. 17. – 209 с.

ISBN 978-5-9999-0567-3

#### Редакционная коллегия:

доктор философских наук, профессор *В. Н. Белов*, кандидат филологических наук, профессор *Ю.Н. Борисов*, доктор филологических наук, профессор *А. А. Демченко* (отв. редактор), научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского *И. Е. Захарова* (отв. секретарь), директор музея Н. Г. Чернышевского *Г. П. Муренина* (зам. отв. редактора), доктор филологических наук, профессор *Е. П. Никитина*, доктор филологических наук, профессор *В. В. Прозоров*, доктор исторических наук, профессор *Н. А. Троицкий*

В сборнике представлены труды ученых из Саппоро (Япония), Тарту (Эстония), С.-Петербурга, Костромы, Саратова, Балашова, исследующих биографию Н.Г. Чернышевского, его философские и литературно-критические воззрения, художественные произведения, созданные во время заключения в Петропавловской крепости и в Сибири.

Для преподавателей, научных работников, студентов-филологов и историков, читателей, интересующихся историей русской культуры.

Издание осуществлено при поддержке  
депутата Саратовской Городской Думы В. К. Маркова  
и СР ОБФ Михаила Макеенко

УДК [9(470.44)+[882:069.02] (470.44-25)] (082+929)

ББК 46.3.1

ISBN 978-5-9999-0567-3

© Коллектив авторов, 2010

© ИЦ «Наука», 2010

Семнадцатый выпуск издания, осуществляемого в последние годы по итогам проводимых в саратовском музее Н.Г. Чернышевского международных научных чтений «Н.Г. Чернышевский и его эпоха», традиционно продолжает публикации по широкому кругу общественных, эстетических, литературно-критических, историко-литературных, педагогических взглядов писателя, его художественного творчества и биографии.

Профессор из Японии Оя Он анализирует общественно-политическую позицию Чернышевского после Крымской войны. Профессором Костромского государственного университета В.В. Тихомировым рассматриваются теоретические основы литературной критики Чернышевского.

В ряде статей анализируется художественное творчество Чернышевского. Так, в работах профессора Балашовского филиала СГУ В.С. Вахрушева и доцента Педагогического института СГУ И.В. Пыркова исследуется поэтика сновидений в «Что делать?», причем в первой – в сопоставлениях с творчеством М.Е. Салтыкова-Щедрина. Оба автора связывают свой анализ с утопическими идеями в литературе, которые, весьма характерны для неустроенной и напряженной русской жизни (см.: Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007). С романом «Что делать?» опосредованно связана публикация профессора Томского государственного университета О.Б. Кафановой, автора ряда работ о влиянии французской писательницы Жорж Санд на творчество Чернышевского, рассмотревшей в статье сборника «Историю моей жизни» Жорж Санд в истолковании Чернышевского. В сборнике поднят вопрос о текстологии «Что делать?». Один из эпизодов сибирского романа Чернышевского «Пролог проанализирован старшим научным сотрудником музея Н.Г. Чернышевского С.В. Клименко, предлагающей на рассмотренном материале пересмотреть устоявшиеся в научной литературе взгляды на Чернышевского как революционера.

Теме «революционности Чернышевского» посвящены публикации старших научных сотрудников саратовского музея писателя Т.С. Конкиной (на материале газетных публикаций из музейного фонда) и Д.С. Сапожниковой (на материале музейных экспозиций). Музейная тематика получила отражение в сообщениях научных сотрудников мемориального музея «Разночинный Петербург» Н.С. Тихоновой и Т.Г. Федоренко, а также доцента кафедры социологии СГУ Н.Ю. Кравченко и ученого секретаря музея Н.Г. Чернышевского Т.О. Пелех.

Подробности полемики Чернышевского с Герценом в 1862 году анализирует докторант Тартуского государственного университета А.В. Вдовин. Литературным связям писателей времени Чернышевского (А.Ф. Писемского, Н.А. Некрасова, В.П. Боткина) и характеристике политических обзоров журнала «Современник» посвящены статьи докторанта Института филологии и журналистики О.В. Тимашовой и доцента Института истории и международных отношений СГУ Т.В. Удаловой. Педагогические аспекты мировоззрения Чернышевского затронуты в статьях доцентов Института дополнительного профессионального образования СГУ Н.П. Лысиковой и О.И. Алимаевой. Краеведческий интерес имеют публикации доцента БФ СГУ М.З. Тугушевой и преподавателя Саратовского военного института Внутренних войск МВД РФ И. Н. Плешакова. Биографической проблематике посвящены публикации научных сотрудников музея Н.Г. Чернышевского И.Е. Захаровой, С.А. Бондаря.

Настоящий сборник посвящается 90-летию саратовского музея Н. Г. Чернышевского, а также 50-летию первого выпуска, состоявшегося в 1958 году. В его редколлегию входили лидеры саратовских литературоведов Ю.Г. Оксман, Е.И. Покусаев (ответственным редактором) и А.П. Скафтымов. Многочисленные отзывы и рецензии на выпуски последующих лет отмечали высокий научный уровень публикуемых материалов.

В контексте указанного посвящения воспринимается составленный кандидатом филологических наук Т.М. Метласовой указатель содержания всех за 50 лет выпущенных книг серии «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». Работа сопровождается вспомогательными ключами: именным указателем авторов, указателем заглавий произведений Н.Г. Чернышевского, указателем периодических изданий, упомянутых в названиях статей всех 16-ти выпусков.

## І. Исследования и статьи

В.С. Вахрушев

### ПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО И САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Как океан объемлет шар земной,  
Земная жизнь кругом объята снами...

Ф. Тютчев

Два русских классика были разными людьми, их художественная проза резко отличается одна от другой - по уровню таланта, жанровому составу, стилю, по некоторым идеям. И всё же есть у этих авторов немало общего в их поэтике. Одним из таких моментов является обращение к теме сна и сновидений, характерное, конечно, не только для них, но и для всей мировой литературы, фольклора, мифологии на протяжении тысяч лет. Тут материал необъятен - достаточно вспомнить мифы австралийских аборигенов о «времени сновидений», сказки народов мира о волшебных снах героев, вещице или обманные сны персонажей из поэм Гомера, средневековый жанр видений, роман классика корейской литературы Ким Ман Чжуна «Облачный сон девяти» (1670), драму Кальдерона «Жизнь есть сон» (1631), «Путь паломника, изложенный в виде сна» (1684) Д. Бэньяна, роман китайского классика Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» (XVIII век), монолог Гамлета «Быть или не быть» с его темой смерти-сна, пророческие поэмы Уильяма Блейка, наркотические видения в «Исповеди английского опиомана» (1821) Томаса Де Квинси, сон Татьяны из «Евгения Онегина», стихотворение Тютчева «Сон на море», сны героев в «Воине и мире», «Дядюшкин сон» и «Сон смешного человека» Достоевского, роман Джойса «Улисс», в котором герой книги Блум переживает в фантазмагорическом сновидении историю человечества, глава «Снег» из «Волшебной горы» Т. Манна и многое-многое другое. Учёные, исследующие психологию творческого процесса, да и сами писатели, художники, творцы науки единодушно подтверждают роль снов как одной из форм и стадий воображения<sup>1</sup>. Хотя специалисты-психологи до сих пор не могут раскрыть до конца тайну сна и природу сновидений, бреда, ясновидения. У Чернышевского и Щедрина теоретических высказываний или каких-то наблюдений на этот счёт я не нашёл, хотя, возможно, они и существуют. Во всяком случае, оба писателя выступали за реализм в литературе, но

признавали и другие методы, ценили роль воображения в творчестве - при условии, если фантазия не беспочвенна, если она служит развитию духовности.

В отстаивании этих позиций были у обоих авторов и заметные перекосы в сторону узко прагматического понимания целей искусства. «Завихрения» Чернышевского ядовито высмеял Набоков в своём романе «Дар», не удержавшись при этом от очернения кумира демократической русской интеллигенции. Салтыков-Щедрин в критических статьях нападал на Фета как творца «красивой бессмыслицы», пародировал «Князя Серебряного» А.К. Толстого, смеялся над стихами К. Павловой, называл А. де Мюссе «маленьким поэтиком», гневно обрушивался на антиинигилистические романы Лескова. У этих писателей автор «Губернских очерков» находил «завихрения фантазии», «неопределённые мечтания», «таинственную чепуху» и тому подобные «перлы»<sup>2</sup>. Непредвзятому читателю теперь ясна несправедливость подобных оценок. В то же время великий сатирик сам любил фантазировать в своих художественных произведениях. Оправдание своему вымыслу он находил в самом характере обличаемой им действительности. Так, в сатирическом рассказе «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» (1873) (книга «Помпадуры и помпадурши») писатель - вслед за Достоевским, давшим в «Бесах» (1871) впечатляющий образ губернатора Лембке - создает полуфантастическую фигуру Феденьки Кротикова. Два крупных администратора проделывают быструю эволюцию от либерализма к жёсткому консерватизму, оба напуганы Парижской Коммуной. У «Феденьки» борьба против ещё не возникшего врага выражается в создании «партии», в поиске новой «Иоанны д'Арк». Отводя упрёк со стороны читателей в «преувеличении», сатирик пишет, что есть два вида действительности - «обыденная, осязаемая» и «другая» (курсив писателя - В.В.), та, которая может проявиться в будущем, либо может существовать в виде «небывальщины»<sup>3</sup>. А эта «небывальщина» могла принимать форму сновидения. Чернышевский и Щедрин, каждый по-своему, любили жанр утопии, тот самый, который, по меткому выражению Беранже, навесал человечеству «сон золотой». В оригинале у поэта сказано «un rêve heurteux au genre humain» («сон о счастье для человечества»). Оба русских писателя в юности увлекались идеями Фурье, только у Чернышевского это увлечение осталось надолго, а Щедрин отверг идею «социетарности», хотя элементы утопизма в его мышлении сохранялись. Так или иначе утопизм был у наших авторов связан и с поэтикой сновидения.

Для начала обратимся к «Губернским очеркам» (1857), о которых мы говорили в предшествующей статье<sup>4</sup>. Уже в этой первой знаменитой книге сатирика многократно возникает тема сонных видений, мечтаний, фантазий, которые приходят в голову персонажам и рассказчику произведения. В книге выделяются три вида фантазирования. Первое -

это «мечтательство» чиновников, обывателей, губернского начальства. Это либо сонное оцепенение разума и чувств («сон и водка - вот истинные друзья человечества»), либо какие-то «бестиальные», своекорыстные мечтания. Совершенно иной вид погружения в «альтернативную» действительность - это искренняя и чистая вера простолюдинов в чудеса, связанные с духовным миром христианской мифологии, сны наяву богомольцев (очерки «Общая картина», «Пахомовна», «Аринушка», «Христос воскрес!») Сам Щедрин с детских лет и до старости сохранил в душе идеалы православия. Третий «разряд» видений и фантазий, связанный со вторым, это склонность автора-рассказчика к полёту воображения. Вместе с богомольцами он готов присоединиться к «Осафью-царевичу», персонажу русского духовного стиха. «Христос воскрес! - думал я. - Он воскрес для всех... Я люблю эти народные поверья, потому что в них, кроме поэтического чувства, всегда разлито много светлой, успокаивающей любви». Лиричен финал очерка «Скука», в котором фантазия автора, погружающегося то в сонное оцепенение, то в полудремоту, переносит его в детство, в юность, воссоздаёт милые сердцу картины, окрашенные ностальгией. Для сравнения отметим – гончаровский «Сон Обломова» тоже представляет из себя серию «живых картин», открывающихся воображению Ильи Ильича, но на сонное видение они явно не похожи, поскольку выстраиваются как реалистические зарисовки помещичьего быта, только лишь слегка окрашенные ностальгией художника по утраченному миру деревенского детства.

А вот финал щедринских «Очерков» это настоящий сон-утопия, который, возможно, послужил одним из толчков для фантазии Чернышевского в снах Веры Павловны. В чём сходство? Прежде всего в идейном моменте - Щедрин, а вслед за ним и автор «Что делать?» поверили в то, что Россия находится накануне великих благотворных перемен. Сны рассказчика в «Губернских очерках» и Веры Павловны насыщены лирическим пафосом и динамикой движения от тёмного прошлого и настоящего к светлому будущему. Это эмоциональное начало подчёркнуто музыкальным «аккомпанементом» - герой Щедрина слышит возникающие «неизвестно откуда... звуки анданте пасторальной сонаты Бетховена», в своём третьем сне Вера Павловна слышит пение Анжелины Бозио, а часть четвертого сна излагается как пересказ эпической песни-поэмы вдохновенного поэта-пророка.

На Чернышевского произвела впечатление первая крупная вещь Щедрина, повесть «Запутанное дело». Впервые опубликованная в 1848 году, она послужила главной причиной высылки автора в Вятку. В 1863 году писатель снова издаёт её в доработанном и сокращённом по цензурным условиям виде - пришлось убрать намёки на бунтарские настроения героя. В 80-е годы автор готовит ещё два её переиздания, продолжая совершенствовать вещь стилистически. Уже из этого



внимания художника к своему первенцу видно, что повесть была ему дорога.

В структуре этого произведения снам героя, несчастного Ивана Самойловича, погибающего от голода в Петербурге, отводится настолько значительная роль, что сам жанр вещи может быть обозначен как повесть-видение. При этом границы между снами и реальностью становятся условными. Вспомним тютчевское «жизнь кругом объята снами», а ведь наш поэт лишь перефразировал Шекспира, который в драме «Буря» (1611) устами волшебника Просперо возглашает:

Из вещества того же, что и сон,  
Мы созданы, и наша жизнь  
Вся сном окружена (our little life is rounded with a  
sleep)

(The Tempest, act IV, scene 1).

Хотя в работе над «Запутанным делом» Щедрин опирается скорее не на Шекспира, а на Гоголя с его «Невским проспектом» и на «Рождественскую песнь в прозе» Диккенса. Отсюда мотив Петербурга как «поэтически улетающей» действительности, похожей на «картины волшебного фонаря». Отсюда же часто овладевающее героем состояние «сна наяву» - то погружается он в «сладкое полузабытье» и возникают перед ним картины детства, то «как будто сквозь сон» начинают «как-то подозрительно и странно» смотреть на него окружающие предметы, то целиком уходит он в волшебный мир оперы. Между реальностью и миром сна, грёз возникают по ходу действия то переключки, то контрасты, делающие жизнь героя всё более пугающей и призрачной.

Щедрин разрабатывал в повести технику «наплывов» и резкой смены кадров, предваряя этим приёмы искусства кино. Писатель стремился показать и сам процесс вхождения в сон. Вот пример: «Уж мозговое вещество Ивана Самойловича подёрнулось пеленою... уж и слуховой его орган наполнился однообразным и протяжным дрожанием... уж мимо глаз его пронёсся огромный, неохватимый взором, город... Но вдруг город сменился деревнею... Потом все эти образы, сначала определенные и различные, смешались... город обезобразился... избами... на улицах и площадях толпились волки... и пожирали друг друга».

Большую роль в снах героя играет фигура бойкой девицы Наденьки, в которую страдающий бедняк безнадежно влюблён. История их взаимоотношений - в снах и в жизни - как мне представляется, будет полемически переосмыслена Чернышевским в сценах видений Веры Павловны. Настоящим фантастическим гротеском, стоящим где-то на полпути между фантазиями Гофмана и Кафки, представляется последний

сон умирающего Ивана Самойловича. Это уже не «реалистические» сны героя, в которых он созерцал разные варианты своей жизни в столице, а кошмарный бред, абсурд, исполненный однако глубокого смысла. Перед агонизирующим человеком появляется нечто «бесконечное на бесконечно маленьких ножках». Обратим внимание на отсутствие имени существительного у этого существа, на умение художника «воздушному ничто дать имя и форму», как выразился в своё время Шекспир. Это «страшное, всепоглощающее бесконечное» псевдосущество было лишь «воплощением страшного вопроса», терзавшего давно уже сознание героя. Вопросы о смысле и характере жизни, о месте его, маленького человека, в этой «лотерее». И как ответ на этот «бесконечный» вопрос предстаёт перед умирающим ещё одна фантастическая картина - герой видит «огромную пирамиду», состоящую из «людей различных цветов и форм», причём людей «один на другого насаженных», так что «голова Ивана Самойловича была так изуродована... что лишилась даже признаков своего человеческого характера». «Живая пирамида» стала авторским осмыслением традиционного образа-символа несправедливого социального устройства, устойчивого и бездушного. В первом варианте повести герой пытается робко протестовать против этой системы, он «обратил свой взор свыше...», очевидно, апеллируя к верховной власти. Но в последующих редакциях этот жест убран, зато возникает кафкианская ситуация - созерцая своего двойника, герой вообще теряет человеческий образ и погибает.

Именно здесь, в первом своём крупном произведении (о юношеских стихах писателя и его слабой повести «Противоречия» мы не говорим) Щедрин выступил одновременно как реалист, продолжатель «натуральной школы» и как сказочник, мастер «театра абсурда», отражавшего фантастику той же реальности жизни. Что же касается названия «Запутанное дело», то оно на первый взгляд как будто неуместно, поскольку ничего запутанного в фабуле нет - показаны последние дни и ночи бедняка, его напрасные хождения в поисках работы, изображены его соседи по квартире, которые в финале его и хоронят. «Запутанной», по-настоящему сложной и неразрешимой предстаёт в повести проблема существования человека, вся острота которой и воплощается в нарастающей мрачности снов-видений героя.

Теперь от «сновидческой» составляющей раннего творчества Щедрина обратимся к снам Веры Павловны. О них и о романе «Что делать?» в целом как будто всё уже сказано и стократно пересказано в критической литературе. Достаточно напомнить, что во второй половине XX столетия восторженные феминистки Запада объявили эту книгу «международным бестселлером», великой утопией, которая «радует душу, волнует» и, главное, «оказывается достижимой»<sup>5</sup>! Да и наши молодёжные рок-группы распевали маловразумительные песни о «четвертом сне» героини, «сам» Пелевин сочинил рассказ - то ли

пародию, то ли серьёзную полемику с этим «Сном». Я уже отмечал, что религиозный по сути апофеоз, устроенный Чернышевским своей героине, напоминает отчасти культ женщины, который оформился в позднем творчестве Огюста Конта<sup>6</sup>. Но сейчас мы поговорим о том, как поэтика сновидений и мечты вписывается в знаменитый роман и ещё раз обратимся к переключке-спору (касаясь только «фантазийной» сферы) утописта Чернышевского с сатириком и юмористом Щедриным. Выше уже отмечено, что революционер-демократ мог опереться на художественный приём изображения утопии как пророческого сна - причём не только у Щедрина, но и у Диккенса. Взята была Чернышевским и такая выразительная деталь как музыкальный аккомпанемент сонного видения. И техника быстрой смены сцен-кадров.

Четыре сна героини занимают сравнительно мало места в романе, чуть меньше десяти процентов текста. Но значимы они не меньше, а чем-то даже и больше, чем многие остальные страницы, ибо автор располагает их в «ударных» местах книги, в узловых точках сюжета и, главное, вкладывает в них весь жар своей души, а финал четвертого сна - это уже никакой не «сон», а страстный публицистический призыв автора к своим молодым читателям, знаменитое «будущее светло и прекрасно...»<sup>7</sup>. Как раз эта утопическая картина будущего вызвала критику со стороны не только сторонников самодержавия, но и писателей-гуманистов - см. «Записки из подполья» (1864) Достоевского и отзыв Щедрина, сдержанный по тону, но отрицательный по существу. Автор «Губернских очерков» высоко оценивает «Что делать?» в целом как «роман серьёзный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ», то есть социализма. Но Чернышевский «не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей» в своей утопии, поэтому «вислоухих» (недалёких по уму сторонников писателя) «из этих подробностей всего более соблазняет... перспектива работать с пением и плясками». Щедрина за эти слова сильно досталось от русской демократической молодёжи, но по существу он оказался прав - вспомним хотя бы «пение и пляски» в хиппи-коммунах 60-70-х годов XX века на Западе и нравственную деградацию этой части молодёжи, бунтовавшей против буржуазных порядков и пытавшейся осуществить утопию свободной жизни на практике.

Обратимся непосредственно к циклу снов Веры Павловны. Прежде всего, почему их четыре? Очевидно, потому, что чётные числа в мифологиях народов мира считаются, как правило, числами женскими. А сама четверка («тетрактида») в учении Пифагора была «числовой богиней», корнем всех вещей<sup>8</sup>. Можно предполагать, что Чернышевский с его энциклопедическими познаниями знал и нумерологию, учитывал числовую символику в искусстве. Недаром он в письме из заточения к жене без ложной скромности сравнил себя с Аристотелем. При этом значимость снов героини возрастает по ходу развёртывания сюжета, что

отражено и в количестве страниц, им отведённых. Сон первый («сон Верочки») - всего одна страница, второму и третьему отдано по шесть страниц, а четвертый охватывает четырнадцать страниц, то есть чуть больше, чем все три первые взятые вместе. Эта почти геометрическая прогрессия, думается, говорит о многом. В том числе и о том, что по мере духовного роста своей героини писатель всё большее значение придаёт её видениям, функция которых - сделать её образ символом всего человечества, идущего неудержимо вперёд. Это целая сновидческая сюита, построенная на мотивах освобождения героини от мрачных сил («паралича») и приобщения её к силам добра, света и радости.

Кое-что, как мы уже отмечали, напоминает в этой сюите о снах щедринского героя из «Запутанного дела». Отметим ещё один момент сходства. Иван Самойлович в своих снах «перебирает» разные варианты жизни, среди которых есть и жалкое существование бедняка, страдания его жены и детей. Второй сон Веры Павловны содержит аналогичный эпизод - мать героини, ставшая «колдуньей», показывает дочери те кошмары, которые могли ожидать Веру, если бы у матери не были накоплены деньги. Но и в этом совпадающем моменте Чернышевский по сути дела полемизирует с автором «Запутанного дела». Насколько сны Ивана Самойловича мрачны и безнадежны, настолько революционер-демократ даже в тяжёлой ситуации стремится найти светлую сторону. Фантастическая «невеста» из снов Веры, двойник героини и олицетворение прогресса, внушает устроительнице швейной мастерской мысль о том, что некоторые злые люди могут быть полезными, они и нужны до поры до времени. Среди них и Марья Алексеевна, мать Веры.

Оригинален по замыслу третий сон героини, в котором проявляется «другая», по терминологии Щедрина, действительность, раскрываются те тайники души Веры Павловны, которые она сама боится затрагивать - речь идёт об охлаждении её к первому мужу и любви к Кирсанову. Здесь вводится приём чтения виртуального «дневника», который страшит женщину, но её заставляет читать очередной её двойник, певица Бозио. На одной из страниц несуществующего дневника есть запись о «страшном сне» героини (в романе он второй по счёту) - так Чернышевский использует древний мотив сна во сне, параллельный старинной технике рассказа в рассказе (см. циклы «Тысячи и одной ночи»), которые были известны писателю ещё с детства). Недаром позднее в виллюйской ссылке Чернышевский работает над сочинением романа, в котором, по его словам, будут «бесчисленные вставные повести» и пьесы, «нечто вроде арабских сказок и Декамерона». В третьем сне вспоминается попутно и образ «подвала» из первого сна. Вкладывание одного текста в другой - это один из способов художественного освоения многослойной действительности, разных уровней её.

Бозио-двойник (двойница?) героиня заставляет страдающую Веру читать «воображаемый дневник» (это слова Веры, но уже из её бодрствующего состояния) «вразнобой» - то в хронологическом порядке, то обращаясь к его началу. Это нужно для углублённого анализа подспудных чувств и мыслей героини (возможно, что так иногда перечитывал свой дневник сам Чернышевский). Эта психотерапевтическая акция чем-то напоминает будущие сеансы, проводимые психоаналитиками со своими закомплексованными пациентами.

Автор заботливо готовит нас и свою героиню к её апофеозу - четвертому сну. Вера Павловна, пережившая радости выхода из «подвала» и первой любви, приобщения к передовому учению и к опыту швейных мастерских, сумела пережить и кризис в её отношениях с первым мужем. Теперь она ещё более счастлива в браке с Кирсановым, ещё более раскрепощена в своих мыслях, более смела в моде и вкусах. Об этом свидетельствуют диалоги новобрачных, похожие по восторженному тону и стилю на некую оперу в прозе, переходящую в стихи. Супруги непрерывно восторгаются друг другом, демонстрируют самим себе и нам свои разнообразные таланты в науке, в понимании искусства, а Вера Павловна ещё и пропагандирует свободный покрой одежд античных гречанок. После такого вступления переход к четвертому сну проходит почти незаметно - героиня слышит знакомый ей дивный голос (то ли это Бозио поёт, то ли «невеста»), а затем поет свою поэму некий великий поэт и «ему говорит свои тайны природа, ему раскрывает свой смысл история, и жизнь тысячелетий проносится в его песне рядом картин». Какой контраст по сравнению с кошмарной «живой» пирамидой из сна Щедрина! Теперь перед нами пышная панорама исторических эпох, причём символом каждой выступает какая-либо богиня или высшее существо, будь то Астарта, Афродита, «Непорочность» (очевидно, контаминация образов Прекрасной Дамы и Девы Марии). Всё это лишь ступени на пути к грядущему царству «невесты», являвшейся Вере Павловне в её первых снах. И теперь этой «высшей» богиней оказывается простая смертная, сама Вера Павловна Кирсанова во плоти (вспомним опять Огюста Конта, обожествившего свою покойную возлюбленную). И тут неведомый поэт-пророк исчезает, отныне вещают «невеста»-пророчица и «царица», она же «старшая сестра», «сестра своих сестер, невеста своих женихов» (надо полагать, вся эта сумбурная авторская мифология не могла увлечь Салтыкова-Щедрина). Иногда в этих захлёбывающихся от восторга многословных речах слышится и робкий голос самой Веры Павловны, которая, очевидно, ещё не совсем свыклась со своим новым «царственным» статусом. Но пламенный призыв «старшей сестры» «будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему...», явно идущий уже от самого автора, по существу заканчивает роман. Хотя дальше идёт ещё

несколько десятков страниц, на протяжении которых автор пытается увлечь читателей то введением новых героев, то коммерческими расчётами по делам мастерской, то загадочным «американцем» Бьюмонтом, в которого успел превратиться «погибший» Лопухов и т. д. Самое главное здесь в том, что все положительные герои процветают, работают и от души веселятся, так что весь большой финал предпоследней пятой главы превращается в песенный концерт, исполненный безудержного ликования. И по сути дела повторяющий «пение и пляски» из финала четвертого сна, столь огорчившие Щедрина. Коротенькая шестая главка, намекающая на ближайшее будущее, на 1865 год, не меняет этого впечатления.

Напрашиваются на сопоставление ещё две важные детали из последних снов героя «Запутанного дела» и героини «Что делать?». Это здания, которые им видятся, архетипические здания-символы, воплощающие представления авторов о жизни - должной, либо недолжной. «Совершенно правильная пирамида» (это слова Щедрина) из сна-брёда Ивана Самойловича - это жуткий образец непоправимой «неправильности», машина физического и духовного подавления людей, их умерщвления. «Чугунно-хрустальное здание» (слова Чернышевского) - это, наоборот, по-настоящему «правильный» дом радости и веселья для людей, живущих в нём. Ясно, что для революционера-демократа картина «пения и плясок» в этом дворце была лишь одним из возможных и приблизительных эскизов к плану светлого будущего. Но всё ли так уж благостно в этой «чугунно-хрустальной» и алюминиево-оранжерейной идиллии? Возражения со стороны Щедрина, Достоевского и Набокова, если брать только русских писателей, имеют веское обоснование, и их аргументацию мы развивать не будем. Отметим лишь, что Джойс, не знакомый с романом «Что делать?», по существу даёт в романе «Улисс» (1921) пародию на великолепное здание Чернышевского. Это гротескная сцена, включенная в длинный сон-фантазмагорию Блума. Этому персонажу снится, что став повелителем земли, он приказывает воздвигнуть для всех страждущих «хрустальный дворец» в форме... гигантской бараньей почки (потому что Блуму почки нравятся как еда). Часть рабочих на строительстве дворца погибает, остальные бунтуют, повелитель низвергнут...

Что касается Щедрина, то он продолжил тему «правильной пирамиды», трансформировав её в «Истории одного города». Речь идёт об Угрюм-Бурчееве из «Истории одного города». О нём сказано: «Как человек ограниченный, он ничего не преследовал, кроме правильности построений. Прямая линия... простота, доведённая до наготы, - вот идеалы, которые он знал и к осуществлению которых стремился». Создавая этот гротескный образ, сатирик метил не только в мракобесов-цепных псов самодержавия (о чём много сказано у щедриноведов советского периода), но и в «нивелляторов»-уравнителей, сторонников

утопического коммунизма. У некоторых русских царей, например, у Александра I в первые годы его царствования был реформаторский настрой, который граф С.С. Уваров метко назвал «административным сен-симонизмом»<sup>9</sup>. Угрюм-Бурчеев действует по наитию, он погружается в мир «волшебных сновидений», в которых одинаковые люди идут «однообразным шагом» и одинаково куда-то исчезают... Это был «целый систематический бред», из которого позднее, как уверяет летописец города Глухова, возникла «мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления» людей, которая оформилась в сложную «административную теорию». Всё это по существу есть возникающая из сонных видений маньяка антиутопия - злая пародия на утопические мечтания всех тех, кто желал осчастливить человечество и верил в осуществимость своих фантастических планов. Интересно, читал ли Николай Гаврилович «Историю одного города»? Во всяком случае, нет оснований думать, что Щедрин метил в своего коллегу-оппонента, сатирик создавал образ гротескно-универсальный, как говорят, «на все времена».

Мы не будем анализировать поэтику сновидений и фантазирования героев в таких его произведениях как «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», в других его замечательных книгах, планируя обратиться к этой теме в дальнейшем. Скажем пока что: один лишь роман «Господа Головлёвы» представляет в этом отношении богатейший материал. Вся семья Головлёвых - это скопище деградировавших личностей, наделённых при том «проклятой талантливостью», то есть склонностью к «мечтательству», игре воображения, которое, однако, принимает у них уродливые формы. Это развитие тенденции, заложенной ещё в «Губернских очерках», в которых формулировали свои своекорыстные мечтания чиновники разных рангов.

Крайне любопытен отзыв Щедрина на роман Достоевского «Идиот», где сказано: «С одной стороны, у него (автора романа - В.В.) являются лица, полные жизни и правды, с другой - какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева». Под «марионетками» Щедрин, очевидно, подразумевал те образы писателя, в которых нарушались принятые в реализме XIX века принципы правдоподобия. Но сам-то сатирик их постоянно нарушал - «словно во сне» существуют (постоянно или в течение какого-то периода) такие его герои как Иван Самойлович из «Запутанного дела», Порфиша Велентьев («Господа ташкентцы»), члены «Семьи Головлёвых», сказочный Баран-непомнящий, а Богатырь из одноименной сказки так «молодецки» засыпает, что сон его незаметно переходит в смерть. Да и герою-рассказчику в некоторых произведениях сатирика не чуждо кратковременное погружение в мир мечтаний, воспоминаний, воображения.

Страсть к фантазированию до того овладевает Иудушкой, что он даже забывает о своих материальных выгодах - «художественное» начало в его душе сталкивается с делячеством, скопидомством и хищничеством и в то же время переплетается с ними. Погружается в горячечный бред «Стёпка-балбес», проваливаясь в «бесконечную пустоту», наполненную «фосфорическим блеском» и лишённую образов. Не чуждо ему и фантазирование наяву, когда он, подобно художнику-сюрреалисту типа Сальвадора Дали, перестраивает по-своему облака на небе и видит в них то «попа в рясе», из удлинённой руки которого льёт дождь, то «косматый ком», угрожающий лапами задушить деревню...

Павел Владимирович тоже «создал для себя особенную фантастическую действительность... глупо героический роман». Арина Петровна, капитулировавшая перед сыном, одержима ночными страхами, болезненными видениями. «Как во сне» живёт неудачливая опереточная актриса Аннинька. На последней стадии своего существования Порфирий Головлёв целиком уходит в виртуальный мир отвратительных фантазий: он «созидал узорчатое здание фантастических притеснений», «это был своего рода экстаз, ясновидение». Его сны наяву - это воображаемое воплощение всех тех пакостей, которые он хотел бы причинить людям. Сцены, одна «приятнее» другой, так и мелькают в его воспалённом воображении. Иудушка - художник в царстве своего искривлённого мира. Он, как настоящий декадент, и задыхается и блаженствует в «омуте фантастических действий и образов», в котором он мог «свободно опутывать целый мир». Болезненное наслаждение доставляет Иудушке постоянная перестройка «узорчатого здания» его пакостной фантазии - ну почти как в творчестве талантливого постмодерниста Владимира Сорокина. Порфирий Головлёв впадал при этом в «своего рода экстаз», в «умственное распутство».

И вот, странным, но психологически объяснимым образом, эта его способность фантазировать плюс жестокие укоры Анниньки за погубленные им жизни близких плюс остатки веры в Христа-искупителя пробуждают в падшем человеке остатки совести... До конца дней не покидала сатирика вера в то, что разными путями, в том числе и благодаря потайным движениям души, проявляющимся иногда в видениях, фантазиях, снах, человек может выпрямляться, приходить к правде. Не покидало его и представление о жизни как «тине мелочей», жизни «спутанной, самой себе не отдающей отчёта в том, почему она называет себя жизнью, а не смертью», или, выражаясь иначе, о жизни, окружённой снами («Господа Молчалины», глава VI).



<sup>1</sup> См.: *Арnaudов М.* Психология литературного творчества. М., 1970. Разделы «Сказочное воображение», «Галлюцинация», «Сонное состояние»; *Гончаренко Н.В.* Гений в искусстве и науке. М., 1991. Глава «Вдохновение и интуиция»; *Фрейд З.* Сон и сновидения. М., 1997.

<sup>2</sup> Н. Щедрин о литературе. М., 1952, С. 147-149, 223-227.

<sup>3</sup> Здесь и далее цитаты из Щедрина даются по изданию: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20 т. М., 1965-1977.

<sup>4</sup> *Вахрушев В.С.* Чернышевский, Добролюбов и Писарев о раннем творчестве Салтыкова-Щедрина // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 16. Саратов, 2007. С. 22-32.

<sup>5</sup> См. сборник: Эти загадочные англичанки. М., 1992. С. 427-428.

<sup>6</sup> См.: Н. Г. Чернышевский Статьи, исследования и материалы. Вып. 13. Саратов, 1999. С. 19.

<sup>7</sup> Цитаты из Чернышевского даются по изданию: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939-1953.

<sup>8</sup> См.: Эхо Пифагора // Знание-сила. 1998. № 3. С. 103; Kline M. Mathematics and the Search for Knowledge. N. Y. 1985. P. 50.

<sup>9</sup> См.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... М., 2001. С. 344.

И.В. Пыркoв

## ПОЭЗИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СНАХ ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

В 1951 году, к Всемирной выставке, в Лондоне, в Гайд-Парке, по проекту архитектора Дж. Пакстона был выстроен Хрустальный дворец - уникальное сооружение из стекла и железа без кирпича и дерева. Хрустальный, или, как его называют еще иногда, Кристальный дворец позднее перенесли на несколько километров севернее, в предместье Лондона. И вот, находясь в Англии, в 1859 году, Николай Гаврилович Чернышевский посещает это чудо архитектуры, чтобы после отразить его сияние на страницах романа «Что делать?»<sup>1</sup>.

В «Четвертом сне Веры Павловны», максимально приближенном, как справедливо полагают многие комментаторы, к жанру утопии (ни один сборник русских литературных утопий не обходился пока, во всяком случае, без четвертого - утопического - сна Веры Павловны, этого «знаменательного документа русской утопической литературы») <sup>2</sup> «сестра...сестер», «невеста... женихов», знающая будущее, воскликнет: «Но это здание, - что ж это, какой оно архитектуры? теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, - дворец, который стоит на Сайдвигамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло - только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом...»<sup>3</sup>.

Что ж, социальное здание, возводимое еще со времен Томаса Мора на месте, которого нет, не может быть построено и функционировать без неслыханных источников энергии, диковинных материалов, немислимых ценностных установок. Ну как тут не вспомнить, например, о путешествии Сирано де Бержерака к империям Луны, где вместо денег принято расплачиваться стихами и сонетами. «Я не боялся расходов, - признается здешний абориген, - так как даже если бы мы с вами кутили целую неделю, то не могли бы истратить сонета, а у меня их в кармане четыре, не считая двух эпиграмм, двух од и одной эклоги»<sup>4</sup>.

А разве не еще больший градус несбыточности имеет нравственная максима из утопии В.Ф. Одоевского «4338 год», в котором, по предсказанию автора «Музыкальной табакерки», увеличившееся чувство любви к человечеству достигнет у всех нас до того, что мы не сможем видеть трагедий и удивимся, как раньше люди «могли любоваться видом нравственных несчастий»<sup>5</sup>.

Да что там, самый обычный утопический обед, который, после ироничной усмешки («О, страна поэтов! У вас везде поэзия, даже в обеденном преискуранте!») заказывает герой того же произведения, буквально потрясает вкусовые рецепторы читателя: «Дайте мне, - говорит он, едва ли не облизываясь, - хорошую порцию крахмального экстракта на спаржевой эссенции, порцию сгущенного азота a la fleur - dorang... и добрую бутылку углекислого газа с водородом»<sup>6</sup>. Тут и сам Рахметов бы, пожалуй, поморщился! А что бы сказал Обломов?

К слову, такое известное бахтинское определение, как «утопическая даль»<sup>7</sup>, вполне соотносимо с обломовским сном, и это даже несмотря на то, что тот же Бахтин говорил прежде всего об идиллической природе гончаровского шедевра<sup>8</sup>. Дело в том, что для Ильи Ильича Обломова прошлое, куда постоянно устремлен его внутренний взор, гораздо реальнее и значимее настоящего. Математически почти выверенная формула обломовцев (сегодня как вчера, завтра как сегодня) имеет тот же утопический идейный вектор: будущее есть неизмененное прошлое. « - И утопия-то у тебя обломовская», - замечает Штольц с подачи автора<sup>9</sup>. Но если от мелких щипков и постоянно беспокоящих притрагиваний жизни (знаменитое обломовское «жизнь трогает») Илье Ильичу удастся кое-как отмахиваться, то реальное столкновение с ее поступательным движением заканчивается для «обломовского Платона» полным крахом. Не из-за одной же только банальной лени Обломов все медлит и медлит с возвращением в родовое гнездо, все откладывает и откладывает осуществление своей мечты. Он отлично понимает, что Обломовки, какой была она когда-то, давно уже нет, нет в живых родителей, изменился сам быт, сам состав жизни стал другим. Уже «заря нового счастья» не за горами, уже тревожный ритм воспеваемой Штольцем железной дороги пульсирует в почве родной Обломовки». И

Илья Ильич выбирает прошлое, выбирает место и время, которых нет, выбирает дом, который навсегда останется лишь проекцией...

Однако же вернемся к словам Чернышевского: «...там, внутри, уж настоящий дом». Внешняя сторона утопической мечты волновала автора романа «Что делать?», вероятно, менее всего. Его пытливая мысль нацелена в глубь явления, в корень процесса, «в корень отношений» (С. 343), как он сам пишет. «Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов?» (С. 354). Ответ прост: люди, что работают на ниве и убирают хлеб, занимаются хозяйством, растят и воспитывают детей... Словом, самые обыкновенные люди, занимающиеся самыми обыкновенными делами. Да, важно, конечно, что жать, вязать снопы, убирать урожай помогают людям машины, но гораздо важнее, особенно для сегодняшнего восприятия, другое: их труд одухотворен и свободен. Не случайно такое огромное значение придает Чернышевский песне: «И всё песни, всё песни, - незнакомые, новые...» (С. 355).

Получается, что дом, не только как сугубо архитектурное сооружение, но еще и как модель общественно-политического устройства, был немислим для Чернышевского без свободно льющейся песни, а значит - и без поэзии. Сразу же вспоминается образ поэта, чело и мысль которого «озарены вдохновением». По форме, собственно, весь «Четвертый сон Веры Павловны» представляет из себя ряд картин, возникающих вместе с поэтическим словом. «Звучат слова поэта, и возникает картина» (С. 345). О многом говорит и стихотворная лесенка, связывающая четвертый сон с предыдущим текстом, - песня Маргариты из «Фауста» Гете:

И сладкие речи,  
Как говор струй;  
Его улыбка  
И поцелуй.

.....  
Wie herrlich leuchtet  
Mir die Natur!  
Wie glanz die Sonne!  
Wie Lacht die Fiur!<sup>10</sup>

Но вот что примечательно. Чернышевский словно бы осознанно поэтизирует «Четвертый сон...», что сказывается даже на выборе элементарных языковых средств - постоянных многоточий, восклицаний, примеров возвышенной лексики, столь привычных для псевдоромантической поэтики, но так странно, диссонансно даже звучащих на фоне весьма сдержанной общероманной тональности «Что делать?». Не оставляет впечатление, что автор в очередной раз

предлагает «проницательному» и не очень читателю самое простое, в данном случае стилистическое решение, за которым, как за наносным изображением на древней иконе, скрыта истинная поэзия. Интересно наблюдать, как слово «здание», упорно выводимое пером Чернышевского на первых порах, постепенно замещается в тексте «Четвертого сна...» словом «дом». Ср.: «Но вот работа кончена, все идут к зданию» (С. 555); «Они входят в дом» (С. 359).

Заметим, обрисовывая, весьма, кстати, подробно, вплоть до свойств материала, убранство дома, Чернышевский использует весьма символической словосочетание: «внутренний дом» (С. 354). И особое внимание уделяет окнам: «Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, а окна огромные, широкие, во всю высоту этажей!» (С. 354). Кстати, огромные окна, просторные мансарды, высокие своды, прозрачные, как будто и нет их вовсе, крыши - это вполне традиционные для утопической архитектуры решения. Например, устройство храма, построенного силой гениального воображения Кампанеллы, напоминало схему всей Солнечной системы<sup>11</sup>.

В непроницаемых стенах Петропавловской крепости Николай Гаврилович вспомнит: «Окна дома, в котором жили мы, выходили на Волгу». И признается: «Всё она и она перед глазами...»<sup>12</sup>. Какой же глубокий вздох послышится в этих словах, в какой-то степени, как мы полагаем, отражающих и подтекстовое звучание романа «Что делать?»

Итак, отвлеченное, несколько абстрактное «здание», становящееся на глазах читателя живым (даже цветущим) и жилым домом; внешняя оболочка, скрывающая внутренний огонь мысли; проза, неожиданно просверливающая драгоценно гранью истинной поэзии.

«Да ты поэт, Илья!» На восклицание своего друга Андрея Штольца Обломов отвечает поистине пушкинской фразой: «Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия»<sup>13</sup>. «Поэт действительности» - так, если быть до конца точным, звучит блистательная формула А.С. Пушкина<sup>14</sup>, которой В.Г. Белинский увенчал свое боевое критическое знамя. Пушкин и Чернышевский, между прочим говоря, - это одна из самых глубоких парадигм русской литературы. Достаточно вспомнить только, что в июле 1862 года Николая Гавриловича арестовывал офицер III отделения Ракеев, сопровождавший в свое время гроб с телом Пушкина из Петербурга в Михайловское.

Поэзия жизни, поэзия действительности... Вдумаемся: ведь Чернышевский даже в плане топонимики пишет не о каком-то отдаленном острове, не про другую планету, не про вымышленный мир. « - Неужели... это мы? неужели это наша земля?» - удивляется Вера Павловна, потрясенная увиденной только что картиной, в которой, повторим, нет ничего несбыточного. « - Да, - подтверждает голос из будущего, - ты видишь невдалеке реку - это Ока; эти люди мы...» (С. 355).

И невольно рождается сомнение: не эта ли максимальное приближенность к действительности, не эта ли узнаваемость, вплоть до примет ландшафта, не эта ли реальность мечтаний навлекла такой гнев власть имущих на автора. Сны Веры Павловны, не только четвертый, но и все остальные, связаны, сцеплены с жизнью накрепко, они полны поэзии действительности. Именно это, как мы полагаем, в значительной мере обусловило проявление некоторых знаковых моментов из снов Веры Павловны «в культуре повседневноности», как выражаются некоторые комментаторы, посвящающие данному, весьма любопытному, аспекту целые работы<sup>15</sup>.

Поле, куда выбегает Верочка, освобожденная из темного подвала, корень растения, увеличенный во много раз силой авторской мысли размеров символического образа, толки о корчах и чугунах, которые таскала мать, страницы дневника, где запечатлелись сомнения любящего сердца, уборка хлеба, глина, песок и почва, развозящаяся на машинах, распахнутые в мир окна, текущая неподалеку Ока, льющаяся песня...

«Эти люди мы...».

В снах Веры Павловны, если посмотреть на них сквозь призму поэзии действительности, воплощается ставшее теперь уже расхожим, но не до конца еще, возможно, осмысленное потомками важнейшее эстетическое положение Чернышевского: «Общеинтересное в жизни - вот содержание искусства»<sup>16</sup>.

Писатель выводит на авансцену русского романа, а следовательно, и русской жизни (тут влияние взаимнообратное) героев, не обремененных традиционным набором сословных и прочих условностей, не зависящих от какой бы то ни было власти, кроме власти разума. Это и делает их общеинтересными, или, по-иному говоря, новыми героями. Если до сих пор едва ли не в каждом шедевре отечественной словесности лишние, униженные и оскорбленные, маленькие люди были на переднем плане, а из всех литературных материй всего более ценилось понимающими людьми серое сукно гоголевской «Шинели», то теперь, с появлением «Что делать?», перед читателями явились люди, не втягивающие голову в плечи, смело глядящие только вперед и вперед зовущие. «Необычаен их нравственный облик, - констатирует П. Николаев, - они совершают благородные и самоотверженные поступки, нисколько не думая при этом о благородстве и самоотверженности; они утверждают, что поступают так для своей же пользы, из «разумного эгоизма». Можно говорить об ограниченности этой нравственной теории, но нельзя не видеть, что в ней есть свой особый и высокий смысл: нет для человека большего счастья, большей нравственной «пользы» - пусть это даже сопровождается болью и страданием, - чем сознание того, что поступил справедливо, разумно, нравственно»<sup>17</sup>.

Да, морально-нравственный статус новых людей весьма высок, все их мысли, намерения и действия поверяются прежде всего «нравственной

математикой», если допустимо в данном случае воспользоваться весьма изящной формулировкой из приводимой нами уже выше утопии В.Ф. Одоевского<sup>18</sup>. Более того, поэзия действительности в интерпретации Чернышевского просто неотделима от нравственной сферы. Добро, справедливость, любовь, истина, равенство, свобода - это не просто слова, произносимые или чаще подразумеваемые героями романа. Это слова-сигналы, своеобразные опознавательные знаки, по которым моментально и безошибочно распознается система морально-нравственных координат самого автора, распознается главная направленность его идейных устремлений, неодносложных, глубоких и уж, во всяком случае, не имеющих ничего общего с прокламационными призывами к насилию. Томас Мор, как известно, был противником восстаний и вообще любых проявлений насилия, однако он заплатил за свою «Золотую книгу...» весьма высокую цену - жизнь. Об авторе романа «Что делать?» можно сказать то же самое. Петропавловская крепость, Мыгнинская площадь, Нерчинская каторга, Вилюйский острог, астраханская полупустыня... Это ведь тоже своего рода отличительные знаки, вешки беспощадной судьбы, о которых неплохо бы вспомнить тем, кто имеет сегодня бессовестность наводить тень на имя Чернышевского, не полемизировать, что всегда во благо, не спорить открыто, а очернять исподтишка.

...Как-то Шарль Фурье, многие идеи которого были прекрасно известны Чернышевскому, зашел вместе с другом в парижский ресторан и попросил подать перед обедом яблоко. Яблоко вскоре принесли, но оказалось, что за него следовало заплатить 70 сантимов, что потрясло Фурье, так как на эти деньги легко можно было купить в другом месте, в обычной лавке, например, целую гору спелых плодов. Данные обстоятельства навели философа на размышления о несовершенстве «индустриального механизма», и он разработал «теорию четырех яблок», это несовершенство разоблачающую. Подразумевалось, в частности, что в мире есть два гибельных яблока - Евы и Париса, и два благотворных - Ньютона и его, Фурье<sup>19</sup>.

Особенный человек Рахметов вынимает из кармана не яблоко, а кусок ветчины да ломоть черного хлеба (Чернышевский и в мелочах остается верен поэзии действительности), всё это съедает, запивая полграфинном воды, после же начинает «пересматривать, что выбрать для чтения». Он так характеризует попадающиеся ему поначалу книги: «известно...», «несамобытно...», «несамобытно...», «несамобытно...» И вдруг останавливается: «А, вот это хорошо, что попало». Рахметов с любовью и чуть ли не с трепетом берет в руки «Полное собрание сочинений Ньютона», если быть более точным, «Замечания о Пророчествах Даниила и Апокалипсис св. Иоанна». «Да, - удовлетворенно кивает он головой, - эта сторона здания до сих пор осталась у меня без капитального основания. Ньютон писал этот

комментарий в старости, когда был наполовину в здравом уме, наполовину помешан». Классический источник по вопросу о смещении безумия с умом» (С. 256).

Что ж, пророчества вдохновенного безумца Фурье (об антимирах, к примеру), находящиеся на грани безумия и гениальности (часто, впрочем, соседствующих) размышления Ньютона гораздо более близки, чем может показаться на первый взгляд, миропониманию и Рахметова, и самого Чернышевского, в корне своем рационалистическому. В утопии А. Богданова «Красная звезда» (того самого врача, что возглавил в 1926 году первый в нашей стране институт по переливанию крови) есть удивительно точно подходящее для характеристики художественной организации «Что делать?» словосочетание: «Где нет ритма звуков, - говорит Энно, житель Красной звезды, то есть Марса - там должен быть... ритм идей...»<sup>20</sup>. Именно «ритму идей» подчинена поэзия действительности в романе Чернышевского.

Николай Гаврилович, бросая взгляд как бы извне на образ Рахметова, как раз в ту минуту, кстати, когда тот раскрывает пыльный фолиант Ньютона, не без иронии, точнее, не без самоиронии, с улыбкой замечает: «Он с усердным наслаждением принялся читать книгу, которую в последние сто лет едва ли кто читал, кроме корректоров ее: читать ее для кого бы то ни было, кроме Рахметова, то же самое, что есть песок или опилки. Но ему было вкусно» (С. 256). Так вот, роман Чернышевского до сих пор таит в себе много интересного, «вкусного» для исследователей и читателей.

А сны Веры Павловны - это, говоря по-рахметовски, главная «сторона здания» утопической идеи автора, столь близкой к реальности, воплощение его мечты, полное жизни, проникнутое поэзией действительности.

#### Примечания

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Утопический социализм в России (под ред. А.И. Володина и Б.М. Шахматова). М., 1985. С. 285.

<sup>2</sup> Шестаков В.П. Эволюция русской литературной утопии // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 23.

<sup>3</sup> Чернышевский Н.Г. Что делать? (Библиотека всемирной литературы). М., 1969. С. 353. Далее ссылки на роман приводятся по этому изданию с указанием страницы.

<sup>4</sup> Сирано де Бержерак. Государства Луны // Утопический роман XVI - XVII веков. (Библиотека всемирной литературы). М., 1971. С. 257.

<sup>5</sup> Одоевский В.Ф. 4338 год // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 126.

<sup>6</sup> Там же. С. 121.

<sup>7</sup> Бахтин М.М. К стилистике романа // М.М. Бахтин. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 136.

<sup>8</sup> См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 394-395.

<sup>9</sup> Гончаров И.А. Обломов // И.А. Гончаров. Избранные сочинения. (Библиотека учителя) М., 1990. С. 164.

<sup>10</sup> Как мне природа  
Блестит вокруг,  
Как рдеет солнце,

Смеется луг. (Перевод С. Звяицкого).

<sup>11</sup> См. об этом подробнее: Утопический роман XVI-XVII веков. (Библиотека всемирной литературы). М., 1971. С. 463.

<sup>12</sup> Чернышевский Н.Г. Автобиография // Н.Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939- 1953. Т. 1. С. 674-675.

<sup>13</sup> Гончаров И.А. Обломов // И.А. Гончаров. Избранные сочинения. (Библиотека учителя) М., 1990. С. 161.

<sup>14</sup> «Поэт действительности» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1964. Т. 7. С. 110.

<sup>15</sup> См., напр.: Листвина Е.В. Н.Г. Чернышевский и культура повседневности // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сб. научн. тр. Вып. 15. М., 2004. С. 22.

<sup>16</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 82.

<sup>17</sup> Николаев П. Революционный роман // Н. Г. Чернышевский Что делать? (Библиотека всемирной литературы) М., 1969. С. 14.

<sup>18</sup> Одоевский В.Ф. Там же. С. 121.

<sup>19</sup> См. об этом подробнее: Дворцов А. Шарль Фурье. Его жизнь и учение. М., 1938. С. 44.

<sup>20</sup> Богданов А.А. Красная звезда // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 248.

О.Б. Кафанова

## «ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ» ЖОРЖ САНД В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Признавая высокую авторитетность Жорж Санд для Чернышевского, А.П. Скафтымов отмечал отсутствие в наследии критика отдельной статьи или «хотя бы нескольких страниц», посвященных характеристике французской писательницы<sup>1</sup>. Это не совсем так. Своеобразный очерк личности, нравственного и творческого облика Жорж Санд складывается из многочисленных комментариев к переводу ее литературной автобиографии («Histoire de ma vie») и самих переводческих принципов Чернышевского. Этот труд критика интересен прежде всего яркой нравственной концепцией, в которой репрезентировано его представление о счастье человека. Чернышевский сформулировал здесь мысли, которые затем будет развивать в статье «Русский человек на rendez-vous» и романе «Что делать?» Продолжая апологию женщины, начатую западниками во главе с Белинским еще в 1840-е гг., он сделал женщину ключевой фигурой в своей этической концепции потому что



- на женщине держится Дом, Семья;
- потому что она Мать;
- она гармонизирует социальные отношения
- она включена в онтологию: в основе мира лежит женское начало, любовь.

Поэтому желание возвысить женщину, сделать ее счастливой объективно совпадает со стремлением изменить к лучшему общество, мир. Еще в молодости Чернышевский решил, что «женщина должна быть равной мужчине». «Но когда палка, - объяснял он Ольге Сократовне в 1853 г., - была долго искривлена на одну сторону, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть ее на другую сторону». Именно поэтому «каждый порядочный человек обязан <...> ставить свою жену выше себя»<sup>2</sup>. Этот этический принцип, сформировавшийся у Чернышевского под непосредственным влиянием Жорж Санд<sup>3</sup>, стал для него законом в личной и семейной жизни.

Итак, обратимся к анализу перевода и комментариев Чернышевского. «Историю моей жизни» («Histoire de ma vie») Жорж Санд задумала и начала писать с 1847 г., то есть в возрасте сорока с небольшим лет. Впереди у нее была еще долгая жизнь, а многие ее «враги» и «друзья» пребывали в добром здравии. Все это определило характер этого автобиографического сочинения. Санд намеренно отказалась от исповедального принципа. Раскрывая свой замысел в письмах к друзьям, она откровенно полемизировала с Ж.-Ж. Руссо. По ее утверждению, ей не в чем было исповедоваться, так как она «не отдавала детей в сиротский дом и не сделала ничего такого, что бы принуждало ее совесть к исповеди»<sup>4</sup>. Она ставила перед собой скорее просветительские и воспитательные цели, считая себя вправе пробудить в уме читателей общие размышления о своем времени и многих его насущных проблемах. Издателей она прямо предостерегала против сближения ее «Истории» с «Исповедью» Руссо в рекламах и объявлениях (IX, 573). Как и в других своих автобиографических произведениях, например, романе «Она и он» («Elle et lui»), писательница «извиняла ошибки, возвышала характеры, замалчивала реальные неприятности». С ее точки зрения, по отношению к другим людям это «не значило лгать, но простить» (XV, 344).

С октября 1854 г. по август 1855 г. «История моей жизни» Жорж Санд публиковалась в «La Presse», одновременно она выходила отдельным изданием в Париже (20 томов) и Лейпциге (13 томов). В.Д. Комарова-Стасова удачно назвала это огромное по объему произведение «маленькой энциклопедией мыслей, мнений, доктрин, чувств, и впечатлений писательницы»<sup>5</sup>.

Чернышевский заинтересовался автобиографией Жорж Санд еще до полного ее появления в печати. С января 1855 г. «Современник» начал публикацию первых ее глав. В течение почти двух лет, в восьми статьях он знакомил русских читателей с содержанием всего многотомного

сочинения, а не отдельных его глав, как утверждает М.С. Трескунов<sup>6</sup>. В примечании к первой статье оговаривалось, что редакция оставляет за собой право представлять это «обширное» по объему сочинение «в сокращенном виде, смотря по степени интереса, останавливаясь на более любопытных страницах»<sup>7</sup>. В первых четырех статьях, появившихся в 1855 г. и составивших около 120 страниц журнального текста<sup>8</sup>, Чернышевский действительно точно следовал оригиналу. Он делал лишь незначительные сокращения, устраняя утомительные подробности, касающиеся далеких предков Жорж Санд, а также ее многочисленные выпады против католицизма и революционного террора.

Все возрастающее количество отступлений от оригинала по мере продвижения перевода свидетельствовало о полемике Чернышевского с автором по поводу собственно целей этого сочинения и изложения конкретных нравственно-идейных коллизий.

Не удовлетворяясь ролью переводчика, задача которого состоит в строгом следовании мысли и форме подлинника, Чернышевский кардинально изменил стиль своей работы. Спустя восемь месяцев после публикации последнего отрывка из книги Жорж Санд в 1855 г., он возобновил 6 апреля 1856 г. серию статей о ней, ограничиваясь отныне преимущественно пересказом сочинения, а также выступая в более привычном для себя качестве комментатора и критика. Вместе с изменением субъекта повествования возникло и новое название всего цикла: теперь это «Жизнь Жоржа Санда», в связи с чем заново была начата нумерация статей. А первую, по его собственному обозначению, публикацию (на самом деле она пятая по счету), он предварил уже не кратким примечанием, но обстоятельным предисловием<sup>9</sup>, которое включено в полное собрание сочинений критика (III, 340-345).

Прежде всего, Чернышевский, ознакомившись с произведением в полном объеме, отметил его недостатки. По его мнению, «Записки <...> страшно растянуты», «целые десятки страниц наполнены иногда скучными письмами или рассуждениями, которые хороши были бы как отдельные диссертации о том или другом психологическом, нравственном или юридическом вопросе, но бесполезно замедляют биографический рассказ» (III, 341). «Растянутость» и «скучность» явились не единственным, с точки зрения Чернышевского, недостатком произведения Жорж Санд. Читать его «без критики» для него было невозможно из-за разницы в оценках изображаемых характеров и событий. Объясняя причины своих разногласий со знаменитой писательницей, он отметил различие в поэтике романного и мемуарного жанров. Произведение Жорж Санд получило у него иное жанровое определение. Он не называл его биографией, но «записками», мемуарами», «воспоминаниями». Вместе с тем он впервые специально остановился на анализе романного творчества Санд.

К середине 1850-х гг. Жорж Санд уже несколько утратила в России репутацию «властительницы дум», приобретенную ею в кругу «людей сороковых годов». Но редакция «Современника» продолжала поддерживать созданный еще Белинским ее высокий идейно-нравственный «культ». Оценка Чернышевского содержала в себе элемент критики, но в еще большей мере утверждала «новую силу» произведений романистки «для полезного действия на публику». С одной стороны, в ее романах он отмечал «довольно много экзальтации», подмечал излишнюю идеализацию природы, людей и событий. Но этот художественный недостаток, обусловленный концепцией романтического двоимирия, имел и свои преимущества, противодействуя «господствующей мелочности, холодности и пошлomu бездушию» (III, 341-342).

Однако эта же самая экзальтация стала совершенно неуместной, по мысли Чернышевского, в автобиографических записках. Сознательный отказ Жорж Санд от интимно-исповедальной манеры, ее установка не говорить ничего дурного о людях, так или иначе входивших в ее жизнь, вели, по убеждению критика, к ложному пафосу. Автобиография лишалась искренности и не отвечала требованиям правдивого психологического свидетельства.

Чернышевский сблизил автора мемуарного жанра с историком, так как обоим «надобно судить о людях хладнокровно» и «позволительнее смотреть на них недоверчивыми, нежели восторженными глазами» (III, 342). Для него был неприемлем «какой-то фальшивый колорит» сочинения Санд. Самые близкие ей люди – бабушка, отец и мать – изображались ею «идеальными», «полувоздушными существами», которые имели в себе «менее истины, нежели вымышленные персонажи ее романов» (III, 342). Романские герои и героини – Жак, Индиана, Лукреция Флориани, господин Буагибо – «действуют в обстановке более или менее идеальной»; «это характеры выдержанные, цельные, гармонирующие и сами с собою и с общим колоритом мира, которым окружил их художественный инстинкт романиста». Но реальная обстановка, в которой жили госпожа Дюпен, Морис, Виктория Делаборд, далека от гармонии. Вот это несоответствие между центральными лицами, включенными в «Жизнь» Жорж Санд, и обстоятельствами их подлинной жизни и намеревался исправить Чернышевский. С этой целью он обещал основываться «более на фактах, представляемых автором, нежели на его мнениях» (III, 343).

Излагая историю любви и брака родителей будущей писательницы, он перенес взаимоотношения аристократа и простолюдинки в нравственно-этическую плоскость. Внимание Чернышевского сосредоточилось на психологии трех лиц, задействованных в любовной драме. Завязка в пересказе Чернышевского выглядела так. Морис признавался матери в своей страсти к Виктории Делаборд, при этом он высказывал самые высокие представления о любви и ее могуществе:

«Любовь очищает все. Любовь может облагородить самое презренное существо»<sup>10</sup>. По мнению юноши, благоразумнее любить одну женщину, а не многих. Подтекстом его эпистолярных размышлений было желание оправдать свой выбор женщины, прошлое которой было не вполне безупречным. Наконец, предугадывая категорическое несогласие матери на столь неравный брак, он объяснял ей разницу между падшей и честной женщиной: «Погибшая женщина – та, которая продает свою любовь»<sup>11</sup>.

Комментарии Чернышевского свидетельствуют о его максимализме и благородстве по отношению к женщине. По его убеждению, «сын был робок до смешного, а мать несколько коварна»<sup>12</sup>. Он упрекал Мориса в недостойном мужчине поведении; тот, по его мнению, «играл все это время жалкую роль», разрываясь между страхом перед матерью и привязанностью к Викторией. Рождение ребенка явилось при этом дальнейшим развитием драмы. В симпатиях к мужественной Викторией отражалась сердцевина любовной этики Чернышевского. Прямое вторжение в чужой текст, выступление в роли третьей стороны объяснялось его потребностью защитить достоинство молодой женщины, не нашедшей опоры в своем супруге и несправедливо унижаемой в аристократической семье. При этом он, без сомнения, впадал в идеализацию. По его мнению, Виктория Делаборд была «женщина благородного и решительного характера», и «несмотря на увлечения своей молодости, едва ли не более своего бесхарактерного мужа и его матери имеет прав на уважение» (III, 345).

Описывая далее детство Авроры, критик однозначно осудил мадам Дюпен, которая пыталась внушить девочке ненависть к матери: «Бедный ребенок, как низка душою была женщина, которая тебя отняла у матери!»<sup>13</sup> Чернышевский подробно воспроизвел атмосферу шпионажа и сплетен, создаваемую горничной по приказанию хозяйки. «Отвратительная обстановка» первых детских лет жизни «развратила бы натуру менее высокую и здоровую, но Жорж Санд вышла из этой гнусной тины чиста и благородна», - заключил он<sup>14</sup>.

Повествуя об отрочестве Авроры, Чернышевский особо остановился на мотивации религиозного обращения, пережитого ею во время обучения в монастыре английских августинки. Сама Жорж Санд называла эту перемену в своем душевном настроении «странною и даже необъяснимою», поскольку долгое время находилась под сильным влиянием скептического ума своей бабушки, истинной дочери века Просвещения. Чернышевский, напротив, психологически достоверно объяснил эту религиозную восторженность, выводя ее из логики формирующегося характера. «Если бы в английском монастыре, - рассуждал он, - господствовало ханжество, если бы воспитанниц принуждали быть богомольными, Аврора, не любившая принуждения, вероятно, припоминала бы насмешливые фразы, вычитанные бабушкою

из Вольтера. Но ни ханжества, ни принуждения между англичанками не было, и ничто не мешало Авроре очаровываться поэтической стороной католицизма»<sup>15</sup>. Однако несправедливость настоятельницы по отношению к сестре Елене, которую она почитала чуть ли не святой, резко охладила религиозный пыл впечатлительной девушки. Этот эпизод Чернышевский перевел очень точно, отнеся его «к числу замечательнейших отрывков в воспоминаниях Жоржа Санда об институтской жизни»<sup>16</sup>. Передавая канву разных событий из жизни Авроры, критик постоянно стремился нравственно ее «реабилитировать». Рассказывая о первых годах ее юности, он представил ее «простодушною молоденькою девушкою», которая волею обстоятельств «очень рано сделалась независимою, вовсе того не желая»<sup>17</sup>.

Рассказывая о «грустных годах» замужества своей героини, Чернышевский гневно обвинил барона Дюдевана в невнимании к молодой жене, пьянстве и кутежах. Стремясь доказать безупречную нравственную чистоту будущей Жорж Санд, он сам впадал в идеализацию. Она, по его мнению, была чужда идей женской эмансипации, это «добрая женщина, которая составила бы счастье всякого порядочного человека». Он выражал уверенность, что «не будь г-н Дюдеван пьяницею, г-жа Дюдеван прожила бы с ним до конца жизни тихо и покойно»<sup>18</sup>.

Полностью оправдывая разрыв молодой женщины с недостойным мужем, Чернышевский представил ее самостоятельную жизнь в Париже значительно более целомудренной, чем она была в действительности. В пользу начинающей писательницы он истолковал предпочтение, которое она отдавала мужскому обществу. Этот факт ее биографии блюстители морали использовали как доказательство развращенности Санд. По убеждению русского критика, «она сблизилась с некоторыми журналистами, писателями, книгопродавцами как сотоварищами по занятиям литературою или людьми, которые покупали у ней статьи и романы». «Так поступает, - разъяснял Чернышевский, - каждая женщина, делающаяся писательницею, и никто не думает видеть в том ничего предосудительного»<sup>19</sup>. Он опроверг и хорошо известный факт ее любовной связи с Жюлем Сандо. Даже парижскую квартиру будущей Жорж Санд он при переводе значительно уменьшил, сократив количество комнат с трех до одной<sup>20</sup>.

Чернышевский не ограничился устранением ставших уже привычными обвинений Санд в аморальности, а объяснил их причину: источник этих «сплетен» он усматривал в «политической и литературной вражде». Жорж Санд, по его словам, разделила участь «всех противников легитимистской, орлеанистской, бонапартистской партий». Поэтому попытки французской прессы представить ее «безнравственною женщиною», с его точки зрения, не что иное, как «политический маневр, внушаемый изобретательностью ожесточения»<sup>21</sup>.

Описывая независимое существование романистки вплоть до ее развода с мужем в январе 1836 г., Чернышевский настаивал на отсутствии каких-либо любовных историй в ее жизни. В его изложении исчезло даже упоминание о романе Жорж Санд с А. Мюссе, а глава, посвященная путешествию в Италию, была им полностью опущена. Точно так же были опровергнуты все намеки на ее любовную связь с адвокатом-республиканцем Л.К. Мишелем (выведенного в книге Жорж Санд под именем Эверара), а их отношения были переведены исключительно в политический план. При этом Чернышевский-комментатор приводил довольно наивные доводы. Мишель якобы «в жару разговора даже совершенно забывал, что его собеседница женщина, а не мужчина. И говоря о ней, употреблял прилагательные и местоимения в мужском роде: «Vous êtes fou, mais toujours généreux, mon cher Dudevant» (вы безумны, но всегда благородны, мой дорогой Дюдеван). А чтобы у российского читателя рассеялись последние сомнения, он добавил еще один аргумент: «Мишель де Бурж был человеком пожилых лет, чрезвычайно строгих нравственных правил, серьезного и даже угрюмого характера, человек, обремененный многочисленным семейством, примерный муж и отец»<sup>22</sup>.

Залогом добродетельного поведения Жорж Санд Чернышевский считал и регулярные, оговоренные с мужем, ее возвращения в Ноан. Казимир Дюдеван мог убедиться, «что его жена не изменила своим привычкам, которые ставили чистоту ее выше всяких подозрений»<sup>23</sup>. Кратко пересказывая последние события, описанные в автобиографии, критик, следуя своей логике, опустил и восторженный рассказ автора о Шопене.

Завершая этот грандиозный труд переводчика и комментатора, Чернышевский не без юмора сравнил себя с переписчиком Лаврентьевской летописи, готовым воскликнуть: «Как радуется писавший, конца книги сей достигнув»<sup>24</sup>. С помощью системы правок и сокращений он, по его убеждению, освободил многотомное произведение Жорж Санд от «греха страшной растянутости и утомительной восторженности». Но при этом он не только познакомил русского читателя с жизнью большого современного им художника. Благодаря сознательному изъятию из биографии Жорж Санд всех компрометирующих ее эпизодов, ее образ предстал очищенным от человеческих слабостей и заблуждений.

Высокий идеализм Чернышевского, проявившийся в воссозданном им образе замечательной женщины и писательницы, особенно выявляется при сравнении с другими интерпретациями автобиографии Санд. Евгения Тур (Салиас де Турнемир, 1815-1892), уже известная к этому времени беллетристка, посвятила им три статьи в «Русском вестнике» под названием «Жизнь Жорж Санда»<sup>25</sup>. Высоко оценивая личность и творчество знаменитой романистки в целом («Жорж Санд не

только великий писатель, но еще и мыслитель; не только мыслитель, но и политический деятель, человек общественный»<sup>26</sup>), Тур, в отличие от Чернышевского, заняла несколько иную нравственную позицию. Признавая многие «заблуждения» прославленной современницы, она взывала к снисхождению. «Да и как могла она избежать заблуждений, увлечений и пагубных ошибок?» – вопрошала Е. Тур. Неудачное замужество, вредное влияние матери и брата, – все это, по ее убеждению, способно было погубить натуру заурядную. Но Аврора «нашла в себе необыкновенные силы: обыденная, пошлая бессмысленная жизнь не могла заглушить в ней даров природы <...>. Взрыв был неминуем: он совершился и принес ей страдание и дорогою ценою купленную известность»<sup>27</sup>. Призыв к прощению многих «гибельных ошибок», свойственных жизни Жорж Санд, во имя ее веры в добро, людей и «стремления ко всему высокому и прекрасному» особенно ярко зазвучал в заключительных строках, посвященных всему сочинению. «Теперь, в записках своих, – резюмировала Тур, – выступая как женщина на суд публики, Жорж Санд является лицом столь благородным, столь глубоко незлобивым и полным таких высоких стремлений и бескорыстной преданности, что разве только изувер, позабыв изречение Спасителя, еще решится бросить в нее свой злой и грешный камень»<sup>28</sup>.

Оценка «Histoire de ma vie» неизбежно касалась личности их автора. Поэтому разговор об этом сочинении Жорж Санд давал удобный повод высказаться всем ее недоброжелателям. Одним из самых ревностных обличителей французской писательницы в 1850-е гг. стал А.В. Дружинин. В своей рецензии на «Историю моей жизни» в 1857 г. он сконцентрировал обвинения, повторяемые им в разных статьях тех лет<sup>29</sup>. Все произведение, по мнению Дружинина, являлось «блестящим подтверждением болезней духа и упадка чистоты нравов», а сама повествовательница увидела «то, чего, вероятно, не видела и не увидит ни одна порядочная женщина, и слышала то, что никогда не долетает до нежного слуха порядочной женщины»<sup>30</sup>. Критик недвусмысленно представил Жорж Санд плохой женой и матерью, подчеркнув в заключение ее сходство с артистически яркой, но фальшивой Ребеккой Шарп из «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея.

Именно против подобных мнений и выступил Чернышевский. Не допуская оговорки, какие, например, делала Евгения Тур, он сложил настоящий панегирик благородству души Санд. «Ее натура, – писал он, – так возвышенна и прекрасна, что она не понимает дурных людей», «она по натуре своей неспособна к ненависти, вся сила ее характера и таланта состоит в кроткой возвышенности понятий о людях»<sup>31</sup>.

Итогом кропотливого труда переводчика и критика стала история духовного становления легендарной женщины, которую он в своих записках относил к «числу благороднейших и энергичнейших личностей своего времени» и называл «едва ли не гениальнейшею писательницею

новой Европы» (III, 829). Чернышевский полагал, что «жизнь такого человека не может не быть интересна как психологический роман»<sup>32</sup>. Главным персонажем этого психологического повествования стала его современница, которая своим жизненным примером как бы подтверждала возможность для женщины достойного, независимого существования и самореализации в творческой деятельности.

Вершинным произведением литературы шестидесятников стал роман «Что делать?» (1863). В своем произведении впервые в русской литературе Чернышевский затронул вопрос о женском труде и образовании. В этом романе он в художественной форме представил свою этическую концепцию, уже достаточно полно изложенную в комментариях к биографии Жорж Санд. Долгое время в отечественной критике это произведение рассматривалось преимущественно как общественно-политическое, в котором проблемы любви, семьи и брака, собственно компоненты, определяющие специфику романного жанра, играли подчиненную роль. Возникали даже версии, что в романе о революции действие построено на любовной фабуле исключительно с целью «усыпления» цензуры. В современных исследованиях, начало которым положили работы А.П. Скафтымова, все настойчивее проводится идея необходимости рассматривать «Что делать?» прежде всего как роман нравственно-этический, философский, интеллектуальный. Но «завязал» свой роман Чернышевский «через семью», через самое близкое, что есть у человека. В этом смысле его можно назвать «книгой о любви», о том, что нужно людям, чтобы все они могли «жить по-человечески и любить по-человечески»<sup>33</sup>. Не случайно особенно горячо приняла роман молодежь, видя в нем чуть ли не учебник жизни.

Таким образом, критические замечания и комментарии Чернышевского к Истории жизни Жорж Санд дополняют и проясняют его этическую концепцию. «Материалист» Чернышевский оказывается в своих нравственных представлениях большим идеалистом и максималистом, чем иные признанные идеалисты его времени. Конечной целью социальной революции он считал счастье, гармонию человеческого существования. И этими своими мечтами он оказывается актуальным, созвучным нашему времени. Его идеал любви и отношений между мужчиной и женщиной выходит за пределы «исторического момента» и приобретает сейчас общечеловеческое, вневременное значение.

#### Примечания

<sup>1</sup> Скафтымов А.П. Чернышевский и Жорж Санд // Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958 С. 205.



<sup>2</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939. Т. 1 С. 444. Ниже ссылки на издание даются с указанием тома (римскими) и страницы (арабскими) в тексте.

<sup>3</sup> Из дневника Чернышевского известно, что он начал читать романы Жорж Санд в 1849 г., сразу проникшись к ним восхищением. «... да, сильный, великий, увлекательный, поражающий душу писатель эта Жорж Занд: все ее сочинения должно перечитать», - писал он под впечатлением только что прочтенного «Теверино» 29 апреля (I, 276). А 15 июня он уже спорил с приятелем «о браке, положении женщины», говоря в «духе ультра Жорж Занд» (I, 297).

<sup>4</sup> *Sand George. Correspondance. Textes réunis, classes et annotés par Georges Lubin.* Т. VIII. Paris. P. 238. Далее ссылки на письма Жорж Санд даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

<sup>5</sup> *Karénine W. George Sand. Sa vie et ses oeuvres.* Paris, 1926. V. 4. P. 335.

<sup>6</sup> *Трескунов М.С.* Жорж Санд Критико-биографический очерк. Л., 1976. С. 194.

<sup>7</sup> Современник. 1855. Т. 49. Январь. Отд. V. С. 1.

<sup>8</sup> Там же. С. 1-30; Февраль. Отд. V. С. 127-160; Т. 50. Март. Отд. V. С. 1-35; Т. 52. Июль. Отд. V. С. 1-24.

<sup>9</sup> Там же. 1856. Т. 56. Апрель. Отд. V. С. 162-66.

<sup>10</sup> Современник. 1856. Т. 56. Апрель. Отд. V. С. 171.

<sup>11</sup> Там же. С. 173.

<sup>12</sup> Там же. С. 180.

<sup>13</sup> Там же. 1856. Т. 57. Май. Отд. V. С. 30.

<sup>14</sup> Там же. С. 43.

<sup>15</sup> Там же. Июнь. Отд. V. С. 128.

<sup>16</sup> Там же. С. 129.

<sup>17</sup> Там же. С. 144.

<sup>18</sup> Там же. Т. 58. Июль. Отд. V. С. 60.

<sup>19</sup> Там же. С. 64.

<sup>20</sup> Ср. текст оригинала (*Sand George. Œuvres autobiographiques.* Т. 2. P. 114) и перевод Чернышевского (Современник. 1856. Т. 58. Июль. Отд. V. С. 63).

<sup>21</sup> Современник. 1856. Т. 58. Июль. Отд. V. С. 67-68.

<sup>22</sup> Там же. Август. Отд. V. С. 173.

<sup>23</sup> Там же. С. 163.

<sup>24</sup> Там же. С. 181.

<sup>25</sup> Русский вестник. 1856. Т. 3. Май. № 9. С. 72-93; Июнь. № 12. С. 693-715; Т. 4. Июль. № 13. - С. 667-708.

<sup>26</sup> Там же. Т. 3. Май. № 9. С. 76.

<sup>27</sup> Там же. Т. 4. Июль. № 13. С. 707-708.

<sup>28</sup> Там же. С. 708

<sup>29</sup> Библиотека для чтения. 1857. Т. 142. Апрель. С. 314-332.

<sup>30</sup> Там же. С. 327-329.

<sup>31</sup> Современник. 1856. Т. 57. Май. Отд. V. С. 28, 34.

<sup>32</sup> Там же. Т. 57. Май. Отд. V. С. 28, 34.

<sup>33</sup> *Николаев П.А.* «...Чтобы читали все...» // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Историко-функциональное исследование. М., 1990. С. 12.

## ВОЛГИН НА ОБЕДЕ У ИЛАТОНЦЕВА

(Роман «Пролог» и миф о Чернышевском-революционере)

Согласно теории мифа А.Ф. Лосева, «всякая живая личность есть так или иначе миф»<sup>1</sup> - миф, в широком смысле слова, то есть такое понимание личности, которое свойственно массовому сознанию.

Стереотип восприятия Чернышевского как революционера, «коновода молодежи», «бунтовщика», «красного», «республиканца» сложился при его жизни - на рубеже 1850-1860-х годов. Это было мнение и официальных властей, и молодежи, и большинства просвещенной части общества (с разной оценкой его роли). Развитие этой темы наблюдается в трудах В.И.Ленина и позднейших исследователей жизни и творчества Н.Г.Чернышевского в XX веке, когда официальная точка зрения на его личность стала единственной и обязательной для всех, стала догмой.

Всеми памятно высказывание В.И.Ленина о Чернышевском: «Он был... революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя - через препоны и рогатки цензуры - идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что Ленин не использовал слова «необходимость» (крестьянской революции), - оно всеми подразумевалось. Чернышевский в зрелые годы не считал, что революция необходима, но видел, что она возможна, а иногда даже неотвратима, как стихийное бедствие.

Ленинская характеристика Чернышевского была господствующей в науке о нем до 1990-х годов. В конце XX века исследователи нового поколения писали о литераторе иначе: «Его судили и обвиняли в революционности как вождя грядущего бунта, а он всеми силами пытался противостоять бунту»<sup>3</sup>.

В трудах современных исследователей все чаще ставится под сомнение революционность Н.Г.Чернышевского, были попытки пересмотреть термин «революционный демократ», но проблема остается. Для того, чтобы прояснить этот вопрос, целесообразно обратиться к роману «Пролог», написанному в 1867-1870-м годах в период каторги в Александровском заводе<sup>4</sup>.

Главный герой романа - Волгин, человек, занимающийся литературной деятельностью. Действие первой части романа происходит в конце 1850-х годов и тесно связано с ожиданием разработанного Комитетом по крестьянскому делу Проекта освобождения крестьян, представленного в докладе Комитета - «об основаниях, на которых будут освобождены крестьяне» (XIII, 184)<sup>5</sup>.

В науке о Чернышевском принято считать, что роман «Пролог» в значительной степени автобиографичен, особенно это касается главного героя Волгина. Прототипами нескольких других персонажей исследователи считают либеральных деятелей и членов Комитета по крестьянскому вопросу К.Д. Кавелина, Н.А. Милютину, Я.И. Ростовцева, М. Муравьева и других. Рассмотрение теории прототипов не входит в задачу нашей статьи, важно лишь отметить, что ряд персонажей романа - официальные лица, имевшие непосредственное отношение к разработке Проекта об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Теме предварительного обнародования проекта посвящен центральный эпизод первой части романа - обед в салоне Илатонцева, человека честного и порядочного, сторонника прогрессивных изменений в обществе. Сюда приглашены «знаменитости домашнего русского либерализма» (XIII, 189), среди которых человек более или менее прогрессивных убеждений Рязанцев (его прототипом считается К.Д. Кавелин); на обед пришел Савелов (его прототип - Н.А. Милютин, один из авторов проекта реформы). В салон приглашены дворяне, приехавшие из провинции в Петербург, чтобы следить за ходом крестьянского дела.

Соколовский (его прототип - С.И. Сераковский), человек, близкий по убеждениям Волгину, предложил Рязанцеву изложить свои предложения о принципах проведения крестьянской реформы. Целью этого собрания Соколовский предполагал необходимость заручиться поддержкой дворян-помещиков, расположить их в пользу либеральных предложений Рязанцева, «приковать их к либеральной программе», пока они не опомнились, потому что дело не в принципах реформы, а в том, как они будут применяться, «в каком духе» (XIII, 192). Это важно особенно для провинции, где живут владельцы «десятков тысяч душ».

После выступления Рязанцева основную роль Соколовский отводил Волгину. Он должен выглядеть так, чтобы все поняли: на его фоне Рязанцев - «не враг дворянства, только друг крестьян» (XIII, 193). Волгин должен будет находить почти каждый параграф слишком выгодным для помещиков. Благодаря его возражениям, программа «будет нравиться, одобряться, будет подписана всеми» (XIII, 193). Волгин будет доказывать это «от чистой души», так как он хоть и не читал программы Рязанцева, но уверен, что она «очень плоха, с его точки зрения». Так что если хотят выставить его, Волгина, «как пугало, ошибки не будет: пугало он очень хорошее: все побегут от него и упадут в распростертые объятия Рязанцева» (XIII, 193). Понимая нелепость этого мероприятия, Волгин все же согласился и «сознательно шел остаться в дураках вместе с другими» (XIII, 194).

Роль «пугала» была придана Волгину даже не Соколовским, а тем, что думало просвещенное общество об этом человеке - «представителе ужасных мнений», врожденных русскому «народу мужиков, не понимающих ничего, кроме полного мужицкого равенства, и

приготовленных сделаться коммунистами, потому что живут в общинном устройстве» (XIII, 195).

Выполняя эту роль, поражая трепетом, Волгин стоял у дальнего окна, пока хозяин принимал прибывающих гостей, а Рязанцев их «очаровывал». Волгин наблюдал гостей и видел, что у них на душе - «уныние, бессмыслие, бессилие, беспомощность». На их лицах читалось: «Мы агнцы, обреченные на заклание; - Что мы можем сделать против такого жестокосердного решения?» (то есть против отобрания у них земли и крестьян). Еще недавно они кричали: «Нами держится все! - Не позволим, не допустим! - Не хотим, и не посмеют! - Пусть посмеют и увидят, что такое значит прогневать русское дворянство!» - «Теперь они присмирели, будто разбиты параличом». Со смехом Волгин читал у них на лицах готовность «идти на заклание смиренно, чтоб хоть не колотили нас прежде, нежели возложат нас на алтарь отечества, - и не упираться, когда станут возлагать, чтоб хоть возложили без лишних пинков» (XIII, 195-196). И вот тут Волгин вспоминает о пьяных бурлаках и их пьяной смелости - до первого окрика заспанного старого будочника. Именно с этой оробевшей толпой сравнил Волгин гостей Илатонцева - помещиков из провинции, именно в связи с этими двумя картинами - из прошлого и из настоящего - он думает с горечью: «Жалкая нация, жалкая нация! - Нация рабов, - снизу доверху, все сплошь рабы...» Хмурия брови, Волгин размышлял: «Можно ли ненавидеть жалких рабов?» Виноваты ли они «в нищете и страданиях народа»? - «Они не виноваты ни в чем и ничему не мешают... Они хотят только пить, мотать и бездельничать», наслаждаясь «псами и новыми каретами, попойками и цыганками, - зачем тревожить, зачем обижать?» (XIII, 197). Сменяют сарказм мысли о том, что, вместо выкупа им надо было предложить жить в городах и получать жалованье за счет поземельного дохода, - «лишь бы освобождение было полное и мгновенное, по мыслям народа...» (XIII, 197). Отдавая дань своей чувствительности, он все же помнил, «что история - борьба, что в борьбе нежность неуместна» (XIII, 197). Волгин был убежден, что помещики «не имеют права ни на грош вознаграждения, а имеют ли право хоть на один вершок земли в русской стране, это должно быть решено волею народа. Должно; и, разумеется, не будет... Ему противно становилось смотреть на этих людей, которые останутся безнаказанны и безубыточны; безубыточны во всех своих, заграбленных у народа доходах, безнаказанны за все угнетения и злодейства; - противно, обидно за справедливость, - и он опускал, опускал нахмуренные глаза к земле, чтобы не видеть врагов народа, вредить которым был бессилён...» (XIII, 197-198).

Цитировать эти размышления Волгина очень любил В.И. Ленин, который находил в них справедливыми и верными и чувство любви к народу, любви, тоскующей вследствие отсутствия в нем революционности, и чувство ненависти к угнетателям. Если не учитывать

контекст, то есть хотя бы весь эпизод обеда у Илатонцева, такая оценка мировоззрения Волгина и автора романа кажутся единственно возможными. Ведь и в доленинский период Чернышевский в глазах большинства своих современников выглядел бунтовщиком и подстрекателем к революции. Ему это было хорошо известно. Одно из свидетельств тому - многие страницы романа «Пролог». В нем есть весьма непривлекательный персонаж, важная, сановная персона - Чаплин, прототипом которого считается отчасти М. Муравьев (Вешатель), министр государственных имуществ и член Главного комитета по крестьянскому делу, «один из наиболее реакционных представителей крепостников» (XIII, 895). В романе это еще и циничный, нечистоплотный в частной жизни человек. В его уста вложил романист то суждение, которое стало почти общепринятой характеристикой Чернышевского у его современников в 1860-е годы. Чаплин в романе характеризует «Петра Степаныча» - персонажа, прототипом которого считается Я.И. Ростовцев, член комитета по освобождению крестьян, легко менявший направление своей деятельности в зависимости от правительственного курса. Для Волгина Петр Степаныч - «не орел по уму» (XIII, 895). Между тем, Чаплин обвинил Петра Степаныча в том, что он «хочет сделать освобождение крестьян средством к низвержению всего существующего порядка, всех учреждений, - произвести революцию, - что он или орудие республиканцев, или сам республиканец» (XIII, 185). Автор романа в этой характеристике приводит почти дословно строки из обвинения по его следственному делу в 1864 году, в результате которого Чернышевский был сослан на каторгу и в ссылку. Ирония и сарказм автора в этих оценках очевидны. Аттестовать Петра Степаныча «бунтовщиком» и «революционером» - явное преувеличение той опасности, которую он представлял для власти. Отчасти такое же преувеличение видел Чернышевский и в оценках его собственной персоны в конце 1850-х годов.

Исследователи любили цитировать его дневник 1853 года, в котором он пишет, что говорит на уроках в гимназии такие вещи, «которые пахнут каторгою» (I, 418). Далее он объясняет свои предчувствия, которые касаются революционных событий, ожидаемых им в России лет через 10 или раньше: «Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно - когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять но я думаю, скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие» (I, 418-419). Своей невесте он говорит: «...у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с

дубьем, ни резня» (I, 418-419). В качестве главных аргументов в вопросе о революционности Чернышевского исследователи обычно приводили эту запись в дневнике 1853 года и запись в студенческом дневнике 1850 года, сделанную в университетском карцере, куда юноша был определен за появление в университете без шпаги. Из обширного текста и сложных рассуждений выбирались наиболее радикальные в политическом плане строки, выделенные из контекста. Приведем их в более полном виде: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда её, хоть я и знаю, что долго, может быть весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т.д. - что нужды? - Человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может утрашиться этого; он знает, что иного и нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно.... Я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории... Глупо думать, что человечество может идти прямо и ровно, когда это до сих пор никогда не бывало» (I, 356-357).

В более широком контексте Чернышевский, размышляя в этот вечер «о демократии и абсолютизме», делает вывод о том, что абсолютизм и монархия - главное зло, которому он говорит: «погибни, чем скорее, тем лучше; пусть народ неприготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится; пока ты не падешь, он не может приготовиться, потому что ты причина слишком большого препятствия развитию умственному...» (I, 356).

Юноша - сторонник такого «управления, которое одно может соблюдать и развивать интересы массы людей», то есть он демократ и переход к демократическому типу правления в тогдашней России он видит в результате неизбежного революционного потрясения, подобного событиям во Франции в 1840-е годы. Но даже и тогда, находясь в том возрасте, в котором только ленивый не бывает революционером в мыслях, Чернышевский не может не опасаться «бедствий» революции, то есть «кровопролитий, войн, бунтов и терроризма», он не ожидает в результате победы демократии «исполнения и сотой доли того, чего надеется большая часть приверженцев этого учения» и «нисколько не очарован» (I, 357).

На основании этих дневниковых записей делался безоговорочный вывод о том, что молодой Чернышевский видел себя «революционным борцом за общественное благо»<sup>6</sup>. В основном вывод верный, хотя и нуждающийся в оговорках, например, в том, что свое участие в грядущих революционных событиях Чернышевский пока ясно не представляет, только уверен, что не сможет остаться сторонним наблюдателем, и думает, что кончится это «каторгою или виселицей» (он помнил такие примеры в истории - судьба декабристов). В качестве личной «защиты

против демократического, против революционного направления» предполагались «мысли о жене», отсюда выводилась необходимость женитьбы: «чтобы стать осторожнее», «должна быть идея, что я не принадлежу себе, что я не в праве рисковать собою. Иначе почему знать? Разве я не рискну?» (I, 483-484).

Прошло пять-семь лет. Чернышевский - автор многих статей о политических событиях в Европе и в России - остается сторонником радикальных преобразований в обществе и последовательным демократом, защищающим интересы большинства бесправного населения. Не случайны для него поставленные в один ряд понятия: «революционное направление, демократическое направление».

Автобиографический персонаж романа «Пролог» Волгин, тоже публицист, тоже оцениваемый в обществе за свои взгляды как революционер и бунтовщик, - высказывает в романе собственную точку зрения на крестьянскую реформу и позицию либеральных деятелей. Его оценки, как мы видели, очень резки и доходят, кажется, до крайних выводов: безнаказанность помещиков «за все угнетения и злодеяния», мысленно он называет их «врагами народа, вредить которым (он) был бессилён...» (XIII, 198). Казалось бы, что это, как не желание каких-то террористических акций против дворянства? Именно так понимали и современники, и позднейшие исследователи яростные мысли Волгина, по поводу которых сам он тут же объяснился куда проще: «У бессильного одно утешение - злиться», потому что не будут «решены волею народа» важнейшие вопросы его освобождения от крепостной зависимости (XIII, 198). Волгин злился так, что не спасала его всегдашняя ирония. Однако он сумел удержаться от ярости и злости в общении с дворянством во время обеда, последовавшего после его мрачных размышлений и наблюдений.

За столом, «стульев через пять наискось от Волгина сидел высокий, прямой, худой, крепкий усатый старик», которого «все слушали» и которому все «поддакивали». Это был «не либерал какой-нибудь», а «старый гусар», который вырос «и умрет с тем, что не могло быть ничего лучше крепостного права, не только для помещиков, но и для крестьян» (XIII, 200-201). Этот старик высказывает расхожее мнение о том, почему реформу необходимо проводить: «...надобно торопиться, и надобно сделать так, чтобы мужики остались довольны. Почему? - Резон простой: бунт». Даже если его «станут усмирять», - «скоро ли усмиришь, когда они повсеместно поднимаются бунтовать? Усмирят, положим; но помещики-то будут уже перерезаны, перевешаны, прежде чем успеют выручить их. Помнят ли господа про пугачевщину?» (XIII, 201). А поэтому, продолжал гусар, «спешите развязаться с ними, пока они ещё не наслушались демократических речей; если не поспешите, пойдут на вас с криком: вся земля мужицкая, выкупу никакого! - Убирайся помещики, пока живы! - и правительство будет за чих» (XIII, 202). Волгин молчал до

тех пор, пока старик сам не обратился к нему и не привел вслух характеристику, «сходную с тою, какую сочинял себе» Волгин перед началом обеда - о своей роли «пугала», от которого «все побегут» к либералам. Беседа Волгина со стариком будет очень короткой и состоится уже после выступления либерала Савелова. Причем, речь Савелова не была предусмотрена и, по мнению Волгина, «расстроила дело» по привлечению симпатий помещиков к более либеральному варианту решения крестьянского вопроса. Савелов был лицом официальным, членом и руководителем комитета, готовившего реформу. Он обнадежил дворян, заявив, что все будет производиться на местах ими самими с соблюдением их интересов прежде всего. В частности, он сказал: «Крепостное право будет уничтожено. Но право собственности останется священно». Помещики сами определяют «все подробности нового устройства». Кроме того, в заключение оратор обещал: «Администрация не потерпит никаких беспорядков, и уже приняты меры, чтобы она повсюду имела под рукою достаточные силы для подавления беспокойных движений в самом начале; для этого, по всем частям государства расположены войска» (XIII, 204-205). После такой речи, подумал Волгин, более либеральная «программа Рязанцева погибнет», а дело освобождения крестьян будут «тянуть... так, что и конца не будет проволочкам» (XIII, 205). Усугубляла отчаяние Волгина ещё и уверенность в личной непопорядочности Савелова, в том, что он «интригант, который заботится... о головах» помещиков «столько же, сколько о благосостоянии народа», тогда как Рязанцев и Соколовский - «честные люди; желая добра народу, они искренне желают добра и дворянству». Об этом Волгин прямо заявил в беседе со старым гусаром.

Думается, что желание добра обеим сторонам в этом вопросе было свойственно любому порядочному человеку и, конечно, Волгину. Гусар, однако, воспринял слова о Савелове как угрозу и в ответ заявил: «ваши угрозы не слишком-то страшны; войско разгонит ваших милых мужичков». Оппонент ответил, что он это знает: «Будет разгонять, пока будет разгонять. И до той поры, пока будет разгонять, вам нечего бояться... мужицкий бунт не важная опасность для вас. Войско легко подавляет мужицкие бунты». Старик возмутился: «Вы грозите революциею, милостивый государь? - Понимайте, как вам угодно, милостивый государь. И запретить, если вам угодно донести на меня, не могу. - Хорошо, милостивый государь. Теперь мы будем понимать ваши желания, - сказал усатый старик и отвернулся слушать Савелова» (XIII, 205-206).

Этот обмен политическими колкостями завершил, собственно, пребывание Волгина в салоне Илатонцева, откуда он удалился, полный негодования от неэффективности задуманного Соколовским мероприятия. Это негодование, злость и ощущение, что погибло дело по привлечению симпатий помещиков к либеральному варианту



осуществления реформы и стало невозможным заинтересовать их нуждами крестьян, - более всего говорят о желании Волгина и Соколовского решить дело мирными средствами, договориться, убедить и т.д. Потому что для этих двоих единомышленников бунт, «грязь, ...пьяные мужики с дубьем, ...резня» - никак не были желанными, как и для всех цивилизованных людей, понимающих, что это угроза не только государству, но вообще культуре и цивилизации.

Собственно, вся публицистика Чернышевского, как и оставшаяся за рамками романа литературная работа Волгина, были частью программы просвещения общества, необходимого для достижения прогресса мирными способами. Если Чернышевский и был той искрой, о которой он писал в своем дневнике в 1853 году, то ненамеренно. Его намерения укладывались в рамки просвещения, образования, необходимость которых всегда видел и Волгин. Его слова на эту тему в беседе с женой полны горечи: «Все дурачье, - ты не поверишь, голубочка, что такое все эти умные люди, - о, какие слепые дураки! - Жалкое общество, какие у него руководители! Бедный народ, чего ждать ему от такого общества с такими руководителями!» (XIII, 155). Волгин был убежден, что большинство помещиков не способны к преобразованиям в интересах крестьянства, что реформа будет произведена самым неудовлетворительным образом, и не уставал повторять: «Я не желаю, чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом» (XIII, 140). Такая позиция, по мнению многих современников автора, должна была способствовать разжиганию пожара, то есть звала к бунту. На наш взгляд, не о бунте думал Волгин, объяснявший Соколовскому: «...что мог бы я сказать? - Грозить революцию, как и погрозил вашему усатому старику? - Не говоря о самом себе, - не говоря даже и о том, что это значило бы компрометировать хозяина, спрошу вас: не было ли бы это смешно? Кто же поверил бы? Кто не расхохотался бы? - Да и не совсем честно грозить тем, во что сам же первый веришь меньше всех» (XIII, 206-207).

В этих словах многие после Ленина слышали любовь к народу, тоскующую вследствие отсутствия в нем революционности. На наш взгляд, это была простая констатация факта: в данный момент восстания не произошло - к счастью, но впереди возможны потрясения. И чтобы их избежать, реформы надо производить «удовлетворительным образом». Волгин говорит и о том, как это можно сделать: «...вся ценность всех помещичьих имений, по свободным рыночным ценам, не составляет полуторы тысячи миллионов. Государству, имеющему 70 миллионов жителей, затрудняться платежом каких-нибудь полуторы тысяч миллионов!... помещики пальчики облизали бы, заплясали бы от восторга от получения суммы, несравненно меньшей» (XIII, 131). В этой же беседе Волгин иронизирует по поводу «ястребов» и «цыплят»: «Я,

зол? - Волгин покачал головою: - Я кажусь вам зол потому, что вы видите вокруг себя все только невинных младенцев..., умно то общество, в котором я кажусь резким и едким! - Я, цыпленок, - зол! - Хороши птицы, среди которых цыпленок - ястреб!» (XIII, 129). Самооценка Волгина (как и Чернышевского) всегда очень умеренна, отношение к мнению о них как о бунтовщиках - исключительно ироничное.

Чрезвычайно интересны размышления Волгина в той же беседе (с Нивельзиным) - об истории ареста и ссылки в солдаты Соколовского - «по подозрению в намерении» эмигрировать. Несомненно, делаясь впечатлениями о следствии по этому делу, автор (при помощи Волгина) вспоминал о своем деле, находя некоторые аналогии. Волгин рассказывал: «Соколовский был арестован по подозрению в замысле, не имевшем ничего ни опасного, ни важного... донос был голословный. Улик не нашлось. Поэтому люди, решавшие судьбу Соколовского, были расположены очень добродушно принимать его оправдания. Он оправдывался умно... С ним стали говорить уже не как с подсудимым, а просто так, для препровождения времени, потому что кому же не бывает приятно потолковать о всякой всячине с умным человеком?... - Скажите, - стали они спрашивать его, - почему не все молодые люди имеют такой умеренный, прекрасный образ мыслей, как вы? - Скажите, какие бы меры могли быть наиболее полезны для предотвращения развития безрассудного образа мыслей в молодых людях?» - Он стал объяснять, что существенная причина увлечений неосновательными мыслями - недостаток основательных знаний. Наука стеснена, и молодые люди не имеют почти никакой возможности приобретать здравые политические убеждения. Надобно освободить мысль, и она сделается спокойною, мирною». Но, как это ни парадоксально, «кончилось тем, что друзья-слушатели Соколовского, к собственному прискорбию, увидели себя обязанными отправить его в Оренбург». И не потому, что он или они были злодеи. - «Консерваторы, даже реакционеры, вовсе не такие хитрецы и злодеи, какими воображают их либералы. - Ни у кого не было охоты ссылать Соколовского. Думали освободить его. Но с обеих сторон поступили неосторожно: заговорились, увлеклись. Ошибка, согласен. Но ошибка очень естественная: они, вместо дикого революционера, увидели человека умеренного; он, вместо злодеев, увидел людей далеко не злых. Приятная неожиданность с обеих сторон - и поддались впечатлению, вообразили, что могут понимать друг друга. В этом и вся беда» (XIII, 129-130).

В рассказе Волгина есть доля иронии, но в главном он был серьезен - например, тогда, когда говорил об отсутствии у Соколовского, чьи убеждения Волгин считал сходными со своими, - «дикой революционности»; когда характеризовал такой образ мыслей как «умеренный» и «прекрасный», наконец, когда высказывал озабоченность тем, что у молодежи нет «здоровых политических убеждений», а есть

«недостаток основательных знаний». Парадоксален и не лишен иронии вывод, сделанный Волгиным в конце беседы: «Если бы врагами прогресса были только злые люди! Если бы в борьбе за него надобно было побеждать только интриги, коварства! - О, тогда было бы так же хорошо, как если бы противниками консерваторов были только наши господа либералы! - Все шло бы вперед и быстро, и спокойно. Консерваторы не затруднялись бы производить улучшения; чего же затрудняться, когда нет в перспективе ничего опасного ни для чьей головы, ни для чьего кармана? И жизнь народа облегчалась бы самым отрадным образом» (XIII, 130). Можно было бы принять эту тираду за шутку, если бы вслед за этим Волгин не высказал процитированный выше взгляд на проблему выплат помещикам стоимости их имений по свободным рыночным ценам (XIII, 131).

Нельзя не заметить, что приоритетными в борьбе за прогресс Волгин считает мирные средства, когда «нет... ничего опасного ни для чьей головы, ни для чьего кармана».

Ещё более показательны в этом плане его размышления наедине с собой после беседы с Нивельзиным. Волгин продолжает думать о деле Соколовского, и эти мысли - уже не «то, что можно и должно говорить перед всеми». Здесь он абсолютно серьезен и искренен. Действительные причины ареста Соколовского были связаны с событиями в Галиции: «В пограничных польско-русских землях со дня на день ждали оттуда известия, что поднялось восстание, и готовились поддержать его», запасались оружием, «уговаривались о плане действий». Когда пришло известие о восстании, все уже собрались ехать каждый в свою околицу и поднимать всех на восстание. Один только Соколовский сомневался в точности сведений, перекричал общий гвалт и умолил не торопиться, но дать ему возможность съездить за границу за верными сведениями. - «Он не доехал до границы. Его арестовали по доносу, действительно не совсем точному» и, хотя о цели его поездки «ничего не знали», - «в нем увидели человека, тем более опасного, что он очень даровит, энергичен и, в особенности, очень рассудителен. Нашли нужным удалить его». Чрезвычайно важны выводы, сделанные Волгиным из этой истории: Соколовский «не мог исполнить дела, которое взял на себя. Но отсрочка, которую он вымолил, вынудил, была достаточна, чтобы дело разъяснилось уже и без его присутствия. Известия о восстании в Галиции оказались вздорными. Сотни, если не тысячи людей уцелели от напрасной гибели, на которую пошли бы, если б не его рассудительность, - и весь край избавился от напрасного разорения». Любой честный человек, заключает Волгин, «будет чувствовать уважение... к человеку, который... имел рассудок спасти пожилых людей и стариков от опрометчивости». Волгин очень ценил поступок Соколовского, потому что «был мнительного, робкого характера;

принципом его было: ждать и ждать, как можно дольше, как можно тише ждать» (XIII, 132-133).

Безусловно, предпринятое Соколовским дело расположить помещиков в пользу либерального варианта реформы на обеде у Илатонцева - ещё одна попытка добиться мирного развития событий. Волгин также был сторонником именно такого, постепенного, движения к прогрессу. В одной из его бесед с женой он вспоминал о «великой ошибке, страшном уроке» из истории событий во Франции. Это были первые годы правления Людовика-Филиппа, когда «республиканцы подымали несколько восстаний; неудачно; - рассудили: «Подождем, пока будет сила»; ну, и держались несколько лет смирно; и набирали силы; но опять недостало рассудка и терпения; подняли восстание; - ну и заплатились так, что долго не могли оправиться. А чего было и соваться? - Если бы было довольно силы, чтобы выиграть, то и сражаться-то было бы нечего: преспокойно получали бы уступки одну за другою, дошли бы и до власти с согласия самих противников. Когда видят силу, то не будут вызывать на бой, - смирятся, самым любезным манером. Ох, нетерпение! - Ох, иллюзии! - Ох, экзальтация!» (XIII, 54).

В соответствии с тактикой выжидания и неторопливости относится Волгин и к личному риску: «Когда потребует общая польза, нечего думать о себе; но пока обязанность гражданина не велит пренебрегать риском, надобно избегать всякого риска, и самого ничтожного» (XIII, 151). В продолжение размышлений о том, уместна ли в борьбе нежность, Волгин, ожидая начала собрания у Илатонцева, не без горечи думал: «...у русского народа не могло быть борцов..., оттого что русский народ неспособен поддерживать вступающихся за него; какому же человеку в здравом смысле бывает охота пропадать задаром?» Себя Волгин не считал «борцом за народ» и «защитником народных прав», но, продолжает автор романа, «тем меньше и мог он делать уступки за народ, тем меньше мог не выставлять прав народа во всей их полноте, когда приходилось говорить о них» (XIII, 197). Это чрезвычайно важное высказывание до последнего времени понималось как тоска автора вследствие отсутствия революционности в массах, между тем, здесь, на наш взгляд, скорее тоска вследствие отсутствия образованности в тех же массах, если и умеющих отстаивать свои права, то не иначе как «с дубьем» в руках. Почему поддержку народом своих борцов следует понимать только как насильственные действия, как бунт? Вероятно, оттого, что «в борьбе нежность неуместна», - но Чернышевский (и Волгин) защищали народные права вполне мирным оружием - пишущим пером, публицистикой, в которой они и отстаивали «революционное, демократическое направление». Слово «революция» следует понимать не столько в узком смысле, обозначенном Лениным как «отчаянная борьба классов, дошедшая до наибольшего ожесточения», сколько в более широком значении этого понятия. В переводе с латинского *revolutio* -

переворот, то есть резкий скачкообразный переход от одного качества к другому, переломный, поворотный период в жизни общества и государства.<sup>7</sup> Собственно, реформа, проведенная в интересах крестьянства, и могла бы стать таким поворотным периодом в жизни общества и государства - без революционных потрясений и вооруженной борьбы классов. Именно о таком развитии событий мечтали Волгин, Соколовский и автор романа «Пролог».

В одной из первых бесед с Соколовским Волгин, реагируя на его сетование, что «дело пересоздания ведется слишком медленно», замечает, что «человеческие желания нетерпеливы», что «разумный человек довольствуется тем, когда видит, что работники усердны, добросовестны, прислушиваются к замечаниям, пользуются всяким советом, в котором есть здравый смысл» (XIII, 139). Но большинство современников и позднейших исследователей считали, что «Волгин воплощает авторскую мысль о новой революционной тактике»: «планомерно, тщательно готовить революцию, которая пока ещё невозможна»<sup>8</sup>.

Этот миф о Чернышевском - «революционном борце за общественный прогресс» не вполне совпадал с его собственным представлением о себе, с особенностями его личности, творчества и его биографией. Одно из доказательств тому - непредвзятое рассмотрение всего лишь одного эпизода романа «Пролог». Внимательное чтение, без пренебрежения к подробностям - может помочь точному анализу сложнейших мировоззренческих проблем и доказательству несостоятельности научных и околонучных мифов и стереотипов в восприятии творчества Н.Г.Чернышевского.

#### Примечания

<sup>1</sup> Цит. по кн.: *Бешапошникова А.П.* Универсальный синтез: миф, религия, мистика. Саратов, 2000. С.16.

<sup>2</sup> *Ленин В.И.* ПСС. Т.20. С.175.

<sup>3</sup> *Кантор В.* Срубленное древо жизни. Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском? // Октябрь. 2000. №. 2. С. 158.

<sup>4</sup> Эта проблема затронута в ст.: *Щеблыкин И.П.* Художественная интерпретация истории в романах Н.Г.Чернышевского // Н.Г.Чернышевский. Статьи исследования и материалы. Сб. науч.тр. Вып.15. М., 2004. С. 6-14. Нами предпринята попытка более полного и подробного рассмотрения текста одного, центрального эпизода первой части романа «Пролог».

<sup>5</sup> Тексты Н.Г.Чернышевского и комментариев к ним цитируются по изд. *Чернышевский Н.Г.* Полн.собр.соч.: в 15т. М.,1939-1953. С указанием в тексте том римской цифрой и страницы арабской цифрой.

<sup>6</sup> *Скафтымов А.П.* Жизнь и деятельность Н.Г.Чернышевского. Саратов, 1939. С. 20.

<sup>7</sup> Словарь иностранных слов. М.,1949. С. 549.

<sup>8</sup> *Николаев П.А.* «Пролог» в художественной системе Чернышевского // Н.Г.Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С.109, 111.

## О «ТУПОУМНЫХ ГЛУПЦАХ» И «ДРЯННЫХ ПОШЛЯКАХ»: ПОЛЕМИКА ЧЕРНЫШЕВСКОГО С ГЕРЦЕНОМ В 1862 Г.

Среди текстов январской книжки «Современника» за 1862 г. особое место принадлежит «Материалам для биографии Добролюбова», составленным Н.Г. Чернышевским (с. 259-319; 10: 5-59)<sup>1</sup>. По форме это компиляция из дневников и писем критика, умершего в ноябре 1861 г. По замыслу же Чернышевского, «Материалы...» должны были дать читателю представление о Добролюбове, соотнести известный всей России псевдоним «Н.-бов» с человеческим характером, который раскрывался в личных текстах (10, 1068). Публикация вызвала очередной литературный скандал, поскольку Чернышевский нарушил главное правило литературной полемики, перейдя на личности:

Теперь, милостивые государи, называвшие нашего друга человеком без души и сердца, - теперь честь имею обратиться к вам, и от имени моего, от имени каждого прочитавшего эти страницы, в том числе и от вашего собственного имени, - да, и вы сами повторяете себе то, что я говорю вам, - теперь имею честь назвать вас тупоумными глупцами<sup>2</sup>. Вызываю вас явиться, дрянные пошляки, - поддерживайте же ваше прежнее мнение, вызываю вас...

Вы смущены? Вижу, вижу, как вы пятитесь.

Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши в моей воле и что с трудом удерживаю я себя от этого (10, 35-36).

Под «тупоумными глупцами» и «дрянными пошляками», как намекал сам Чернышевский, подразумевались Тургенев и Герцен (10, 1002-1003). Они обвинялись в том, что считали Добролюбова «человеком без души и сердца». Ругательства Чернышевского сразу стали, по замечанию публициста «Северной пчелы», «знаменитым выражением самого умного человека в Петербурге»<sup>3</sup>.

В чем причина такой антипатии Чернышевского к двум своим знаменитым современникам?

Что касается первого, то, как показал В.А. Мысляков, все объясняется давней неприязнью Тургенева к личным качествам Добролюбова, а также болезненно воспринятыми Чернышевским слухами о содержании еще не вышедшего романа «Отцы и дети», где в главном герое якобы карикатурно изображен Добролюбов<sup>4</sup>. Упоминание же Герцена вызывает ряд вопросов.

В «Дополнительных показаниях Сенату» от 1 июня 1863 г. Чернышевский утверждал, что «не мог извинить Герцену никогда, а тем более после смерти Добролюбова» дурных отзывов о нем, появившихся с весны 1859 г. в «Колоколе», где «была напечатана обидная для

Добролюбова» статья «Very dangerous!!!»<sup>5</sup>. Далее Чернышевский дает ссылку на скандальную фразу из «Материалов»:

Когда я потерял Добролюбова <...>, неприязнь к Герцену за него усилилась во мне до того, что увлекла меня до поступков, порицаемых правилами литературной политики <...>. Укажу для примера на выражение о нем в одной из первых книжек «Современника» за 1862 г. в статье, которую начал я биографию Добролюбова <...>. Эта моя резкость наделала тогда довольно шума в нашей литературе <...>. На это есть указания в русских периодических изданиях. Для примера укажу на «С.-Петербургские ведомости» первой половины 1862 года<sup>6</sup>.

Казалось бы, противоречий нет<sup>7</sup>. Возмущенный статьей Герцена, Чернышевский отвечает и ему, и Тургеневу в своих «Материалах». Между тем в статье «Very dangerous!!!», названной здесь поводом к конфликту, нет ни одного уничижительного намека на личные качества Добролюбова, а именно это вменяется в вину «пошлякам» и «глупцам». Более того, читая «Литературные мелочи прошлого года», подписанные «Н.-бов», Герцен, скорее всего, еще не знал, кто скрывается за этим псевдонимом<sup>8</sup>. Едва ли он мог что-либо знать и о чертах характера начинающего критика. На момент выхода статьи Герцена (лето 1859 г.) круг негативных ассоциаций, возникший в связи со «свистом» и «свистунами», также еще не затрагивал личных качеств авторов «Свистка» и «Современника».

Самое простое объяснение этой неувязки - характерное для памяти Чернышевского установление мнимой причинно-следственной связи между событиями. Действительно, как следует из слов Чернышевского, смерть Добролюбова усилила в нем неприязнь к Герцену за выпад против критика. Эти чувства могли наложиться у Чернышевского на его воспоминания от нелегких лондонских разговоров с Искандером, обостренных расхождением по многим вопросам<sup>9</sup>.

Однако анализ фактического материала 1860-61 гг. позволяет предложить более правдоподобную версию.

Наиболее вероятным поводом к выпаду Чернышевского могла послужить статья Герцена «Лишние люди и желчевики» («Колокол», 15 октября 1860 г.), продолжавшая полемику с «Современником» о значении «лишних людей». В ней таким нелюбезным, но с середины 1850-х гг. расхожим словом<sup>10</sup> именовались представители нового поколения нигилистов. Нелестно описывая личные качества желчевиков, Герцен метил, в том числе, в Чернышевского и Добролюбова. Неслучайно поэтому Чернышевский уточнил в показаниях, что статья Герцена была обидна и для него тоже<sup>11</sup>.

Аллюзионный слой статьи Герцена, действительно, очень насыщен и включает массу едва различимых намеков на ряд статей Добролюбова и Чернышевского. Укажем на один укол в адрес Добролюбова, не отмеченный исследователями и косвенно подтверждающий нашу версию.

Отталкивающе описывая физические и психические качества желчевиков, Герцен полемизирует с обрисовкой положительных черт молодого поколения во все той же статье Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года»<sup>12</sup>, спровоцировавшей всю полемику. Приведем текстуральные переключки в таблице:

«Литературные мелочи прошлого года» Добролюбова	«Лишние люди и желчевики» Герцена
<p>Совсем не так отнеслось к вопросам жизни молодое поколение &lt;...&gt;. От пожилых людей &lt;т.е. от «лишних людей»&gt;. – А.В.&gt; обыкновенно рассыпаются ему упреки в холодности, черствости, бесстрастии. Говорят, что нынешние люди измельчали, стали неспособны к высоким стремлениям, к благородным увлечениям страсти. Все это, может быть, чрезвычайно справедливо в отношении ко многим, даже к большинству нынешних молодых людей &lt;...&gt;. Но за ними, и отчасти среди них, виднеется уже другой общественный тип, тип людей реальных, с крепкими нервами и здоровым воображением. &lt;...&gt;.</p>	<p>Это &lt;т.е. «желчевики»&gt;. – А.В.&gt; не лишние, не праздные люди, это люди озлобленные, больные душой и телом, люди, захвнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и которые не могут отделаться от желчи и отравы &lt;...&gt;. Они представляют явный шаг вперед, но все же болезненный шаг &lt;...&gt;.</p>
<p>Они в самом деле стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которую отличало прошлое поколение; но зато они гораздо тверже и жизненнее. &lt;...&gt; В общей своей массе молодые люди нынешнего поколения отличаются спокойствием и тихой твердостью. Это происходит в них прежде всего, разумеется, оттого, что нервы еще не успели расстроиться<sup>13</sup>.</p>	<p>Смена им идет, мы уже видим, как из дальних университетов, из здоровой Украины, с здорового северо-востока являются совсем иные люди, с непочатыми силами и крепкими мышцами &lt;...&gt;.</p>
	<p>Они носили на лице глубокий след души помятой и раненой. У каждого был какой-нибудь тик &lt;...&gt; – свернувшееся самолюбие. &lt;...&gt; Все они были ипохондрики и физические больные, не пили вина и боялись открытых окон &lt;...&gt;.</p>
	<p>Вот откуда их беспокойный тон, язык saccade, &lt;...&gt; намеренная сухость, &lt;...&gt; беспокойная нетерпимость директора департамента<sup>14</sup>.</p>

Добролюбов открыто говорит об упреках в черствости и холодности со стороны поколения «лишних людей». Герцен, подхватывая их, описывает молодое поколение с помощью метафоры болезни (излияния желчи), причем выражение «намеренная сухость» заимствуется им из другой статьи Добролюбова – «Благонамеренность и деятельность»<sup>15</sup>, где предупреждаются повторные упреки со стороны «Колокола»:

За такие жесткие строки нас, разумеется, упрекнул в неблагородстве и сухости сердца, в недостатке симпатии к высоким стремлениям и в фаталистическом поклонении факту. Мы заранее признаем справедливость всех подобных упреков и потому продолжаем свои объяснения, предавшись судьбе<sup>16</sup>.



Концептуальный словесный портрет нового поколения<sup>17</sup> был смонтирован Герценом из фраз и образов, давно употреблявшихся<sup>18</sup>, в том числе, и самими «отрицателями». Однако в печати, да еще таким влиятельным автором, как Герцен, это было сказано впервые. Чернышевский вряд ли мог не воспринять этот выпад в свой адрес, равно как и в адрес Добролюбова.

Материалы журнальной полемики 1861-62 гг. также подтверждают показания Чернышевского, где он упоминал осведомленность литературного мира о его неприязни к Герцену и ссылаясь на «Санкт-Петербургские ведомости» первой половины 1862 года.

«Глупцы» и «пошляки» Чернышевского сразу сделались одной из самых скандальных цитат и довольно часто повторялись к месту и не к месту<sup>19</sup>. Только некоторые, наиболее осведомленные, журналисты понимали, в кого целился Чернышевский. Публицист «Отечественных записок» Аркадий Прогрессистов (А. Эвальд), задавшийся вопросом, «кто же эти *дрянные пошляки*», предлагал два возможных ответа: «...писатели, которые называли людьми без сердца не Добролюбова, а свистунов вообще и, следовательно, г. Чернышевского в особенности, или же те, которые называли их просто *желчевиками*»<sup>20</sup>.

К числу первых, по-видимому, относятся «Русский вестник» и «Отечественные записки», в которых к середине 1861 г. начали регулярно появляться заметки о «свистунах»<sup>21</sup> и их личных качествах. Квинтэссенцией темы бессердечия стала заметка «Что такое свистуны?» в «Отечественных записках», где говорилось, что «у наших свистунов нет сердца, нет веры <...>, они никого и ничего не любят - они смеются над любовью»<sup>22</sup>. Опровержению такого мнения Чернышевский посвятил страницу во второй коллекции «Полемических красот» (7: 755-756). Под второй категорией писателей Эвальд, несомненно, подразумевал Герцена, и поэтому слово «желчевики» выделено курсивом.

Не случайно и то, что следом за текстом Эвальда в журнале напечатан фельетон П.И. Вейнберга «Думы Синеуса», где авторская маска - молодое перо, собирающееся «перевернуть русскую литературу» - намеренно сближена с манерой письма Чернышевского. Его скандальные выражения снова возникают здесь рядом с намеком на Герцена:

Еще и теперь на меня находит по временам какая-то «тупоумная глупость» при чтении самых любимых мною журналов. <...> самые знаменитые, почтенные всею Европою публицисты представляются мне смешными со своею пылкостью, когда вздумают кричать, указывая на свистунов: *Very dangerous!*<sup>23</sup>.

Таким образом, агрессивный выпад Чернышевского был раскрыт современниками, пусть и немногими.

В качестве второго и более очевидного адресата фразы Чернышевского рассматривался, естественно, Тургенев. Анонимный публицист «Библиотеки для чтения»<sup>24</sup> в статье «Современные поминки по друзьям» полагал:

Все эти сплетни таинственных незнакомцах в особенности неприличны при воспоминании о друге. Мнение таинственных незнакомцев не было высказано публично т.е. печатно, а потому оно и относится именно к отделу сплетен <...>. Смеем полагать, что выходки гг. Некрасова, Чернышевского и покойного Панаева против какого-то незнакомца, находившего Добролюбова сухим и принадлежащего, как говорит Панаев, к числу друзей Белинского, не возбудили бы сочувствия в покойном<sup>25</sup>.

Из контекста ясно, что незнакомец - Тургенев. Аноним ссылается на статью И. Панаева «По поводу похорон Добролюбова» (Современник. 1861. № 11), где имя Тургенева как хулителя личных качеств Добролюбова не называлось, однако намек на «друга Белинского» был очевиден<sup>26</sup>. Логика обозревателя «Библиотеки для чтения» здесь такова. Высказывания Тургенева о сухости и ядовитости Добролюбова носили устный характер (по крайней мере, до выхода «Отцов и детей»), а значит, их можно было квалифицировать как сплетни. Герцен же высказался печатно, что санкционировало распространение такой информации и узнавание ее источника.

Между тем существует одно печатное выступление Тургенева против Добролюбова, которое многое проясняет. Речь идет о пародии Тургенева «Шестилетний обличитель» («Искра». - 1859. - № 50). По убедительному предположению Г.Ф. Перминова, эта пародия, дискредитирующая черты характера молодого поэта-обличителя Иеремии Недобобова (Добролюбова), повлияла на статью «Лишние люди и желчевики»<sup>27</sup>. Герцен развивал медицинские метафоры тургеневского текста - золотушность и желчность. Соответственно, можно рассматривать фельетон Тургенева и как *печатный* повод, который вместе со слухами об «Отцах и детях» мог спровоцировать выпад Чернышевского против «глупцов» и «пошляков»<sup>28</sup>.

Таким образом, связка «Тургенев-Герцен» оказывается далеко не случайной. Тесное идейное сближение двух писателей в 1860-61 гг. отразилось и в их текстах 1859-1860 гг. Более того, Тургенев разделял неприязнь Герцена к Некрасову, спровоцированную делом об огаревском наследстве. Напомним, что Чернышевский на следствии назвал отношение к Некрасову главной причиной своей антипатии к Герцену. Возможно поэтому в сознании Чернышевского к концу 1861 г. Тургенев и Герцен возникали вместе. То, что «врагов» было двое, ясно из воспоминаний Чернышевского 1884 г. «Об отношениях Тургенева к Добролюбову...», где Тургенев назван одним из «двух лиц», к котором «в мысли» Чернышевского относилось выражение о «глупцах» и

«пошляках» (1: 741). Имя же Герцена Чернышевский избегал называть в переписке и воспоминаниях вплоть до переезда в Астрахань.

Чрезвычайно существенно и то, что перейти на личности Чернышевского заставила не историко-философская полемика с Герценом 1861 г. по вопросам о падении Рима и не раздражение травлей Некрасова, а именно добролюбовский сюжет. Размышления о Добролюбове также оставили заметный след и в беллетристике Чернышевского, но это отдельная тема.

Все сказанное приводит к мысли о том, что в «Что делать?», «Алферьеве» и «Повестях в повести», составлявшим части одного большого замысла о «новых людях», Чернышевский, уделяя необычно много внимания физическому здоровью (и, как следствие, здоровью психическому) и телесности, полемизировал не только с «Отцами и детьми» Тургенева, но и с Герценом<sup>29</sup>. Ему необходимо было опровергнуть созданный издателем «Колокола» образ большого поколения нигилистов-желчевиков.

#### Примечания

<sup>1</sup> В круглых скобках с указанием тома и страниц даются ссылки на изд.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939-1953.

<sup>2</sup> Здесь и далее все выделения в тексте принадлежат автору статьи.

<sup>3</sup> Наши журналы // Северная пчела. 1862. № 84. 28 марта. С. 332-333.

<sup>4</sup> *Мысляков В.А.* Чернышевский и Тургенев («Отцы и дети» глазами Чернышевского) // Н.Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 147-148.

<sup>5</sup> Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968. С. 313.

<sup>6</sup> Там же. С. 313-314.

<sup>7</sup> А.А. Демченко, призывавший осторожно относиться к следственным показаниям, все же не видит оснований не доверять именно этим, т.к. они подтверждаются более поздним свидетельством Чернышевского - письмом А. Пыпину 1878 г. (*Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. 3. Саратов, 1992. С. 28-32). А.А. Демченко, как и И.Г. Ямпольский (*Ямпольский И.Г.* «Не верь глазам своим» // Вопросы литературы. 1981. № 5. С. 225-229), не разделяет крайне сомнительной гипотезы А.Н. Шустова о том, что в этом письме Чернышевский имеет в виду А. Писемского. См.: *Шустов А.Н.* Кто был «один человек» в письме Н.Г. Чернышевского к А.Н. Пыпину от 9 декабря 1883 года? (По поводу одной укоренившейся ошибки) // Освободительное движение в России. Вып. 14. Саратов, 1991. С. 26-38.

<sup>8</sup> *Коротков Ю.* Господин, который был в субботу Фулеме. (Чернышевский у Герцена летом 1859 года) // Прометей. 1971. Т. 8. С. 172.

<sup>9</sup> Подробнее о некоторых направлениях этой полемики см.: *Антонова Г.Н.* Герцен и русская критика 50-60-х годов XIX века. Саратов, 1989. С. 124-136. Отвечая Чернышевскому на его статью «О причинах падения Рима», Герцен снова употребляет сочетание «желчевые критики» в статье «*Repetitio est mater studiorum*» («Колокол», 15 сентября 1861), на этот раз целясь именно в Чернышевского.

<sup>10</sup> [Антонова Г.Н]. Комментарий к статье «Лишние люди и желчевики» // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М., 1958. Т. XIV. С. 573.

<sup>11</sup> Дело Чернышевского. С. 313. Подводя итог многолетней академической дискуссии о том, кто же выведен под именем «невского Даниила» в статье Герцена, Ю. Коротков настаивает, что автор имел в виду свой разговор с Чернышевским (Коротков Ю. Указ. соч. С. 178). Так полагает и Е.Н. Дрыжакова (Дрыжакова Е.Н. Герцен на Западе: в лабиринте надежд, славы и отречений. СПб., 1999. С. 128).

<sup>12</sup> Герцен позаботился о прозрачном указании на каузальную связь обеих статей, поставив, как известно, эпиграф к «Лишним людям...» из «Very dangerous!!!».

<sup>13</sup> Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 т. Т. 4. М.-Л., 1962. С. 72-73.

<sup>14</sup> Герцен А.И. Указ. соч., т. 14, с. 322-323.

<sup>15</sup> См.: Золина Н.А. О статье Герцена «Лишние люди и желчевики» // Уч. зап. Ленинградского гос. университета. 1957. № 229.

<sup>16</sup> Добролюбов Н.А. Указ. соч. Т. 6. С. 196 и комментарий на с. 517.

<sup>17</sup> Приходится признать, что в статье Герцена дан обобщенный портрет нового поколения, составленный из фраз и черт конкретных людей и не мешавший Чернышевскому или Добролюбову проецировать его на себя (Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936. С. 415). Характерно и то, что кружок «Современника» воспринимал его именно так (Антонова Г.Н. Комментарий к статье «Лишние люди...». С. 575).

<sup>18</sup> Ср. в неопубликованном письме доктора И.М. Сорокина Н.А. Добролюбову 16 июня 1860 г.: «[литераторы-жертвы], которые, пожалуй, были бы очень довольны Вашей смертью, избавившей от назойливого и ядовитого критика (замечу мимоходом, что Вы приобрели репутацию ядовитого человека и литература воет в отчаянии, что Вы всякого обидели)» (ИРЛИ. Ф. 97. Оп. 2. Ед. хр. 119. Л. 1).

<sup>19</sup> Ср. упоминания: *Петербургская летопись* (Литературный вечер в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) // Санкт-Петербургские ведомости 1862. № 54. 11 марта. С. 241-242; *Скарятин В.* Образцы самоновейшего красноречия // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. № 58. 16 марта. С. 257; *Заочный Василий* <Ржевский>. Обзорение литературных журналов за январь месяц 1862 г. // Северная почта. 1862. 28 февраля. № 45. С. 177; Герцен и Катков // Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году. Т. 2. СПб., 1862. С. 242.

<sup>20</sup> *Прогрессистов А.* <Эвальд>. Письма об изучении безобразия. Письмо первое // Отечественные записки 1862. Т. 140. Февраль. Отд. III. С. 40-41.

<sup>21</sup> Подробнее см.: *Шилова Н.Л.* Тема полемики и свиста в журналах М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» и «Эпоха» (1861-1865) // Филологические исследования: Сб. статей. Вып. 2. Петрозаводск, 2003. С. 110-119. Тему желчевиков Достоевский подхватывает в «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1862 г.» (*Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. Л., 1993. С. 492-493).

<sup>22</sup> Современная хроника России // Отечественные записки. 1861. Т. 136. Май. Отд. V. С. 21.

<sup>23</sup> Думы Синеуса // Отечественные записки. 1862. Т. 140. Февраль. Отд. III. С. 46.

<sup>24</sup> Наиболее вероятным считается авторство Н.Н. Воскобойникова (*Козьмин Б.П.* Комментарий // *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. Т. 2. М., 1965. С. 552).

<sup>25</sup> Н.-ов. Современные поминки по друзьям // Библиотека для чтения. 1862. Т. 170. Ч. 1. Март. С. 171-173.

<sup>26</sup> *Мысляков В.А.* Указ. соч. С. 147-148.

<sup>27</sup> *Перминов Г.Ф.* Тургенев о Н.А. Добролюбове. Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в «Искре» // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. III. Л., 1967. С. 112-113.

<sup>28</sup> Там же, с. 116-118.

<sup>29</sup> Этот момент не отмечается в специальных исследованиях о полемике Чернышевского с Герценом: Антонова Г.Н. Герцен и русская критика 50-60-х годов XIX века. Саратов, 1989. - С. 74-98.

Он Оя

## Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ (идейно-философская позиция после Крымской войны)

Как известно, в 40-х годах XIX века в России появилось два идейных течения: славянофильство и западничество. Между представителями этих течений постоянно возникали интенсивные споры о будущем России. «Споры возобновлялись на всех литературных и не литературных вечерах, на которых мы встречались, - а это было раза два или три в неделю», - вспоминает А.И. Герцен<sup>1</sup>.

Вообще говоря, в ходе дискуссии западники видели будущность России в модернизации страны, а славянофилы идеализировали русскую самобытность. Потом, после революционных событий 48 года, эти два течения были теоретически объединены Герценом. Он выдвинул теорию русского социализма, противопоставляя старому, «гниющему» Западу «необузданную, но могучую юность» России<sup>2</sup>.

Здесь следует отметить, что славянофилы, также как и Герцен, не придавали государству надлежащее значение в дальнейшей судьбе народа. Они просто игнорировали или даже отрицали роль государства, придавая кардинальное значение крестьянской общине.

### 1. Перелом общественного мнения после Крымской войны

Поражение в Крымской войне четко показало русскому обществу, что Запад не такой старый и не такой окаменелый. Оно показало русскому обществу слабость и отсталость самой России. Таким образом, была разрушена основная предпосылка тезиса 40-х годов, утверждающего противопоставление «гниющего» Запада и «могучей» России. Теперь всем было очевидно, что могучими были западные капиталистические державы, а «гниет» крепостная Россия. В этих новых условиях началась новая дискуссия на старую тему - Россия и Запад.

Западники, со своей стороны, уже перестали увлекаться отвлеченными, философскими вопросами. Они обратили свое внимание на более конкретные, актуальные вопросы страны. Часть их, организуя партию «русских либералов», перестали быть «Фрондой»<sup>3</sup>. Они поддерживали «сильную власть» и возлагали надежды на «либеральные

меры» нового царя и реформу «сверху». Они разошлись с демократами. Идеиная солидарность западничества 40-х годов была разрушена<sup>4</sup>. Кстати, для них остался открытым вопрос, как на самом деле догнать и перегнать западные державы по модернизации, и есть ли шанс для России, стартующей позже на мировой арене?

Славянофилы, с другой стороны, исходя из тезиса неповторимого своеобразия славянских народов, оценивали Крымскую войну как войну Запада против славянского мира, рассматривали эту войну как «священную войну». И поэтому они повернули свои знамена от теории славянофильства к панславизму<sup>5</sup>.

Например, верный славянофил И.С. Аксаков начал издавать свои газеты в начале 60-х годов, на страницах которых он пропагандировал идею «славянской взаимности», славянского единства. Он утверждал: «Дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия, под сенью могущественных крыл Русского орла - вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»<sup>6</sup>. Сначала его панславизм не имел заметной популярности среди русских читателей, хотя «в славянских странах его газета устойчиво пользовалась высокой репутацией»<sup>7</sup>.

Что касается Чернышевского, то он никак не разделял славянофильскую идею привлечь зарубежных славян «под сень российского орла»<sup>8</sup>. Он всегда выступал против экспансионизма панславистов<sup>9</sup>. Критикуя экспансионизм Аксакова, Чернышевский обращается к славянским народам с призывом: «Наша помощь не нужна вам, была бы вредна вам. Да и нам самим было бы слишком тяжело воевать для вашего освобождения. Не рассчитывайте же на нас, а ищите сил в самих себе» (Т. VII. С. 841).

## 2. Идеиный «поворот» Н.Г. Чернышевского после Крымской войны

Несмотря на жесткую критику в адрес экспансионизма, происходило сближение Чернышевского со славянофилами в данный период по вопросу крестьянской общины. Этим сближением Чернышевский отличается от большинства западников.

Вспомним, что если в 1855 году Чернышевский видел в крестьянской общине «остатки исчезающего давно-прошедшего» (Т. II. С. 733), то после Крымской войны, в марте 1857 года, он заговорил, хотя частично, о своем сочувствии к славянофильству. «Мы хотим сказать, с какой точки зрения образ мыслей, называемый славянофильством, заслуживает, если не полного одобрения, то оправдания и даже сочувствия» (Т. IV. С. 723). А в следующем номере «Современника» он повторяет, что «есть в славянофильстве другая сторона, которая ставит славянофилов выше многих из самых серьезных западников» (Т. IV. С.

738). Безусловно, в данном случае Чернышевский, характеризуя позицию славянофилов, имеет в виду их отношение к крестьянской общине. В 1857 году он пишет, опять-таки имея в виду крестьянскую общину, что «как самые хорошие вещи имеют свою дурную сторону, так и самые дурные вещи свою хорошую» (Т. IV. С. 341).

Не может быть никакого сомнения, что поражение в Крымской войне послужило причиной такого идейного «поворота» Чернышевского<sup>10</sup>. Следует отметить, что, несмотря на сближение Чернышевского в данный период со славянофилами по вопросу крестьянской общины, он, тем не менее, сам подчеркивал идейное расхождение со славянофилами. «Взгляд на общину, который мы защищаем, принадлежит западной науке, а не славянофилам» (Т. IV. С. 617), — пишет он. Здесь под словом «западная наука» он подразумевает «общечеловеческую науку». Для Чернышевского «западная наука» носила универсальный, всеобщий характер. Например, в другом месте, когда он выступал против свободной экономики, он пишет, что «принять его (лозунг свободной экономики. - ОЯ) нам было бы вдвойне пагубно: он не только помешал бы верному направлению нашего собственного производства как мешает на Западе, - он возбудил бы нас к разрушению благотворного учреждения, завещанного нам веками» (Т. IV. С. 746). По его мнению, свободная экономика мешала бы «верному направлению» в России, «как мешает на Западе». Здесь Чернышевский верил в то, что тот же самый общий исторический закон действует и на Западе, и в России. Отсюда он призывает русских читателей изучать уроки Запада. Таким образом, Чернышевский остался верным западником, увидев Россию в общечеловеческом контексте.

Чернышевский признавал особое значение общины не потому, что она являлась одной из характерных особенностей славянских народов, а потому, что общинное владение по существу (как на Западе, так и в России) препятствует наступлению свободной экономики. «Мы видим, какие печальные следствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас» (Т. IV. С. 743).

### 3. Связь между мировой экономикой и общиной

Выше было сказано, что Крымская война служила причиной идейного поворота Чернышевского. Но при этом надо обратить внимание на то, что сам он не придавал большого значения военному поражению. В «Письмах без адреса», которые были адресованы императору Александру II (надо учитывать характер этого источника, но все-таки), он пишет: «Крымская война, при всех неудачах и при всей своей обременительности, не нанесла России удара слишком тяжелого.

Неприятель едва коснулся наших границ на двух окраинах, далеких от коренных русских обитателей». И далее: «Такова была степень глубины впечатления, обратившего нас к заботам о реформах. Оно было мелко, поверхностно» (Т. X. С. 95-96).

Таким образом, в послевоенный период Чернышевский считает, что главная опасность страны не в военном поражении. Он видит главную опасность страны в «участии России в общем европейском движении». Он пишет: «С окончанием нашей последней войны начинается для России более деятельное, нежели когда-либо, участие в общем европейском экономическом движении» (Т. IV. С. 303). Он опасается, что «Россия вступает в тот период экономического развития, когда к экономическому производству прилагаются капиталы» (Т. IV. С. 304).

В таком «общем европейском движении», беря Англию и Францию в качестве примера, он с тревогой отмечает, что, с одной стороны, возникли «тысячи богачей», с другой - «миллионы бедняков». «По роковому закону безграничного соперничества богатство первых должно все возрастать, сосредоточиваясь все в меньшем и меньшем числе рук, а положение бедняков должно становиться все тяжелее и тяжелее» (Т. IV. С. 740).

Верный западник, Чернышевский опасается, что Россия будет побежденной на арене «безграничного соперничества» мирового капитализма. Он опасается, что «хозяйство поселян было бы совершенно подавлено соперничеством капиталистов» (Т. V. С. 153).

Выше уже было сказано о сближении Чернышевского со славянофилами по вопросу общины. И именно в принципе общинного владения он видит защиту, «противоядие» против наступления всемирного капитализма.

#### 4. Связь между мировой экономикой и государством

Широко известно, что Чернышевский, анализируя ситуацию западноевропейских держав, отмечает, что принцип частной собственности лежит в основе капитализма. В тоже время в качестве антагонистического, он выдвигает принцип коллективного владения по модели русской общины. Вместе с тем, он считает, что этот принцип коллективного владения в деревне станет ведущим принципом в будущем устройстве ассоциаций в городе.

Здесь стоит остановиться на вопросе формальной сути собственности. Теоретически можно считать, что собственность - юридическое право<sup>11</sup>. Поскольку это является одной из форм права, то должно иметь самое непосредственное отношение к власти, которая принадлежит государству. И в самом деле, сам Чернышевский тоже отмечает, что в западноевропейских странах, независимо от форм управления, каждое государство гарантирует право на имущество своего



гражданина. Когда Чернышевский пишет, что «юридические права отдельного человека в них почти одинаковы», он вместе с тем отмечает, что «государственное устройство - форма, имеющая целью их (юридических прав. - ОЯ) обеспечение» (Т. IV. С. 739).

В этой же самой рецензии он, с одной стороны, возражает против мнения, будто «новый принцип требовал непременно той или другой государственной формы». А с другой стороны, он утверждает, что «принцип ассоциации по своему существу чужд политических пристрастий и равно может уживаться с всякою формою государственного устройства» (Т. IV. С. 741). Значит, здесь Чернышевский имеет в виду возможность сосуществования принципа коллективного владения в рамках государства. Более того, он, хотя не вербально, но логически, все-таки признает значение государства как предпосылку для защиты прав собственности в целом. Таким образом, он видит государство как устройство, которое гарантирует право не только на частное имущество, но и на коллективное владение. Итак, Чернышевский не только одобряет сосуществование государства и коллективного владения, но и видит в государстве юридическую гарантию для коллективного владения.

С этой точки зрения, небезынтересно обратить внимание на статьи Чернышевского об Азии, которые он опубликовал после Крымской войны<sup>12</sup>. Точнее говоря, это было после того, как руководство журнала «Современник» было передано Чернышевскому в августе 1856 года, когда на страницах «Современника» появилась короткая рецензия на книгу английского китаиста Томаса Тейлора Медоуза<sup>13</sup>. Принято считать, что эта рецензия не принадлежит перу Чернышевского. Вместе с тем, очевидно, что без его одобрения она не была бы напечатана.

Вслед за ней, в 1857 году, в «Современнике» помещено много информационного материала о Китае. Это была и серия из четырех статей «Китайская империя по описанию миссионера Гюка», «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», и статья «Печальное положение Китая».

В рецензии «Объяснение китайской революции» рецензент считает «несчастную войну с Англией» главной причиной Тайпинского восстания<sup>14</sup>. Рецензент видит в Тайпинском восстании проявление слабости азиатского государства, которое не в состоянии обеспечить своему народу благосостояние. В 1857 году, когда Чернышевский комментировал ситуацию восстания сипаев в Индии, он изложил точно такую же точку зрения (Т. IV. С. 486).

## 5. Вместо заключения

После Крымской войны Чернышевский стал больше обращать внимание на общину и Азию. При этом в идейно-философской позиции

Чернышевского, основным элементом, который соединил эти два объекта, стала концепция защиты народа государством.

Как уже говорилось, Чернышевский не только отличается от многих западников-либералов, но и в этом отношении не принадлежит славянофильству. Более того, теория Чернышевского четко отличается от теории Герцена, который мечтал об анархической федерации крестьянских общин. В то же время идея Чернышевского о признании государства как защиты от экспансии мировой экономики нам кажется очень актуальной даже сегодня, когда перед нами встает вопрос глобализации.

#### Примечания

<sup>1</sup> Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1956. Т. IX. С.156.

<sup>2</sup> Там же. Т. XII. С.183.

<sup>3</sup> Подробнее см. *Китаев, В.А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX века. М., 1972.

<sup>4</sup> См. Yoshio Imai, «Gertsen to Kavelin: Yuujou to ketsubetsu (Герцен и Кавелин: дружба и расхождение)», in *Roshia no shisou to bungaku (Русская мысль и литература.* Tokyo: Mirai-sha, 1977.

<sup>5</sup> О повороте славянофилов к панславизму, см.: Andrzej Walicki, *Russian Social Thought: An Introduction to the Intellectual History of Nineteen-Century Russia* // Перевод на японский язык. Yoshio Imai, *Roshia Shakai-shisou to suravu-shugi.* Mirai-sha, 1979. P. 25.

<sup>6</sup> Аксаков И.С. Славянский обзор // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. М., 1886. С. 6.

<sup>7</sup> Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 79.

<sup>8</sup> Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16 т. М., 1950. Т. VII С. 386. Далее цитируется по этому изданию в тексте статьи (с указанием номера тома и страницы).

<sup>9</sup> Один из выдающихся специалистов по славянскому вопросу В.А. Дьяков в одной из своих статей, строго резюмируя идеологическую позицию славянофилов, определяет ее довольно негативно: «Что касается идеи славянской взаимности, то славянофилы, вольно или невольно, ставили ее на службу внешней и внутренней политике русского царизма» (*Дьяков В.А.* «Славянский вопрос» и политическая программа Н.Г. Чернышевского // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 134.). Хотя чуть позже он смягчает тон, прибавив что «в первой половине 60-х годов, пожалуй, не все славянофилы субъективно осознавали себя проводниками политики царизма» (Там же. С. 135).

<sup>10</sup> О «повороте» Чернышевского по поводу крестьянской общины, см. напр.: Ikuo Ishikawa, «Kaisetsu (Примечание к переводу «Славянофилы и вопрос об общине)», in *Nouson kyoudoutai ron.* Mirai-sha. Tokyo, 1983.

<sup>11</sup> Об этом подробнее см.: С.В. Macpherson. The Meaning of Property, in Macpherson ed., *Property.* Unversty of Toronto Press. 1978. P. 3-4.

<sup>12</sup> См. *Ватанабе М.* Взгляд на Азию в теории общинного социализма Н.Г. Чернышевского // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 1975. №7.

<sup>13</sup> Объяснение китайской революции // Современник. 1856. №8. С. 227-230.

<sup>14</sup> Там же. С. 229.

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Известная формула Н.Г. Чернышевского о трёх основных задачах искусства (воспроизведение жизни, объяснение жизни и приговор над ней) предполагает не просто сознательное, осмысленное, целеустремлённое по своей природе художественное творчество, но и его социально активную, преобразовательную функцию. В подобном понимании искусство явно сближается с наукой об обществе, более того, интеллект оказывается своего рода мерилем творческих способностей художника. По мнению Чернышевского, у людей, «у которых умственная деятельность слаба, когда подобный человек – поэт или художник, его произведения не имеют другого значения, кроме воспроизведения любимых им сторон жизни <...> Но если человек, в котором умственная деятельность сильно возбуждена вопросами... одарён художническим талантом <...> его произведения будут... сочинениями на темы, предлагаемые жизнью <...> Тогда художник становится мыслителем, а произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное» (1, т. 4, с. 110). Об этом же достаточно чётко высказался автор известных исследований об эстетике Чернышевского Г.А. Соловьёв: по его мнению, Чернышевский «отождествляет художественный образ с научно точным изображением оригинала» (2, с. 70).

Подобное сближение искусства с наукой – явное развитие идей В.Г. Белинского конца 1840-х годов. Его заветы, его программа натуральной школы оказались достаточно жизнестойкими и актуальными для последующего периода развития русской литературы. Стремление Чернышевского поддержать и продолжить традиции натуральной школы («гоголевского направления», как не совсем верно – вслед за Белинским – называет его новый идеолог прежнего метода) объясняется не только политическими, гражданскими причинами, но и близостью методологии, эстетических принципов. Философские взгляды Чернышевского, как и Белинского последних лет жизни, во многом опирались на антропологизм Фейербаха. Г.В. Плеханов писал в связи с этим: «Задача эстетики, как отрасли науки... заключается в реабилитации действительности и в борьбе с фантастическим элементом человеческих представлений. На этом выводе из философии Фейербаха и были построены эстетические взгляды Чернышевского» (3, т. 2, с. 308). Эстетика Чернышевского близка социологии: критик видит в художественном воспроизведении жизни преимущественно материал для её объяснения и для суждения о

ней, поэтому истина воспроизведения чрезвычайно важна (3, т. 2, с. 324). Как писал сам Чернышевский, философия у Фейербаха, «признав тожество своих результатов с учением естественных наук, слилась с общей теорией естествоведения и антропологию <...> трудами новейших немецких мыслителей философия получила содержание, соответствующее требованиям точных наук, и основалась, подобно естествоведению, на строгом анализе фактов» (1, т. 3, с. 179, 180).

В диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» читаем: «Образ в поэтическом произведении точно так же относится к действительному живому образу, как слово относится к действительному живому предмету, им обозначаемому, - это не более как бледный и общий, неопределённый намёк на действительность <...> по сюжету, по типичности и полноте обрисовки лиц поэтические произведения далеко уступают действительности <...> явления действительности – золотой слиток... произведение искусства – банковый билет, в котором очень мало внутренней ценности <...> цель и значение произведений искусства: они не поправляют действительности, не украшают её, а воспроизводят, служат ей суррогатом» (1, т. 2, с. 64, 68, 75, 78).

Подобные, явно позитивистские представления об искусстве некорректны по отношению к художественному творчеству как специфическому, образному способу эстетического восприятия действительности, художественному её переосмыслению. Искусство, как и наука, по Чернышевскому, - учебник «для начинающего изучать жизнь; их значение – приготовить к чтению источников и потом от времени до времени служить для справок <...> Искусство относится к жизни совершенно так же, как история; различие по содержанию только в том, что история говорит о жизни человечества, искусство – о жизни человека» (1, т. 2, с. 87). Уместно напомнить суждение Аристотеля о том, что содержание поэзии – то, что могло быть, а содержание истории – то, что было в действительности.

Л. Фейербах указывал «на художественные образы как на форму религиозных представлений» (2, с. 62) и тем самым в позитивистском духе явно умалял их значимость и познавательную функцию в сравнении с непосредственным восприятием жизненных реалий. Отсюда прямой вывод о превосходстве явлений действительности над вымыслами творческой фантазии, воспринятый Чернышевским за истину.

При сохранении принципа приоритета действительности над искусством в первые годы своей критической деятельности (1854 – 1857) Чернышевский требовал от автора открытой субъективности, «приговора», который возможен, «если художник – человек мыслящий» (1, т. 2, с. 110). Отсутствие такого приговора воспринималось как художественный недостаток: «Наблюдательность иных талантов имеет в себе нечто холодное, бесстрастное» (1, т. 3, с. 422). Таковы Пушкин,

Гончаров, Л. Толстой. Однако «ради правдивого воспроизведения быта» критик «готов пока не анализировать субъективные идеи» писателя (4, с.138), а у Писемского в «отсутствии лиризма» видит «скорее... достоинство, нежели недостаток» (1, т. 4, с.. 570).

Впервые Чернышевский сформулировал свои литературно-критические принципы в 1854 г. в статье «Об искренности в критике». Эта формулировка достаточно традиционна и ещё не вполне отражает новые эстетические взгляды, которые появятся у критика несколько позднее: «Критика есть суждение о достоинствах и недостатках каково-нибудь литературного произведения. Её назначение – служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе» (1, т. 2, с. 254). Критерии критических оценок ещё не определены, однако отдельные высказывания свидетельствуют о целевой установке Чернышевского - критика: он против критики «уклончивой и пустой», за критику «дельную», не забывающую «о содержании, о здоровом взгляде на жизнь, как существенных достоинствах литературного произведения» (1, т. 2, с. 255). Все способности критика «должны служить ему орудием для достижения серьёзной цели... развития и очищения вкуса в большинстве... читателей» (1, т. 2, с. 257).

Итак, главная задача критика – анализ содержания произведения, его смысла, по формулировке Чернышевского – «мысли». По его мнению, книги бывают «пустые» и «непустые» - вот о непустых-то и говорится, что в них есть «мысль» как «стремление к содержанию, веяние в книге того субъективного начала, из которого возникает содержание» (1, т. 2, с. 260). Критика «должна заняться делом... серьёзным и достойным – преследованием пустых произведений и... обличением внутренней ничтожности и разладицы произведений с ложным содержанием» (1, т. 2, с. 262). Следовательно, критика призвана находить в содержании произведения проявление авторской позиции и соответственно оценивать её (давать объяснение и приговор). Именно так поступал Чернышевский в первых своих критических статьях, например, в рецензии на комедию А. Н. Островского «Бедность не порок» (1854 г.).

Автор этой статьи использовал очень тонкий и оригинальный критический приём. Он как будто оценивает комедию с точки зрения художественного мастерства, в традициях господствовавшей в России в середине 1850-х годов эстетической критики, но в сущности вскрывает несостоятельную, по его мнению, авторскую мысль, опирающуюся на ложное содержание – изображение патриархального быта купечества. Отсюда, как полагает критик, «фальшивость и слабость новой комедии», это «произведение кичливой бездарности», пьеса «слаба до невероятности», хотя некоторые (явный намёк на суждения «молодой редакции» «Москвитянина») называют её «ценным и долговечным вкладом в сокровищницу русской литературы» (1, т. 2, с. 232). Рецензент

утверждает, что «автора «Бедность не порок», не будь выставлено его имени на этой комедии, невозможно было бы признать автором «Своих людей»: он кажется только его подражателем, усвоившим до некоторой... степени его манеру» (1, т. 2, с. 233-234). Чернышевский иронично пересказывает содержание комедии и всюду подчёркивает несообразности в исполнении: диалоги, в которых персонажи рассказывают о вещах, заведомо им известных, музыкальные сцены низкого пошиба, условная развязка, мелодраматичные или «облитые патокой» характеры. Критик совершенно не учитывает сценические условности пьесы и подходит к ней с требованиями позитивистски понимаемого правдоподобия.

Подобную оценку получила и пьеса «Не в свои сани не садись». «В двух своих последних произведениях,- утверждает Чернышевский, - г. Островский впал в приторное прикрашивание того, что не может и не должно быть прикрашиваемо. Произведения вышли слабые и фальшивые <...> ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже в чисто художественном отношении» (1, т. 2, с. 240). В своих претензиях к пьесам Островского «москвитянинского» периода Чернышевский по-своему прав и последователен, поскольку драматург – явно не его единомышленник, даже идейный противник, к которому относиться нужно соответствующим образом.

Более одобрительно критик отозвался о комедии «Бедная невеста», подчеркнув в ней отсутствие новизны в идее и содержании, узость проблематики, но и достоинства гуманистической мысли и художественного исполнения. Авторская мысль привлекла Чернышевского и в комедии «Доходное место», которой он уделил внимание в «Заметках о журналах» «Современника» за март 1857 г. В этой пьесе критик с удовлетворением констатирует возобновление обличительного «благородного направления» комедии «Свои люди – сочтёмся», которую Чернышевский считал лучшей пьесой Островского. В анализе «Доходного места» опять преобладает подробное изложение содержания комедии с комментариями. Критик находит много «правды и благородства в новом произведении г. Островского... драматических положений и сильных мест... многие сцены ведены превосходно и обнаруживают, какими богатыми силами и средствами владеет автор» (1, т. 4, с. 735). Возражения рецензента вызвал лишь искусственный, как ему представляется, финал комедии, где автор спасает Жадова от нравственного падения.

Критерию гражданственности искусства подчинены историко-литературные работы Чернышевского, актуализировавшие важнейшие для него проблемы русского литературного процесса и тем самым наравне с собственно критическими статьями включавшиеся в журнальную полемику о современном состоянии литературы. Прежде

всего, это отклики на новые издания сочинений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя (1855- 1857 годы) и цикл статей «Очерки гоголевского периода в развитии русской литературы» (1855-1856 годы). И Пушкин, и Гоголь не удовлетворяли Чернышевского по уровню осмысления тех жизненных явлений, которые находили отражение в их творчестве. Пытаясь объяснить казавшееся ему противоречие между талантом писателя и его идеологией, критик открыл широкие перспективы для будущей реальной критики, отметив на примере гоголевского творчества, что в художественном произведении нередко «смысл выходит далеко за пределами убеждений и даже поворачивается против них» (2, с. 294). По существу это продолжение и развитие критического метода позднего Белинского. Позднее этот принцип талантливо разовьёт Добролюбов в статьях о Гончарове, Островском, Тургеневе и других, когда он по-своему будет объяснять и судить литературных персонажей и самую художественную действительность, вольно интерпретируя авторскую позицию. Сам же Чернышевский подобным критическим методом почти не пользовался и чаще ограничивался извлечением объективного смысла художественных образов и распространял этот смысл на жизненные реалии. Г.А. Соловьёв утверждает, что «Чернышевский искал косвенных способов оценки идейного содержания крупных художественных явлений», чтобы избежать «суждения о талантливых произведениях по прямым идейно-политическим позициям их авторов» (2, с. 311). Это явно сближало его критику с публицистикой.

Характерный пример подобного критического подхода можно обнаружить в цикле статей «Сочинения А.С. Пушкина» (1855 г.). Утверждая вслед за Белинским, что «Пушкин по преимуществу поэт-художник, не поэт-мыслитель; то есть существенный смысл его произведений – художественная их красота», Чернышевский в то же время признаёт, что произведения Пушкина «умножили в десятки раз число людей, интересующихся литературою и через то делающихся способными к восприятию высшего нравственного развития» (1, т. 2, с. 473-474), следовательно, по-своему выполнили и общественную роль.

Пушкин – не мыслитель, но человек «необыкновенного ума»: «Каждый стих, каждая строка беглых заметок Пушкина затрогивала, возбуждала мысль» (1, т. 2, с. 475). Это кажущееся противоречивым мнение критика свидетельствует о том, что он различал в литературном произведении мысль как авторскую тенденцию и мысль, выраженную в художественной форме. Чернышевский считает полезными историко-литературные экскурсии и обращения к прижизненной критике о писателе, чтобы установить связь «мыслей нашего времени с потребностями... недавнего прошлого» (1, т. 2, с. 477). Критик, несомненно, обладал большим эстетическим чутьём. Об этом свидетельствует не только его в целом положительное отношение к Пушкину, но и некоторые другие критические оценки (например, раннего

творчества Л.Н. Толстого). Показательно признание критика в письме Н.А. Некрасову от 5 ноября 1856 г.: «... я смотрю (лично я) на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения. Напротив, - политика только насильно врывается в моё сердце, которое живёт вовсе не ею, или, по крайней мере, хотело бы жить не ею». И ещё: «... поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли... лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденцией» (1, т. 14, с. 322-323). В «Очерках гоголевского периода...» критик признаёт социальную функцию литературы вынужденной обстоятельствами и потому временной (5, с. 28). Чернышевский стремился, если это позволяли условия литературной полемики, в своих суждениях о литературе руководствоваться представлениями о значимости не прямолинейной назидательности, а художественной мысли, пропущенной сквозь призму поэтического сердца, искренней и прочувствованной. В то же время глубоко осознанный гражданский долг диктовал ему необходимость учитывать в критических оценках общественный смысл, политическую актуальность художественных произведений. Это явное противоречие «мысли и чувства» не позволило Чернышевскому в полной мере реализовать свои литературно-критические способности.

Что касается непосредственной оценки пушкинского творчества, то здесь Чернышевский признаёт пусть и ограниченную в смысле глубины содержания, но всё же существенную историческую и общественную его роль, заключающуюся в том, что, «узнав поэзию, как форму, русское общество могло уже идти далее и искать в этой форме содержания». Пушкин актуален как «воспитатель эстетического чувства и любви к благородным эстетическим наслаждениям в русской публике» (1, т. 2, с. 516).

По мнению Г.А. Соловьёва, принципы критики, названной впоследствии реальной, впервые были применены Чернышевским в большой статье о «Губернских очерках» Н. Щедрина в 1857 г. Эти принципы таковы: 1. «правдивость произведения как условие литературно-критического анализа»; 2. правильное истолкование «правдивого произведения, представленных в нём фактов и явлений жизни»; 3. «определение особенности таланта писателя». «Все три принципа обращают произведение к читателю, к его общественному сознанию и соотносятся между собой таким образом, что первый служит основанием второму, а третий необходим для правильного определения той сферы действительности, которая привлекла художника» - резюмирует исследователь (2, с. 312, 313).

Однако ещё в 1855 г. в статьях о Пушкине Чернышевский выдвинул один из основных принципов будущей реальной критики. Он отметил, что «для истинного критика рассматриваемое сочинение очень часто бывает только поводом к развитию собственного взгляда на предмет,



которого оно касается вскользь или односторонне», и при этом опять сослался на опыт Белинского (1, т. 2, с. 501). Теоретическая основа реальной критики, таким образом, была подготовлена Чернышевским, практически же её основал и глубже обосновал несколько позже Добролюбов.

Самая основательная историко-литературная работа Чернышевского – цикл из девяти статей «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855-56 г.г.) – направлена на актуализацию исторического опыта развития русской литературы, прежде всего так называемого гоголевского периода, а не самого творчества Гоголя. В осмыслении роли гоголевского периода в русской литературе (под ним понимается натуральная школа) Чернышевский во многом (но не во всём!) следует за поздним Белинским, по сути дела возрождая и пропагандируя его литературно-критические принципы и оценки, в отдельных моментах даже преувеличивая роль и значение отстаиваемого им направления в русской литературе. «Защищая гоголевское направление, критик в полемическом азарте как бы закрывает глаза на то, что ныне его принципы уже не единственно плодотворны в литературе», – справедливо подчёркивает А.А. Жук (5, с. 24), комментируя заявление Чернышевского о том, что «гоголевское направление до сих пор остаётся в нашей литературе единственным сильным и плодотворным» (1, т. 3, с. 6). Исследовательница заметила, что в отличие от Белинского «значение Пушкина как родоначальника русского классического реализма не принято Чернышевским, и начало реализма связывается только с именем Гоголя» (5, с. 27), в то время как Пушкин у автора «Очерков» полностью ассоциируется с романтизмом.

Творчество Гоголя в осмыслении Чернышевского объективно не во всём совпадает с гоголевским направлением, поскольку он «до конца жизни остался верен себе как художник, несмотря на то, что как мыслитель мог заблуждаться» (1, т. 3, с. 13), а «в некоторых произведениях последующих писателей мы видим залогов более полного и удовлетворительного развития идей, которые Гоголь обнимал только с одной стороны, не сознавая вполне их сцепления, их причин и следствий» (1, т. 3, с. 10).

В рецензии на «Сочинения и письма Н.В. Гоголя» (1857 г.) Чернышевский повторяет мысль о противоречии художника и мыслителя, проявившемся в творчестве писателя. Критик утверждает, что Гоголь называл «высоким лирическим порывом» то, «что казалось... неловкою напыщенностью». По мнению рецензента, «неуместный и неловкий идеализм» погубил Гоголя-писателя (1, т. 4, с. 627). Явно недооценивая художественную мысль писателя, проявляющуюся в его творчестве до «Переписки», Чернышевский утверждает: «Сущность перемены, происшедшей с Гоголем, состояла в том, что прежде у него не было определённых общих убеждений, а были только частные мнения об

отдельных явлениях; теперь он построил себе систему общих убеждений» (1, т. 4, с.641). В то же время, по мнению критика, «впечатление, производимое безобразными явлениями жизни на его высокую и сильную натуру, было так сильно, что произведения его (Гоголя – В. Т.) оживлены были энергиею негодования» (1, т. 4, с. 662). «Энергия негодования» - это скорее из сферы эмоций, а не осознанных идей, следовательно, художественная концепция жизни у Гоголя не признаётся критиком существенной.

Зато исторические заслуги Гоголя перед русской литературой и русским обществом Чернышевский подчёркивает постоянно. В статье о «Губернских очерках» Н. Щедрина (1857 г.) как знаменательный факт критик отмечает, что по поводу обличительных очерков этого писателя уже нет таких резких выступлений «литературных аристархов», какими встречены были в своё время произведения Гоголя, и в этом видит несомненную заслугу последнего. Достоинством Гоголя считает он и то, что человек у него и его последователей, включая Н. Щедрина, при всей своей низости, не лишён «многих хороших чувств», что «в этих порочных людях человеческий образ не совершенно погиб, и, при других обстоятельствах, могли бы эти люди отстать от своих дурных привычек» (1, т. 4, с. 266, 268). Здесь явно проявляется смещение акцентов: Чернышевский утверждает свой антропологический принцип зависимости человеческих характеров от обстоятельств как якобы близкий Гоголю, в то время как у писателя критерий оценки человека имел другой, христианский источник. Критик неустанно подчёркивает масштабность щедринской сатиры именно соотнесённостью литературных героев с окружающей действительностью, много рассуждает – безотносительно к предмету рецензии – о способностях и возможностях человека вообще. Гуманистическая и политическая актуализация «Губернских очерков» демонстрирует приближение этой статьи Чернышевского к будущей реальной критике.

Продолжая осмысливать роль Гоголя в русской литературе по сравнению с Пушкиным, критик находит различия между ними, например, в том, что, хотя уже в «Онегине», по его мнению, Пушкин явился «сатирическим писателем», но Гоголю принадлежит заслуга «прочного введения в русскую изящную литературу сатирического – или, как справедливее будет называть его, критического направления», которое «есть одно из частных видоизменений аналитического направления» (1, т. 3, с. 18). Если у Пушкина сатирический элемент «почти совершенно» пропал в «чистой художественности, чуждой определённого направления», то Гоголь «первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление... критическое» (1, т. 3, с. 19). Налицо явная односторонность и тенденциозность оценок обоих классиков русской литературы, однако важной представляется мысль Чернышевского о социальной роли

литературы, определившейся именно в творчестве названных писателей: «состоянием литературы определяется состояние общества, от которого всегда она зависит» (1, т. 3, с. 20).

Кроме актуализации историко-литературных проблем, «Очерки» Чернышевского представляют собой первый серьёзный опыт истории русской литературной критики, рассматриваемой преимущественно с точки зрения подготовки и формирования критики Белинского – вершины русской критической мысли до середины XIX века. В четвёртой статье цикла автор в очередной раз высказывает свои соображения о сущности и задачах литературной критики. Он считает, что в критике нужен настойчивый, с повторениями «разбор книг и суждений, которые важны только по своему внешнему значению – по влиянию на публику, а не по внутреннему интересу для искусства <...> Критик, который хочет говорить только о том, о чём интересно говорить для него самого, который хочет сохранить в своей деятельности столько же гордого спокойствия и достоинства, сколько сохраняет поэт или учёный, – такой критик пишет для немногих» (1, т. 3, с. 133-134). Социальная функция литературы и, соответственно, критики – историческая необходимость в настоящее время: «Со временем будут и у нас, как у других народов, мыслители и художники, действующие чисто только в интересах науки и искусства» (1, т. 3, с. 138).

Чернышевский проследил, хотя и несколько механистически, эволюцию эстетических и литературно-критических взглядов Белинского. Для него важно, что «с каждым годом в статьях Белинского... всё решительнее... становится преобладание элементов, данных жизнью <...> критика Белинского... всё более... проникалась живыми интересами нашей действительности и... становилась всё более... положительною» (1, т. 3, с. 226). Солидаризируясь с Белинским, Чернышевский настойчиво подчёркивает близость их позитивистских представлений об искусстве и тем самым подтверждает основные положения своей диссертации. Он утверждает, что «действительность» и «положительность» занимают важное место «во всех отраслях и умственной и нравственной деятельности», что человеческая фантазия «ограничена... в сравнении с тем, что представляет действительность» и поэтому «принуждена была сознаться, что мнимые создания её только копии с того, что представляется явлениями действительности» (1, т. 3, с. 227). Так аргументируется сугубо позитивистское представление об искусстве: «... стремление к прекрасному, по натуральному закону человеческого действия, является служителем... других сильных потребностей человеческой природы <...> Таков взгляд положительной науки, почерпающей свои понятия из действительности» (1, т. 3, с. 237, 238).

В «Очерках» полностью поддерживается эстетическая и литературно-критическая программа натуральной школы: «Белинский отвечает на все

упрёки против натуральной школы с полнотою, которая не оставляет места никаким сомнениям; он историю доказывает неизбежность нынешнего направления, эстетику совершенную законность его, нравственными потребностями нашего общества необходимость его» (1, т. 3, с. 292). Критика Белинского остаётся для Чернышевского актуальной, руководящей силой, по его определению, «руководительным примером» (1, т. 3, с. 298), в частности, в противостоянии с теорией чистого искусства. Намекая на эстетическую программу А.В. Дружинина, понятую им упрощённо, автор «Очерков» утверждает: «Ограничивать литературу изящным эпикуреизмом значит до нелепости стеснять её границы» (1, т. 3, с. 300), тем более, что эпикуреизм – тоже жизненная позиция, а настоящее время «решительно неблагоприятно для эпикуреизма, как время разумного движения, а не праздного застоя <...> Литература не может не быть служительницей того или иного направления идей» (1, т. 3, с. 301).

Это утверждение соответствует тезису о том, что искусство призвано объяснять жизнь, а дальнейшие рассуждения критика развивают мысль о необходимости для художественного произведения приговора над действительностью с целью её преобразования: «... только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых... удовлетворяют настоящим потребностям эпохи... Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления... служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни» (1, т. 3, с. 302).

Цикл статей «Очерки гоголевского периода русской литературы» - это синтез историко-литературной, литературно-критической, эстетической мысли, и в этом смысле Чернышевский возрождает универсализм критических статей Белинского. Как и у позднего Белинского, представления автора «Очерков» о русском литературном процессе подчинены актуализации важных для него социальных задач. Отсюда и односторонняя, при всей доброжелательности, оценка творчества Пушкина и Гоголя, и неправомерное противопоставление «пушкинского» и «гоголевского» направлений в русской литературе.

Конкретные оценки Чернышевским новинок русской литературы и критических суждений разных авторов сопровождалось уточнением и развитием эстетической и литературной позиции его самого. Характеризуя критический разбор Н.Ф. Павловым комедии В.А. Соллогуба «Чиновник» («Заметки о журналах. Июнь, июль 1856» // «Современник», 1856, № 7-8), Чернышевский утверждает: «Художественность состоит в соответствии формы с идеею... надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основании произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи, потому что форма будет также фальшива... Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма

совершенно соответствует идее». Этим должен руководствоваться «метод истинной критики» (1, т. 3, с. 663).

Мысль критика звучит убедительно и как будто соответствует известному принципу единства формы и содержания, однако у Чернышевского явственно подчеркнут приоритет идеи, форма же оказывается лишь приложением, она приспособляется к идее, подбирается в соответствии с её потребностью. Кроме того, каков в представлении Чернышевского критерий истинности или фальшивости идеи? Очевидно, это то, что приемлемо для него самого, следовательно, сам критерий оказывается субъективным. Как признаёт Г.А. Соловьёв, когда Чернышевский ищет в художественном произведении соответствия образной формы авторской идее, он мыслит «прямолинейно и... буквально... усматривая за идеей произведения реальное жизненное содержание». Такое «единство идеи и образа», которого требовал критик, в конечном счёте сводило образ к иллюстрации (2, с. 271), а само искусство к дидактике.

Требование сознательной идейной позиции писателя сохранялось в критике Чернышевского всегда, но проявлялось оно по-разному в зависимости от содержания произведения и задачи критического анализа. По его мнению, автор «Обломова» «не понимал смысла картин, которые изображал» (1, т. 13, с. 872), поэтому, в отличие от Добролюбова, Чернышевский невысоко оценивал роман Гончарова, видя в нём «отсутствие... прямого авторского вмешательства в ход событий», «бесстрастность» авторской позиции (4, с. 134). В то же время он принимал как должное, естественно, по разным причинам, объективность творчества таких разных писателей, как Л.Н. Толстой и Н.В. Успенский. По мнению Б.Ф. Егорова, «дело здесь заключается не в игнорировании идей писателя, а в уверенности, что в целом они не противоречат объективному смыслу произведений» (4, с. 138). Более того, в творчестве А.Ф. Писемского критик «в отсутствии лиризма» видит «скорее... достоинство, нежели недостаток» (1, т. 4, с. 570) и «выводит идею из общего смысла целого произведения» (4, с. 138).

История написания Чернышевским статьи о раннем творчестве Л.Н. Толстого и мотивы его оценки хорошо известны (6, с. 135-138). Критик как будто вопреки своим правилам сосредоточился на характеристике художественного мастерства писателя, признавая, что его произведения «художественны, то есть в каждом из них очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении» (1, т. 3, с. 431). В то же время Чернышевский надеется, что Л. Толстой с его «знанием человеческого сердца» со временем напишет что-то более существенное с «глубиной идеи, интересом концепций» (1, т. 3, с. 427). Автор рецензии фактически сближает метод «диалектики души» Л. Толстого с научным исследованием психолога. Он пишет об изучении «сокровеннейших законов психологической жизни», о «самосознании»,

«изучении человека в самом себе», «изучении человеческой жизни вообще», «самонаблюдении», «знании человеческого сердца», «изучении человеческого сердца» - на одной странице статьи Чернышевский до десяти раз употребляет подобные выражения (1, т. 2, с. 426, 427). Следовательно, и в этой статье он верен позитивистскому принципу сближения искусства с наукой, в данном случае с психологией, которая активно развивалась в середине XIX века в Европе и в России как раз под сильным влиянием позитивизма.

Более традиционной, в духе гегелевской эстетики выглядит концепция поэзии в статье Чернышевского «Стихотворения Н. Щербины» (1857 г.), где критик справедливо замечает: «Поэзия требует воплощения идеи в событии, картине, нравственной ситуации, каком бы то ни было факте психической или общественной, материальной или нравственной жизни». Иначе «идея остаётся отвлечённою мыслью... холодною, неопределённою, чуждою поэтического пафоса» (1, т. 4, с. 538). Здесь идея понимается не как голая тенденция, а как порождение художественного изображения действительности, что лишний раз свидетельствует о способности Чернышевского глубоко понимать сущность искусства, которую он в силу разных причин не всегда мог реализовать.

Зависимость критических суждений Чернышевского от потребностей момента и полемической цели проявилась в его очередном выпаде против А.В. Дружинина в рецензии на «Очерки из крестьянского быта» А.Ф. Писемского (1857 г.). Вопреки высказанному ранее в «Очерках гоголевского периода русской литературы» мнению о том, что Белинский сознательно отстаивал принцип гражданского служения искусства, Чернышевский здесь утверждает, что его предшественник был противником дидактической поэзии и защищал принципы чистого искусства, причём некорректно аргументирует свою мысль ссылкой на статью 1841 г. «Стихотворения М. Лермонтова» (1, т. 4, с. 563), написанную задолго до формирования программы натуральной школы и социального искусства. Подобное явно конъюнктурное понимание задач литературной полемики лишний раз свидетельствует о том, что Чернышевский часто превращал литературную критику в публицистику и не всегда стремился к объективной оценке литературных явлений. Интересна в статье о Писемском форма полемики, которую избрал её автор: не называя Дружинина, он полемизирует с его оценкой творчества этого писателя косвенно, постоянно ссылаясь на некую «предполагаемую статью», «касающуюся эстетических и историко-литературных вопросов» (1, т. 4, с. 562).

Творчество А.Ф. Писемского для Чернышевского привлекательно тем, что сохраняет верность гоголевскому направлению, но не традициям самого Гоголя, поскольку в его таланте преобладает «эпический тон», а «отсутствие лиризма составляет самую резкую черту <...>

хладнокровный рассказ его действует на читателя очень живо и сильно <...> Чувство у него выражается не лирическими отступлениями, а смыслом целого произведения» (1, т. 4, с. 570, 571). В то же время достоинство писателя, по мнению критика, в том, что «никто из русских беллетристов не изображал простонародного быта красками более тёмными, нежели г. Писемский» (1, т. 4, с. 569), который, таким образом, в художественном осмыслении народной темы объективно оказался предшественником Н.В. Успенского, как его понимал и объяснял Чернышевский.

Чернышевского как сторонника общественной функции в искусстве не могла не волновать проблема гражданской позиции литературных персонажей. Его взгляд на героев литературных произведений явно эволюционировал. В 1856 г. в рецензии на «Стихотворения Н. Огарёва» он ещё признаёт нравственные и духовные достоинства слабого героя рудинского типа, порождение эпохи сороковых годов, «который оценивается весьма высоко за расчистку и прокладку «дороги» для следующих поколений, но при этом подчёркивается исчерпанность такого героя, хотя пока ему ещё не видно смены» (6, с. 141). Чернышевский пишет: «Мы ждём ещё этого преемника, который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на неё; мы ждём такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может владычествовать над жизнью и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями» (1, т. 3, с. 567-568). Этими словами критик утверждает необходимость активной преобразовательной позиции человека-гражданина в жизни и, соответственно, его художественного воплощения в искусстве.

Более последовательной в смысле реализации принципов реальной критики, если можно так сказать, более «добролюбовской» по принципам литературно-критического анализа можно назвать статью Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (1858 г.). В ней критик, воспользовавшись характеристикой повести И.С. Тургенева «Ася», более откровенно, чем прежде, высказался по отношению к литературному типу – слабому человеку, или, по определению того же Тургенева, «лишнему человеку», и достаточно категорично поставил вопрос о новом, деятельном герое. Автор статьи сумел актуализировать в гражданском духе проблематику повести, о которой он сам написал, что она «имеет направление чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной из так называемых чёрных сторон жизни» (1, т. 5, с. 156). Однако «по прочтении повести остаётся от неё впечатление ещё более безотрадное, нежели от рассказов о гадких взяточниках с их циничским грабежом» (1, т. 5, с. 156). Характер героя этой повести типичен для тургеневского творчества и в то же время «верен нашему обществу», как,

вропрочем, и другие «лучшие люди», герои современной литературы (Агарин, Бельтов), он «действительно один из лучших людей нашего общества... лучше его почти и не бывает людей у нас» (1, т. 5, с. 158, 160). И опять, как это характерно для критического метода Чернышевского, разговор переходит в сферу общественных отношений, поскольку в поведении и в судьбе человека «всё зависит от общественных привычек и обстоятельств <...> Вы вините человека, - всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините... быть может, тут вовсе не вина его, а только беда его» (1, т. 5, с. 165).

Повесть «Ася» дала Чернышевскому хороший повод для постановки столь важной для него проблемы, и не случайно критик дал своей рецензии подзаголовок «Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася»». Это действительно более публицистические размышления «по поводу», чем анализ литературного произведения, Эпизоды повести, поступки и речи персонажей – всё вызывает критический комментарий общественного плана: «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них» (1, т. 5, с. 169). Вот, по мнению Чернышевского, причина и корень всех зол, всей несостоятельности характера современного русского человека. Между тем наше общество, пишет автор статьи, не может отказаться от иллюзий, будто подобный человек – «представитель нашего просвещения, будто он лучший между нами, будто бы без него было бы нам хуже». Но «это мнение о нём – пустая мечта, мы чувствуем, что не долго уже остаётся нам находиться под её влиянием; что есть люди лучше его» (1, т. 5, с. 171, 172). Критик считает, что люди, подобные герою повести «Ася», ещё не совсем потеряны. «Мы всё ещё хотим полагать их способными к пониманию совершающегося вокруг них и над ними, хотим думать, что они способны последовать мудрому увещанию голоса, желавшего спасти их», - замечает автор статьи, признав в то же время, что «ослабевает... с каждым днём надежда на проницательность и энергию людей, которых мы упрашиваем понять важность настоящих обстоятельств и действовать сообразно здравому смыслу» (1, т. 5, с. 172). Далее Чернышевский утверждает, что наступили времена, когда складывается «благоприятное сочетание обстоятельств <...> Поймёте ли вы требование времени, сумеете ли воспользоваться тем положением, в которое вы поставлены теперь, - вот в чём теперь для вас вопрос о счастье или несчастье навеки». Автор статьи в сущности призывает «честных и благоразумных граждан» сознательно ответить на потребности своей эпохи и «не пропустить благоприятную минуту» (1, т. 5, с. 172, 173). Призыв к гражданской активности звучит в словах критика достаточно прозрачно.

К началу 1860-х годов признание возможности и даже необходимости в литературе «правды без всяких прикрас» приводит Чернышевского к утверждению художественной ценности натурализма крестьянских



очерков Н.В. Успенского (как он их понимал и объяснял). Критик по сути дела вернулся к одному из фундаментальных принципов натуральной школы конца 1840-х годов – требованию «голой» правды жизни, без определённой идеи, поскольку интерпретацию представленной в произведении действительной жизни реальная критика брала на себя. Поэтому и в творчестве Н.В. Успенского Чернышевский видит больше, чем там содержится, расширяет смысл его очерков.

Последняя критическая статья Чернышевского «Не начало ли перемены?» (1861 г.) традиционно считается переломной в оценке народной темы в русской литературе. Противопоставив рассказы Н.В. Успенского тому, что писали о крестьянах до него, прежде всего Григорович и Тургенев, критик подчёркивает значимость литературы, изображающей «правду без всяких прикрас», то есть своего рода «литературы факта» (1, т. 7, с. 856). Чернышевский осознаёт художественное несовершенство рассказов Н. Успенского, в которых всё отрывочно, эскизно, нет ни характеров, ни психологического анализа, «никакой тенденции», но всё это, по мнению рецензента, искупается такой верностью описаний, что по этим очеркам возможно «изучение» массы русского «простонародья». «Инициатива народной деятельности не в них (не в героях Н. Успенского – В. Т.), они... только плывут, куда дует ветер, и поплывут во всякую сторону, в какую подует ветер, - объясняет свою мысль автор статьи, - должно знать их свойства, чтобы знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива» (1, т. 7, с. 863).

Вот, оказывается, в каком отношении полезны очерки Н. Успенского: они дают материал для важных социальных обобщений и прогнозов. Особенно чётко проявляются предсказания критика, когда он пишет следующее: «Мы замечали, что резко говорить о недостатках известного человека или класса, находящегося в дурном положении, можно только тогда, когда дурное положение представляется продолжающимся только по его собственной вине и для своего улучшения нуждается только в его собственном желании изменить свою судьбу. В этом смысле надобно назвать очень отрадным явлением рассказы г. Успенского, в содержании которых нет ничего отрадного» (1, т. 7, с. 884).

Таким образом, содержание и смысл статьи Чернышевского о Н. Успенском далеко выходят за рамки рецензии на сборник его рассказов и очерков 1861 года. Эта статья представляет собой один из самых последовательных образцов реальной критики, критики «по поводу» литературного произведения, становящейся публицистическим манифестом. Чернышевский воспользовался выходом в свет произведений Н. Успенского с его своеобразным решением народной темы, чтобы высказать своё отношение к народу в период общественного подъёма в России. Критик надеется, что показ всей противоестественности крестьянского быта подтолкнёт общественное

мнение и настроение в сторону большей социальной активности. Очевидно, такой подход к народной теме в литературе в значительной степени определил не вполне справедливую оценку Чернышевским творчества Григоровича и особенно Тургенева: их произведения о народе, конечно же, не идеализация, но и не та «правда без всяких прикрас», какую критик нашел в творчестве Н. Успенского.

Публицистическая заострённость статьи Чернышевского выглядит ещё выразительнее, если вспомнить первоначальный вариант её заглавия – «Чего ждать?» (1, т. 7, с. 1077). Этот вопрос звучит столь определённо, что явно имеет в виду не только изображение народа в литературе, но и положение народа и его возможные перспективы. Оптимистические выводы, сделанные Чернышевским из правдивого, «без всяких прикрас», описания народной жизни в рассказах Н. Успенского, в сущности базировались на антропологических взглядах критика, его вере в добрую природу человека. «Плох не мужик, а унизительны обстоятельства, в которых проходит его жизнь», – так резюмировал позицию автора статьи «Не начало ли перемены?» А. Лаврецкий (7, с. 304). Другой исследователь – Г.А. Соловьёв – видит в критическом анализе Чернышевского новый характер гуманизма – не сострадательного, а активного, требовательного (2, с. 320). Выводы учёных вытекают не столько из смысла рассказов Н. Успенского, сколько из общественной программы самого критика, который воспользовался новым литературным материалом для её несколько завуалированного выражения. И здесь для Чернышевского на первом плане гносеологический смысл художественного произведения – с явной недооценкой его эстетической составляющей.

По существу Чернышевский противопоставляет творчество Н. Успенского прежде столь важному и актуальному для критика гоголевскому направлению в русской литературе. В творчестве самого Гоголя он констатирует больше симпатии и сочувствия к человеку, чем уважения или требовательного к нему отношения. Критик спрашивает читателей, «в ком заключалась причина бедствий и унижений Акакия Акакиевича?» – и отвечает: «В нём самом, только в нём самом» (1, т. 7, с. 858). «Ведь в самом деле Акакий Акакиевич был смешной идиот». У последователей Гоголя в изображении народа «все недостатки прячутся, затушёвываются, замазываются» (1, т. 7, с. 858-859). И вывод: «Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями – всё это насквозь пропитано запахом «шинели» Акакия Акакиевича» (1, т. 2, с. 859). В отличие от них, герои рассказов Н. Успенского не заслуживают сочувствия, все они «люди дюжинные, люди бесцветные, лишённые инициативы» (1, т. 2, с. 866), живут по привычке, по принципу «так заведено». В изображении Н. Успенского «картина выходит вовсе непривлекательная» (1, т. 2, с. 876). Однако, продолжает Чернышевский, «не может же навек хватить ему (русскому мужику,

дюжинному человеку – В.Т.) силы холодно держаться в неприятном положении». Дальнейшая жизнь подобных людей «зависит от того, даст ли ей направление искусная и сильная рука», - достаточно прозрачно намекает на перспективы общественной жизни в России автор статьи (1, т. 7, с. 881, 882) и, как будто во избежание возможных политических обвинений, напоминает о «народном одушевлении» во время войны 1812 г., хотя явно имеет в виду совсем другое возможное и даже желательное «одушевление».

В статье о творчестве Н. Успенского выстраивается несколько иное по сравнению с прежним представлением её автора о соотношении характера и обстоятельств: здесь упор делается не на принципе детерминированности, а о возможности противостояния сильных характеров дурным обстоятельствам, коль скоро появляется такая потребность. По мнению Чернышевского, среди простолюдинов каждый, кто общался с ними, кроме «дюжинных» людей, «наверное встречал... людей, поражавших его силою ума и характера» (1, т. 7, с. 887). И они проявят себя, потому что «нельзя найти в истории ни одного случая, в котором не явились бы на первый план люди, соответствующие характеру обстоятельств. Если в обстоятельствах происходила быстрая перемена, требовавшая людей иного характера, чем прежние деятели, выступали на первые места люди, о которых до той поры не было ни слуху ни духу» (1, т. 7, с. 888).

Чернышевский как будто невзначай переводит разговор с народной темы на тему общественного деятеля, который, очевидно, должен помочь народу приобрести «силу инициативы» (1, т. 7, с. 887). Проявившаяся в статье «Не начало ли перемены?» оптимистическая нота по отношению к возможности активизировать народные массы перекликается с прозвучавшей несколько ранее подобной же уверенностью Н.А. Добролюбова в статьях «Когда же придёт настоящий день?» и «Луч света в тёмном царстве» (1860 г.). И во всех этих случаях мысли критиков явно выходили за рамки содержания художественных произведений, которым были посвящены названные статьи.

Статья «Не начало ли перемены?» была опубликована в «Современнике» уже после смерти Добролюбова. Возможно, Чернышевский намеревался продолжить традицию развития реальной критики своего безвременно ушедшего коллеги и единомышленника, но последовавшие вскоре арест и затем ссылка в Сибирь не позволили ему это осуществить.

#### Библиографический список

*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939 – 1953.

*Соловьёв Г. А.* Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974.

*Плеханов Г.В.* Литературные взгляды Н.Г. Чернышевского // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. Т. 2. М., 1978.

*Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982.

*Жук А.А.* «Очерки гоголевского периода русской литературы» в общественно-литературном движении середины XIX века // Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1984.

*Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской литературной критики. Л., 1973.

*Лаврежский А.* Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1968.

**Н.П. Лыскова**

## **ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Русский восемнадцатый век представляет особую эпоху в развитии страны, выведенной петровскими реформами из состояния равновесия. Рождается новое общество, рушатся старые привилегии, утверждается иное отношение к человеку: не порода и «титлы», а заслуги перед государством, реальная польза, приносимая отдельной личностью, определяют ее духовно-социальную ценность. С этого времени в отечественной культуре активно закладываются основы русской философии просвещения, ориентированной на систематическое исследование проблемы человека, одновременно повышается спрос на научное знание и образование.

Представляя далеко не однородное явление в социально-духовной жизни Европы и России, просвещение имеет свои особенности в разных культурах, однако, познавательный-нравственный подход к человеку всегда остается неизменным. Идеи русского просветительства были обусловлены общественным развитием России того времени и «укоренены в самом менталитете - типе отношения к жизни, специфике развития отечественной культуры, постоянной ориентированности на совершенное будущее<sup>1</sup>. Научно-философское и художественное творчество русских мыслителей, всегда находившееся в постоянном поиске, открытии и апробировании полученных знаний, благодаря критически-деструктивной направленности просветительских идей стимулирует выработку четких позитивных альтернатив по каждому рассматриваемому вопросу.

Выдающийся основоположник русского просветительства М.В. Ломоносов перебросил мост между идеями немецкого просветителя Г.Э. Лессинга и их реализацией в отечественной философии. История общественной мысли убедительно доказывает, что до М.В. Ломоносова в России не было гармонии между научной и нравственной сферами, лишь

в его трудах выдвигаются проблемы нравственности и нравственной ответственности человека, последовательно утверждается идея о том, что одним из кардинальных путей улучшения жизни общества является просвещение и совершенствование нравов. Превыше всего М.В. Ломоносов ценит красоту просвещенного человеческого разума. Именно в учении, которое, по его мнению, представляет «приятное, беспорочное и полезное упражнение... открывается красота многообразных вещей...»<sup>2</sup>. Лучшим признанием просветительских заслуг философа является реализация его принципа: «сами свой разум употребляйте...», потому что истинная цель просвещения состоит не в том, чтобы дать некоторую сумму знаний по разным наукам, а в том, чтобы пробудить в каждом человеке творца, духовно активную личность.

Другой широко известный русский просветитель А.Н. Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» ссылается на передовые идеи И.В. Гете, В.Л. Векерлина, И.Г. Гердера, особо выделяя у последнего принцип необходимости свободы слова для развития просвещения. Одновременно, он подчеркивает огромное творческое влияние М.В. Ломоносова на современников и потомков. Источник нравственного человека, по его мнению, заключается в том, что он «паче всех существо соучаствующее», «человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится»<sup>3</sup>.

Динамика международных интеграционных процессов, начавшаяся задолго до настоящего времени, уже тогда представляла реальную интенсификацию контактов, взаимовлияний и взаимодействий стран, народов, культур, результаты которых особенно проявляются в политике, философии, языке, культуре, образовании, образе жизни и идейной направленности молодого поколения. Поэтому принципиально важным для нас является тот факт, что на формирование просветительских идей Н.Г. Чернышевского, помимо воззрений французских, немецких и русских предшественников, значительное влияние оказывают непосредственные и опосредованные связи и контакты с различными внешними и внутренними информационными источниками. Хотя в центре научных интересов мыслителя, как и других русских и западных просветителей, остается человек, однако, по нашему мнению, он рассматривается Н.Г. Чернышевским более глобально, а именно в контексте двух важных социальных составляющих - культуры и образования. Отсюда важным для более полного и глубокого осмысления научных позиций по рассматриваемой проблеме является утверждение философа-просветителя о том, что прогрессивное развитие общества невозможно без поступательного развития его культурного достояния, и, наоборот, «народ вносит запустение и одичалость в свою страну, если не вносит в нее культуры»<sup>4</sup>.

Не менее значимым для будущего каждого народа, по мнению Н.Г. Чернышевского, является развитие образования как основополагающую

часть культуры общества. Он активно критикует существующую систему воспитания и обучения, в том числе теорию «свободного воспитания» Л.Н. Толстого, и считает необходимым включение следующих компонентов в образовательную систему: во-первых, введение политического образования для формирования «сильных убеждений», являющихся основой гражданской позиции и политической культуры молодого поколения; во-вторых, изучение естественных наук, влияющих на формирование современного мировоззрения обучающихся; в-третьих, приобретение молодыми людьми поступательных научных знаний, так как «от перемены в знаниях... изменяется... характер людей»<sup>5</sup>.

Н.Г. Чернышевский особо подчеркивает значение уважительных отношений, которые складываются между учителем и обучающимся. Учитель должен знать каждого ученика, уважать его человеческую уникальность, настраивать на позитивное развитие, потому что «молодое поколение имеет величайшее влияние на будущие успехи человечества на пути образования»<sup>6</sup>. Философ-просветитель выступает против применения средств, унижающих человеческое достоинство учеников, полагая, что основным средством поддержания дисциплины должно стать заботливое отношение к ним учителя, который своим личным примером способен разбудить стремление молодых граждан стать лучше, благороднее, добрее, разумнее, потому что «просвещенными и нравственными становятся только те люди, которые сами желают сделаться такими»<sup>7</sup>.

Для мыслителя принципиально важным становится проблема мировоззренческих взглядов учителя, который не только обязан быть сторонником передовых идей своего времени, но и, одновременно, не должен находиться в унижительном материально-правовом положении, зависеть от невежественных, непросвещенных, безнравственных чиновников.

Происходящие в культуре и образовании изменения Н.Г. Чернышевский истолковывает двояко, исходя из сложного соотношения традиционного и инновационного направлений в социокультурной сфере жизнедеятельности общества того времени: с одной стороны, действительно благодаря интеграционным процессам, расширяющим культурно-образовательное пространство и расшатывающим установившиеся нормы, прежде всего, перед молодыми людьми в процессе обучения открываются большие возможности приобретения новых знаний и нового жизненного опыта; с другой стороны, молодое поколение является полным наследником всех тех богатств, которые были накоплены предыдущими поколениями, а «переучиваться, переформировываться гораздо труднее, нежели просто учиться и формироваться...»<sup>8</sup>.

Без научного осмысления происходящих в культуре и образовании восемнадцатого века изменений невозможно, как показывает

исторический опыт, сориентировать человеческое сообщество и отдельного человека в конкретной социокультурной ситуации, направить их последующие действия и поступки в позитивное русло, особенно когда интеграционные последствия порождают неизвестность и как следствие человеку и обществу приходится принимать на себя ответственность за каждое принятое решение.

В философско-педагогическом наследии Н.Г. Чернышевского пунктирно вычленены вопросы, требующие, по его мнению, незамедлительного изучения вследствие их связи с практическими изменениями, имеющими значительные проекции в будущем. Поэтому он предлагает систему мероприятий, содействующую преодолению безграмотности, прежде всего крестьян, составляющих подавляющее большинство жителей России, повышающую общий просветительский уровень населения, и считает необходимым более тщательно: разрабатывать современные образовательные программы, направленные на развитие ума, чувств, приобретение необходимых знаний и способности продуктивно и деятельностно мыслить; формулировать четкие и понятные задачи воспитания молодого поколения, которые сводятся к воспитанию патриота и высокоидейного человека, гражданина со стойкими убеждениями, всесторонне развитой личности; всячески содействовать всемерному укреплению физических сил и здоровья молодого поколения; особо беспокоит его потеря русской культурной самобытности, замена ценностей отечественной культуры псевдоценностями, привнесенными извне, поэтому забота о сохранении и приумножении культуры и языка является обязанностью каждого человека.

Остановимся подробнее на последнем требовании, которое необходимо реализовывать и учителям, и ученикам, и всем носителям отечественной культуры и языка. Действительно, каждая развивающаяся культура, в том числе и российская, имеет обязательную имманентно-поисковую направленность, являющуюся гарантом ее выживания на основе самоорганизации при внешнем воздействии, поддержке или сопротивлении при внутреннем влиянии. История убедительно показывает, что несмотря на хрупкость многих конструкций и артефактов, культура обладает необыкновенной способностью к самосохранению. В самых экстремальных условиях, когда культуру пытаются изменить, заменить, исказить, она продолжает функционировать и развиваться дальше, отчаянно сопротивляясь разрушению традиционных ментальных оснований. В определенной степени данную ситуацию можно объяснить тем обстоятельством, что в феномены культуры нельзя грубо вмешиваться, пытаться резко их «улучшить» потому, что при этом нарушаются тонкие и сложные механизмы культурного мира, который складывается веками и удерживает человеческое сообщество от потери

стабильности и разрушения. В противном случае может наступить хаос, разрушится историческая связь времен и поколений.

Сформировавшаяся культура в своем развитии основывается на принципах моральной рациональности, выработанных не отдельным человеком, а человечеством, которые имеют нормативный характер, поддерживаемый в межличностных массовых взаимоотношениях людей, в функционировании существующих социальных институтов, неслучайно великий просветитель большое внимание уделял народным нравам, образу жизни, привычкам, понятиям. Народ имеет будущее, по его мнению, если сохраняет благородство чувств и три вида гордости: гордость духовную, гордость умственную и гордость внешних успехов и славы.

Н.Г. Чернышевский полагал, что отечественная культура должна заимствовать из иных культур только все самое ценное, передовое, способствующее поступательному развитию и не нарушающее ее самобытность и целостность. Каждому просвещенному человеку, считал он, необходимо знать иностранные языки, потому что «человек, вовсе не знающий иностранных языков, не может хорошенько понимать грамматических правил и своего родного языка и почти никогда не умеет порядочно писать на нем»<sup>9</sup>.

Интеграция культура и образования через свои институты оказывает систематическое и целевое воздействие на человека, характеризующееся, как правило, тремя основными функциями:

- формирование ориентационных механизмов, необходимых для жизнедеятельности молодого человека в данном типе общества;
- создание условий для духовного и физического развития в соответствии с принятой моделью отношений;
- передача социально-культурного и обыденного (житейского) опыта.

Данное положение вполне согласуется с теми реализуемыми целями, которые и современное образование ставит перед своими потребителями, а именно:

- получение знаний, необходимых для выполнения человеком своей жизненной миссии;
- успешная адаптация молодого поколения при соблюдении принятых нравственных законов и культурных норм в данном обществе к существующей культуре, находящейся в состоянии интенсивной трансформации.

Таким образом, хотя многие идеи просветителей были утопичны, однако, они перспективны для настоящего времени и доминируют в мировой философской и культурной мысли. Ярким примером является идея интеграции культуры и образования как основа просветительских воззрений Н.Г. Чернышевского, требующая систематического научного



осмысления представителями различных областей теоретического знания.

#### Примечания

<sup>1</sup> Лыскова Н.П. Просветительские идеи в русской и немецкой культурах // Чернышевский и немецкая культура: сб. науч. тр. Саратов, 2001. С. 9.

<sup>2</sup> Ломоносов М.В. Избр. философ. произв. М., 1950. С. 164.

<sup>3</sup> Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.-Л.; 1941. С. 55.

<sup>4</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 230.

<sup>5</sup> Там же. Т. X. С. 881.

<sup>6</sup> Там же. Т. XVI. С. 383.

<sup>7</sup> Там же. Т. X. С. 911.

<sup>8</sup> Там же. Т. VII. С. 614-615.

<sup>9</sup> Там же. Т. IX. С. 196.

О.И. Алимаева

### СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ: ИДЕИ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Одним из центров образования в России в XIX в. была семья. Домашнее обучение и воспитание давали результаты, позволявшие молодым людям поступать в различные учебные заведения, делать карьеру. Так, известный художник В.Г. Шварц еще до поступления в Лицей блестяще знал три языка. Домашнее воспитание получил замечательный поэт А.А. Дельвиг, у которого репетиторами было несколько русских учителей, в том числе будущий литератор А.Д. Боровков, преподававший Дельвигу российскую словесность и греческую мифологию, и подготовивший его к поступлению в Царскосельский Лицей.

В основу частного образования в России начала XIX в. были положены передовые западные идеи, разработанные, прежде всего, мыслителями эпохи Просвещения. Следует упомянуть Дж. Локка, И.-Г. Песталоцци и Ж.-Ж. Руссо.

Локк писал в основном о факторах формирования личности и о роли воспитания, т.е. о самых сложных проблемах образования, вечно стоявших перед педагогами всего мира. В работе «Мысли о воспитании» Локк, в частности, пишет: «девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть... благодаря своему воспитанию»<sup>1</sup>. Большое место при воспитании полноценного человека Локк уделял физическому воспитанию и закаливанию, возвращаясь, таким образом, к традициям античности. Очень важно, что он, уделяя

внимание светскому воспитанию, настаивал на обязательном обучении современных людей тому, что им необходимо в реальном мире, т.е. практическим навыкам в том или ином деле. Как раз эти идеи Локка будут восприняты передовыми педагогами России.

Ж.-Ж. Руссо, являясь одним из самых значительных педагогов мировой истории, большое значение в своих педагогических воззрениях уделял равенству людей по происхождению. На первое место Руссо ставил нравственное воспитание, много внимания уделял последовательному воздействию на привычки и поступки ребенка: «нет нужды запрещать дурной поступок, достаточно помешать совершению его»<sup>2</sup>.

Руссо, как и Локк, не теоретик, он пишет свою работу на основании реального воспитания пятилетнего Жана-Антуана и шестилетнего Сент-Мари, у которых был домашним учителем. Много внимания педагог уделял целостной системе воспитания, включающей в себя несколько частей: трудовое обучение, умственное и нравственное воспитание, а также физическое закаливание.

Швейцарский педагог И.Г. Песталоцци руководил опытными учебно-воспитательными учреждениями. Так же, как Руссо, Песталоцци высказывал идеи об огромной роли воспитания в развитии ребенка, большое значение в воспитании придавал труду: «верный путь для создания воспитательных учреждений для бедных детей заключается в том, чтобы основываться на действительных способностях подрастающего поколения к производительному труду»<sup>3</sup>. В одной из своих работ Песталоцци пишет: «Ничто не спасет Европу, кроме признания чистых, элементарных начал, из которых должно исходить физическое, умственное и нравственное образование человеческого рода»<sup>4</sup>. А в «Лебединой песне» Песталоцци развивает свою мысль о природосообразности человеческой природы: «идею элементарного образования нужно рассматривать как идею природосообразного развития и формирования сил и задатков человеческого сердца, человеческого ума и человеческих умений»<sup>5</sup>.

Основная новаторская идея выше перечисленных педагогов и мыслителей состоит в том, что воспитание и обучение человека должно строиться на основании нравственного его развития и состоять из трех составляющих: трудового обучения, физического воспитания и умственного развития. Кроме того, ими была высказана мысль о том, что человек является продуктом жизненных обстоятельств, среды. Таким образом теряло свое значение учение о всегда равном себе абстрактном человеке.

Русская философско-общественная мысль всегда была больше всего занята темой человека – его судьбы, смысла существования и нравственных оснований его бытия. По этой причине путь нравственного

совершенства отдельной личности признавался русскими мыслителями одним из способов приближения счастливого будущего<sup>6</sup>.

Прежде всего нужно отметить, что в XIX в. начали «ценить» ребенка, ценить детство. Ю.М. Лотман отмечает: «Постепенно в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек. Появляется детская одежда, детская комната, возникает представление о том, что играть – это хорошо. ...Учение с помощью розги противоречит природе»<sup>7</sup>. Так в домашний быт входит отношение гуманности, уважения к ребенку. Детям не только начали шить одежду и разрешили играть, дети очень рано стали читать. «Чтение вслух, а затем и самостоятельная детская библиотека – таков путь, по которому пройдут будущие литераторы, воины и политики»<sup>8</sup>.

Важен также и интерес государства к проблемам народного просвещения. С 1803 г. Министерство народного просвещения начинает выпускать журнал «Периодические сведения об успехах народного просвещения». Для нас особенно важно то, что в этих изданиях печатались различные работы по усовершенствованию воспитания в России, переводные статьи европейских просветителей.

В начале XIX в. некоторые представители русской знати посетили руководимые Песталоцци учреждения. Правитель дел Главного правления училищ И.И. Мартынов знакомил русскую передовую общественность с трудами Песталоцци на страницах журнала «Северный вестник». В статье Гельман, опубликованной в журнале в 1804-1805 гг. рассматривались все книги для первоначального обучения Песталоцци и делался вывод о том, что «метода Песталоцци имеет в себе все положительные свойства истинного воспитания»<sup>9</sup>.

Воспитание и обучение старались представлять в патриархальном, семейственном духе, на собственном положительном примере. М.Н. Муравьеву, попечителю Московского университета и товарищу министра, принадлежит мысль о том, что законы управляют обществом, а «воспитание готовится души будущих граждан к исполнению законов. Следовательно, оно должно быть одним из главных предметов законодателей и правителей»<sup>10</sup>. На примере биографии его сына, декабриста Н.М. Муравьева, можно проследить, как родители, семья, домашнее воспитание, выбор учебного заведения влияли на его личность, способствовали формированию его жизненного выбора. Михаил Никитич Муравьев, отец двух декабристов (всего род Муравьевых дал 9 декабристов) вошел в историю России как человек эпохи Просвещения, энциклопедически образованный, владевший несколькими языками, знаток литературы, истории, философии, писатель и поэт. С 1785 он являлся воспитателем великих князей Александра и Константина. В 1801 г. он стал статс-секретарем для принятия прошений на имя императора, в 1802 – товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета.

М.Н. Муравьев сам занимался воспитанием и обучением сына Никиты, в 1806 (когда тому было 9 лет) начал преподавать ему древнюю историю. Домашнее воспитание было выбрано в соответствии с увлечением М.Н. Муравьева идеями французских просветителей, идеалом которых было семейное воспитание. Кроме того, образованию детей М.Н. Муравьев придавал исключительное значение: «Полезный человек не имеет причин стыдиться знаний, и просвещение стало союзом между всеми членами государства»<sup>11</sup>.

От отца Никита унаследовал любовь к французскому Просвещению, литературе. Предметом особого увлечения Никиты Муравьева была римская история, он настолько хорошо знал латынь и греческий, что читал в подлиннике Геродота и Диодора, а в 15 лет переводил Тацита. Кроме того, он владел французским, немецким, затем освоил английский, польский и итальянский.

Сохранились упоминания об учителях, обучавших Муравьева: П.И. Соколове, преподававшем русский язык, Лукине и Денисове – математиках<sup>12</sup>. Кроме того, в доме постоянно жили два воспитателя – Майер – из Парижа, и Петра – из Швейцарии. После смерти отца в 1807 г. семья переехала в Москву, где Никита поступил на физико-математическое отделение университета. Таким образом, М.Н. Муравьев реализовал в своей семье принципы воспитания, изложенные в трудах французских просветителей, что позволило, в сочетании с грамотным подбором учителей и воспитателей, значительными финансовыми возможностями семьи, сформировать энциклопедически образованную личность.

В эпоху Александра I в моду вошли «Записки о воспитании», которые составляли отцы для своих сыновей и которые представляли собой программы их воспитания и образования. И.И. Барятинский посвятил старшему сыну Александру «Мысли о воспитании моего сына». Согласно записке, мальчик до 5 лет оставался под присмотром женщин, а потом должен был перейти на попечение гувернеров. Два года отводились на развитие силы, гибкости, ловкости. Это достигалось с помощью различных упражнений: гимнастических занятий, верховой езды, холодных купаний. С семи лет Александр приступал к изучению языков: русского, славянского, латинского и греческого. Основное внимание уделялось родному языку. В то же время начиналось обучение рисованию и арифметике.

С 12-ти лет надлежало обучаться основам механики и прикладной математики. Эти науки должны были подготовить сына к занятию земледелием. Для агрономических опытов князю Александру предполагалось отвести отдельный участок и предоставить земледельческие орудия. Он должен был изучить многопольное хозяйство и устройство машин, освоить искусство межевания. Много внимания уделялось овладению столярными инструментами. Такое

практическое воспитание имело своей целью выработать в князе самостоятельность, деловитость, сознательное отношение к окружающей жизни.

Кроме того, в программу входило заучивание наизусть поэтических произведений с целью развития памяти. Красноречие вырабатывалось путем произнесения вслух речей, написанных самим учеником.

Шесть лет отводилось на путешествия: 4 года на Европейскую часть России и 2 года на Азиатскую. Во время странствий молодого князя должны были сопровождать врач, химик, ботаник, немец, знакомы с латинским и греческим языками, механик, русский наставник, знающий российскую историю и законы, главный педагог, определявший направления обучения и воспитания.

По окончании путешествия князь должен был поступить на службу в министерство внутренних дел или финансов. После выхода в отставку он должен был поселиться в усадьбе, чтобы позаботиться о просвещении и благополучии своих крестьян и приучить их к занятиям ремеслами, которые увеличат его доходы и дадут вместе с тем занятие толпе праздной челяди<sup>13</sup>.

В этих наставлениях явно ощущается влияние педагогических идей Руссо, а, кроме того, английский идеал богатого, образованного землевладельца, который занимается окультуриванием хозяйства и просвещением народа. Однако после смерти отца А.И. Барятинский отказался учиться в Московском университете. Он сделал блестящую военную карьеру, стал генерал-фельдмаршалом, наместником Кавказа. Пленного имама Шамиля именно он привез в Марьино.

От содержания отношений между детьми и взрослыми в каждой конкретной семье зависел ее уклад. В исследовании Е. Ковалевского «Граф Блудов и его время» мы находим упоминание о том, что «Дмитрий Николаевич рос и развивался под неусыпным надзором матери»<sup>14</sup>. В то же время граф В.А. Соллогуб вспоминал: «Жизнь наша шла отдельно от жизни родителей. Нас водили здороваться и прощаться, благодарить за обед, причем мы целовали руки родителей, держались почтительно и никогда не смели говорить «ты» ни отцу, ни матери. В то время любви к детям не пересаливали. Они держались в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для них»<sup>15</sup>. Тем не менее, В.А. Соллогуб получил блестящее домашнее образование.

Несомненно, что основными носителями передовых педагогических идей в первой четверти XIX в. были представители дворянской знати, составлявшие духовную, интеллектуальную элиту своего времени.

Вообще цели и качество образования зависели не только от учителей и способностей учеников, но и от состоятельности семьи, ее духовной направленности. Следует обратить внимание на точку зрения Н.И. Яковкиной, которая указывает, что домашнее обучение в доме

малообразованных родителей, к тому же не уделявших детям заботы и внимания, консервировало невежественность, присущую значительным слоям российского общества. Случаи действительно прекрасного домашнего обучения, которые имели место в просвещенных и состоятельных семьях, были сравнительно редким явлением<sup>16</sup>.

Со второй четверти столетия идеи о преимущества домашнего воспитания детей все более проникают в непривилегированные сословия, при этом основными создателями и реализаторами передовой педагогической мысли, в том числе и в сфере домашнего образования, становятся выходцы из разночинской среды.

Весомый вклад в изучение роли и значения домашнего обучения и воспитания в середине – третьей четверти XIX в. внесли Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский. Известно, что безграничную привязанность Николай Добролюбов питал к матери – доброй, приветливой, умной и благородной. К отцу, состоятельному священнику, относился отчужденно, но с уважением и почтительностью. Первоначально Добролюбов обучался дома. Уже в три года он прекрасно декламировал многие басни И.А. Крылова. Когда Николаю исполнилось 8 лет, его образованием занялся семинарист философского класса М.А. Костров. Костров отказался от стандартного зазубривания и старался развивать мыслительные способности ученика. Когда 11-летнего Николая Добролюбова отдали в старший класс духовного училища, он всех поразил осмысленностью ответов и начитанностью.

Первоочередное значение семьи Добролюбов видел в нравственном воспитании ребенка как самостоятельно мыслящей и поступающей личности: «...отсутствие самостоятельности в суждениях и взглядах, ...вялость и нерешительность в действиях, недостаток силы воли, чтобы противиться посторонним влияниям, ...а вследствие этого легкомыслие и подлость, недостаток твердого и ясного сознания своего долга и невозможность внести в жизнь что-либо... более совершенное...»<sup>17</sup>.

Николай Гаврилович Чернышевский первоначальное образование также получил дома под руководством отца. Благодаря ему, ко времени поступления в семинарию в 1842 году юноша имел серьезные познания в латыни, греческом языке, математике, истории, географии и других предметах по курсу духовного училища. В частном пансионе Чернышевский обучался французскому языку. Наряду с общим образованием, отец закладывал в сыне и основы нравственности. Кроме книг, в семье Чернышевских постоянно бытовали новые журналы. Отец выписывал популярные тогда «Отечественные записки», «Современник» и «Живописное обозрение». Большое общеобразовательное значение в семье Чернышевских имело «Живописное обозрение», издававшееся в 30-40 годах в Москве. Журнал давал представление о последних достижениях науки, знакомил с великими созданиями русского искусства, архитектурой и живописью разных эпох и народов.

Выписывались в семье и газеты. Четырнадцатилетний Чернышевский делал многочисленные выписки из «Саратовских губернских ведомостей».

Не случайно, в своем педагогическом творчестве Чернышевский первоочередное значение отводил домашнему воспитанию. Он считал, что первой воспитательницей детей должна быть мать. Кроме материнского чувства к детям, женщине необходимо правильно понимать задачи воспитания, уметь видеть запросы и интересы ребенка, помогать ему самостоятельно развиваться.

Н.Г. Чернышевский полагал, что ребенок получает много знаний, навыков и умений в процессе повседневной жизни, в общении с родителями и членами семьи. Поскольку в силу своей любознательности он любит принимать участие в разговоре, в труде взрослых, то при этом незаметно развивает свои силы; у него все больше пробуждается стремление к учению. Семья должна разумно направлять развитие ребенка. «Кто учится дома, - писал Н.Г. Чернышевский, - в высокой степени счастливы, по сравнению с теми, кто может учиться только в школе; но эти последние - счастливее тех, кто вовсе не получил образования»<sup>18</sup>.

Таким образом, в течение XIX в. в России в развитии идей о домашнем воспитании можно выделить две стадии: первая четверть столетия — дворянская, что было связано с тем, что образование считалось преимуществом элиты общества. Начиная со второй четверти XIX в. — расширение образовательных возможностей для других сословий российского общества и связанное с этим развитие педагогической теории представителями разночинских слоев. В итоге были сформулированы идеи о ребенке как о самостоятельной значимой личности, нуждающейся во внимательном, продуманном воспитании и обучении. Первоочередная роль при этом отводилась семье, поскольку домашнее воспитание рассматривалось как главный источник нравственных устоев подрастающего поколения.

#### Примечания

<sup>1</sup> Локк Д. Мысли о воспитании // Педагогическое наследие. Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. М., 1989. С. 145.

<sup>2</sup> Руссо Ж.-Ж. Эмиль или О воспитании // Педагогическое наследие. С. 209.

<sup>3</sup> Песталоцци И.Г. Письма к господину Н.Э.Ч. о воспитании бедной сельской молодежи // Педагогическое наследие. С. 307.

<sup>4</sup> Песталоцци И.Г. Памятная записка парижским друзьям о сущности и цели метода // Там же. С. 339.

<sup>5</sup> Песталоцци И.Г. Лебединая песня // Там же. С. 357.

<sup>6</sup> Сиземская И.Н., Новикова Л.И. Идеи воспитания в русской философии. М., 2004. С. 114.

<sup>7</sup> Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - нач. XIX в.). СПб., 1994. С.55.

<sup>8</sup> Там же. С.60.

<sup>9</sup> Цит. по: Ротенберг В.А., Шабалева М.Ф. Связи И.-Г. Песталюцци с Россией в первой четверти XIXв. // Советская педагогика. 1960. №8. С.119.

<sup>10</sup> Цит. по: Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 13.

<sup>11</sup> Муравьев М.Н. Опыты истории, словесности и нравоучения. М., 1810. С. 205.

<sup>12</sup> Муравьев Н. Письма декабриста 1813-1826 гг. М., 2000. С. 224.

<sup>13</sup> Мир русской усадьбы СПб., 1998. С. 160-164.

<sup>14</sup> Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С.9.

<sup>15</sup> Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба СПб., 1993. С.31.

<sup>16</sup> Яковкина Н.И. Русское дворянство в первой половине XIXв. СПб., 2002. С. 126-127.

<sup>17</sup> Добролюбов Н. А. О значении авторитета в воспитании, мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова // Добролюбов Н.А. Собр. Соч.: в 3 т. Т.1. М., 1986.

<sup>18</sup> Чернышевский Н.Г. Рассуждение, следует ли отдавать предпочтение школьному воспитанию перед домашним // Разумовский Н.Н. Педагогические идеи Чернышевского. М. 1948. С.108.

**О.В. Тимашова**

### **Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И А.Ф. ПИСЕМСКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И В.П. БОТКИНА**

«К сер. 1850-х годов... Некрасов... прошел труднейший этап становления обновленного «Современника»». Исследователи отмечают в нем «подвижничество, самопожертвование человека, связавшего себя обязательствами перед друзьями, соратниками, общественным мнением»<sup>1</sup>. Тем трагичнее редактор переживал кризис журнала предреформенной поры, о котором писал И.С. Тургеневу 20 января 1853 г.: «Получил ты 1 № «Современника» и верно им недоволен, а я так и очень <...> Что ты думаешь о комедии Писемского («Раздел» - О.Т.)? Об остальном не стоит ни спрашивать, ни говорить»<sup>2</sup>. «...В 1853-54 гг. многое в жизни и литературе изменилось. Произошли изменения и в критике, и в смысле расстановки сил и эволюции методов», - отмечает Б.Ф. Егоров<sup>3</sup>. Острее всего требования времени ощущались главным редактором ведущего журнала. «Насытить демократическими тенденциями основные отделы журнала - беллетристический, критико-библиографический, научный - ему (Некрасову - О.Т.) было не по силам... Лыстать себя надеждой повлиять на... ядро сотрудников «Современника»... он тем паче не мог..., - полагал В.Е. Евгеньев-Максимов. - Единственное, что ему оставалось, ... привлечь в журнал новых сотрудников...»<sup>4</sup>.

Редактор «в исходе 1853 года»<sup>5</sup> решается на приглашение в журнал Н.Г. Чернышевского, а также сотрудников конкурировавшего



«Москвитянина»: А.Н. Островского и упомянутого выше А.Ф. Писемского. Писемский впервые выступил в «Современнике» в 1851 г., и в течение 1853-54 гг. опубликовал на его страницах 5 своих вещей. Как свидетельствовал писатель, «по литературным делам... сходил... с «Современником», который сам сначала предложил мне...»<sup>6</sup> (курсив мой - О.Т.).

Дебютировав в «Москвитяине» повестью «Тюфяк» (1850) Писемский становится известным и популярным у публики литератором. «Современник» в лице Нового Поэта выступил с восторженными отзывами, которые не обошли враждебный «Москвитяин». «Более всех журналов в последние месяцы доставил мне удовольствия «Москвитяин»», - делится рецензент в связи с «замечательной повестью» «Комик». Повесть объявляется «если не с лучшим произведением автора, по богатству содержания и разнообразию характеров, то, конечно, самым оконченным...». «Современник» высоко оценивает сатирический талант Писемского: «Все это очень оригинально, живо и исполнено того простого комизма, который не сочиняется, а существует в... действительности»<sup>7</sup>. ««Комик» мой произвел в Петербурге фурор, по крайней мере так пишет мне Некрасов»<sup>8</sup>, - сообщает Писемский 21 дек. 1851 г. М.П. Погодину об этом лестном для него отзыве.

Но в первую очередь радикальный журнал заинтересовался «превосходным рассказом» «Питерщик» - первым «Очерком из крестьянского быта». Рецензент «Современника» потрясен синтезом высоких художественных достоинств - «мастерское, художественное (курсив автора - О.Т.) (нас нельзя упрекнуть в частом употреблении этого слова) произведение» - с абсолютной естественностью и правдивостью изложения: «...Рассказ... полон простоты, истины и высокого драматизма. Он принадлежит... к лучшим произведениям литературы последнего времени». Панаев, желая передать оригинальный стиль писателя, приводит обширные выписки, которые сокращает единственно нежелание «лишить читателей художественного наслаждения, которое должно доставить... чтение рассказа г. Писемского»<sup>9</sup>. Следующий рассказ цикла, «Плотничья артель», был обещан уже «Современнику». Не случайно и то, что активно рекомендовал нового сотрудника Тургенев, автор «Записок охотника». «Они (произведения о народе - О.Т.) симптоматичны для переломной поры 1853 года, свидетельствуя о возрождении темы, пришедшей в упадок со смерти Белинского и начала цензурного гнета»<sup>10</sup>.

По-видимому, один из новых авторов занял в «Современнике» достойное место. Так, повесть Писемского «Винувата ли она?» появилась в № 1-2 за 1855 г., в контексте новых стихов А.А. Фета, «Застенчивости» и «Несжатой полосы» Некрасова, «Записок маркера» Л.Н.Т. (Толстого), «Месяца в деревне» И.С. Тургенева.

Анализ частной переписки редакторов журнала существенно корректирует картину идейной близости и человеческой симпатии. Известно, что в частных письмах Некрасов скептически оценивал творческие и личные достоинства нового сотрудника: «...Он (Писемский - О.Т.) наворотил исполинский роман, который на авось ...печатать страшно... Это неряха, на котором не худо оглядывать каждую пуговку, а то под... сюртуком... окажутся штаны с дыркой или комок грязи». Речь идет именно о повести «Виновата ли она?», литературный контекст которой свидетельствует о последующей корректировке изначально предвзятого мнения. Спокойным и объективным отношением к провинциальной «диловинке посреди Петербурга» (П.В. Анненков) не было ни у кого из «старой» редакции. Узнав, что Писемского собираются пригласить в «Современник», насторожился Д.В. Григорович. В письме «второй спице в журнальной колеснице» (Евгеньев-Максимов) он, по его собственным словам, «предупреждал И.И. Панаева..., советовал быть осторожнее...». Впоследствии Дмитрий Васильевич повторит свои обвинения старшему редактору: «Это (т.е. Писемский - О.Т.)... грязь и сало...»<sup>11</sup>. Таким образом, резкая оценка Некрасовым «неряшливости» Писемского, цитируемая всеми исследователями, представляет переиначенный отзыв именно Григоровича.

В контексте враждебных (Д.В. Григорович) и «за Писемского» (А.В. Дружинин, П.В. Анненков и особенно - И.С. Тургенев) отзывов выделяется эпистолярный цикл Некрасова и В.П.Боткина. Он не имеет себе равных не только по интенсивности - с 4 по 24 сентября 1855 г. ими было послано из Москвы (Боткин) в Петербург и обратно 7 писем<sup>12</sup>. В этой двадцатидневной переписке отразились, как в капле воды, теоретико-литературные и литературно-журнальные проблемы, связанные с эволюцией «Современника». Не случайно в тех же посланиях дискутируется имя Чернышевского: он тоже недавно дебютировал и также скандализует «старых» сотрудников своими мнениями и манерой поведения.

Поводом послужил разбор творчества новых сотрудников. «С нетерпением жду прочесть его (Писемского - О.Т.) «Плотничью артель», о которой столько кричали, и напишу тебе»<sup>13</sup> - так завязывается эпистолярная эпопея в боткинском письме от 4 сентября.

На первый взгляд, корреспонденты полностью совпадают во мнениях - даже раньше, нежели получен ответ. Боткин не в силах сдержать изумления: «Вчера получаю твое письмо... - и ты не можешь себе представить моей радости, когда я увидел, что твое мнение... нисколько не разнится с моим. <...> Ну, словно мы сговорились (Переписка. С. 197); «Письмо твое... прочел с наслаждением - я рад и

сам, что мы, не сговариваясь, сошлись в впечатлении» (Переписка. С. 197-198), - пишет в ответ Некрасов.

Рефрен писем - разочарование в произведении, высоко оцененном Тургеневым: «Прочел я «Плотничью артель» и... не могу разделить того восхищения, с каким отзывался о ней Тургенев» (Боткин. Переписка. С. 191); «Вообще друг наш Иван Сергеевич оказал плохую услугу Писемскому: он так хвалил «Артель», что заставил ждать... необыкновенного, а вещь так себе: любой рассказ «Записок охотника» поспорит с нею» (С. 193). «А Тургенева он (Писемский - О.Т.) просто надул мастерским чтением», - подытоживает в скобках Николай Алексеевич.

Однако внимательный анализ писем показывает, что это не совсем так. Озадаченный Некрасов ищет поддержки у друга в условиях, когда «таланту много», произведение «имеет некоторые достоинства» (С. 195-196), но чуждо и непонятно в сравнении с тургеневскими рассказами.

Рассказ Писемского глубоко оригинален даже в сравнении с непревзойденными «Записками охотника». Устами героев-крестьян психологически скупое и внешне объективно поведана трагическая история любви. Преступной любви «колдовки» Федоски к своему пасынку Петру. Любовь лишила последнего всех материальных и нравственных сдержек и довела до крайности - убийства жестокого главы «плотничьей артели» Пузича. Разворачивается рассказ на фоне сложного, противоречивого крестьянско-мелкопоместного мира. Но не растворяется в нем, несмотря на тщательно прописанные «этнографические» детали - картину крестьянской свадьбы и фантастических обрядов приворота.

Боткин с готовностью формулирует для редактора длинный ряд замечаний - в каждом письме суровее. Характеры мужиков неправдоподобны, особенно деревенского богатея Пузича, - полагает горожанин Боткин, - «колорит повести сух... <...> Сюжет был славный, но Писемский не умел сладить с ним...» (С. 191). Боткина настораживает, что сюжет, который «скорее входит в сферу этнографии», Писемский стремится развернуть как общечеловеческую историю любви и несправедного людского суда. Критики отказываются видеть в «местных», по их мнению, типах, воплощение общерусских черт и проблем. А потому Писемскому следовало «посмотреть на повесть прямо и просто: ...представить любовь молодой мачехи к... пасынку и ряд горьких положений, в какие его поставила неразделенная любовь. Так как действие происходит в народной сфере, то... значит цель его достигнута...». Для «вечного» сюжета, по мнению эстета Боткина, «в авторе не видать ни художника, ни человека с поэтическим чувством». Для описания поэзии любви и обрядов Писемский «вовсе не романтик». Для широты духовного обобщения автору недостает высшего «нравственного смысла».

Некрасов подводит под суждения о творческой «ограниченности» Писемского теоретико-эстетическую базу, опираясь на концепцию Белинского, сформулированную последним в цикле статей о «натуральной школе». Вслед за Белинским Некрасов делит дарования по их силе на гениев - «колоссов, рисующих человека так, что рисунок становится понятен... каждому без отношения к месту и времени (таковы Шекспир и... наш Пушкин...)». «Где у нас... такие таланты?» - вопрошает он. - Писемский, как и большинство, принадлежит к числу талантов обыкновенных, «которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке... таланты могут проявлять жизнь, давать плод только под условиями известных качеств воздуха, которым дышат они...». Подобные дарования должны следовать простой «теории»: «Станешь ли служить искусству - послужишь обществу..., станешь служить обществу - послужишь и искусству» (Переписка. С. 193-194). Боткин понимает, чье имя незримо стоит во главе этих эстетических рассуждений: «...У меня эта одинаковость впечатлений была только с одним Б<елинским> и после я ни с кем не находил ее» (С. 197-198). Понятно и то, что речь идет о раннем Белинском, до перехода его к знаменитой формуле «социальность, социальность или смерть».

Под влиянием Боткина Некрасов склоняется к мысли о неправдоподобии крестьянских персонажей Писемского: «...Характеры мужиков меня, признаюсь, подкупили своей внешней верностью... Да, Петр неверен или не дорисован..., Сергей - скучнейшая мертвечина, да и о Пузиче, кажется, ты прав...» (Переписка. С. 195-196). Хотя изначально именно портреты крестьянских персонажей привлекли редактора более всего - «несколько физиономий русских мужиков, очень верно схваченных» (Переписка. С. 193).

Впечатление, что мягкий и деликатный Некрасов находится под влиянием своих категоричных друзей из «старой редакции» (как полагал В.Е. Евгеньев-Максимов), обманчиво. Переписка представляет сложный процесс внутрижурнальной борьбы, в котором Некрасов, как опытный шахматист, жертвуя одной фигурой (Писемским) за счет этого настойчиво внушает корреспонденту высокое мнение о другом дебютанте - Чернышевском. «...Я в сию минуту... убежден в этом - Чернышевский честный и хороший человек (курсив автора - О.Т.)», - словно бы немотивированно всплывает подобная антитеза после каждой эстетической уступки. А Боткин, в свою очередь, пытается настойчиво обратить внимание редактора на высокие, не до конца реализованные творческие возможности «старого» сотрудника, Тургенева. Не стоит даже в условиях журнального кризиса менять его на неизвестных авторов с сомнительным дарованием, - читаем мы между строк Боткина. Нужно подождать; и Тургенев, хотя сейчас и ниже Писемского по таланту, но ближе духу «Современника» по эстетической программе - и наверняка затмит последнего: «Тургенев до сих пор не сладил вполне ни с одним из

своих лиц, но... во всяком из них есть воздушная перспектива и... высшее созерцание явлений мира сего» (С. 198).

\*\*\*

Жертва Писемским оказывалась тем легче, что внутренне Некрасов в нем уже разочаровался. Поводом стали денежные вопросы. Начало сотрудничества Алексея Феофилактовича в «Современнике» совпало со служебными неприятностями, когда он пострадал вслед передовому губернатору и в качестве урока был переведен «шуточка сказать, в Херсон». Вынужденный подать в отставку, писатель отныне рассчитывает лишь на литературные заработки; просит об авансах и т.п.: «Я думаю, я наскучил Вам, писавши третье письмо, но что делать: обстоятельства!»<sup>14</sup>. «...Писемский для «Современника» уже не существует: он ломит по 120 р <рублей> с <серебром> за лист, когда бьешься как об лед, чтобы кое-как поддержать журнал...»<sup>15</sup> (курсив автора - О.Т.) - с обидой пишет Панаев Тургеневу. Последний вынужден признать: «Писемский берет уж чересчур сильные цены – это факт»<sup>16</sup>.

Некрасов, в свою очередь, не мог понять, как «этот господин (Писемский - О.Т.), подрядившись с нами за 2000 (рублей - О.Т.), счел себя вправе даже не предупредить нас... и продал роман Краевскому за три»<sup>17</sup>. Некрасов противопоставляет корысти Писемского интеллигентность Григоровича, которому никто «и предложения подобного... не решился бы сделать» - словно забыв, что ровно за 10 лет до Писемского в аналогичной не слишком красивой ситуации оказался сам Григорович. И тут же «проговаривается»: «Любезный друг, как литератор вы находитесь в положении независимом...» - в отличие от того же Писемского, Григоровича не преследовали материальные проблемы. В ответном письме Дмитрий Васильевич откровенно говорит о причинах, по которым несимпатичный им Писемский остается активным сотрудником журнала: «Мы судим так - публика иначе»<sup>18</sup>.

Писемский, хотя, несомненно, ощущал негативное отношение к нему со стороны «старой редакции» «Современника», но это не мешало ему отдавать должное сильным сторонам дарования того же Боткина. Как о том свидетельствует послание от 24 ноября 1855 г.: «...Привел он (Тургенев - О.Т.) раз ко мне Писемского...», - сообщает корреспонденту Некрасов. - «Уж говорил, говорил (Писемский – О.Т.)! Признался, что тебя не любит, но... читал твою статью... с наслаждением, ибо чувствовал-де, что человек пишет с любовью и кладет в работу часть своего сердца. Это его слова» (Переписка. С. 208).

\*\*\*

Закономерным итогом переписки Некрасова и Боткина должен был стать публичный критический отзыв. Некрасов, стимулируя друга высказаться, уже втайне задумывал его, о чем, однако, предупредил

только в финале переписки: «...Суждение твое... так дельно и тонко, что все это я намерен поместить в отзыв об «Артели» (ибо взялся писать фельетон на X №)» (С. 195). В дальнейшем Некрасов предлагает корреспонденту совместно выступить: «...О Писемском ни слова: отложил до тебя (т.е. до приезда последнего в Петербург - О.Т.) - вместе напишем дельный отзыв» (С. 199). Однако, как отмечают комментаторы, «такой отзыв в журнале не появился»<sup>19</sup>.

Писемский сумел поколебать мнение о себе только как о себялюбивом невежественном дельце от литературы. Еще не просохли чернила в боткинско-некрасовской переписке, а уже первый 11 октября того же 1855 г. набрасывает краткий, но крайне неожиданный для враждебно настроенного Боткина отзыв: «Статья Писемского о Гоголе очень хороша и дельна» (С.204). Речь шла о статье «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая» (1855), явившейся первым критическим откликом на публикацию второго тома «Мертвых душ».

И Некрасов, и Боткин вынуждены были оценить гражданскую смелость Писемского, начавшего с воспоминания о Белинском - опальном критике, хоть обиняками, но понятными всем: «...Горячий, с тонким умом критик, проходя слово за словом его (Гоголя - О.Т.) произведения, растолковывал их художественный смысл и ради раскрытия... смысла колебал... устоявшиеся авторитеты»<sup>20</sup>. Некрасов вместо отрицательного отзыва на «Плотничью артель» напишет статью-рецензию, в которой вынужден высоко оценить писателя, имевшего смелость начать злободневную дискуссию о творческом наследии Гоголя, и представлявшем «приятное явление среди фельетонной мелкоты, на степень которой низошла современная критика»<sup>21</sup>.

\*\*\*

Эпистолярный 1855 г. безусловно свидетельствует: члены кружка «Современника» близки друг другу при всех расхождениях между «либералами» и «демократами». Некрасов обмолвился знаменательной фразой: «Об остальном скажу, что мы с тобой - несмотря, что давно знакомы - только нынешний год узнали друг друга» (Переписка. С. 200). Эту близость формировала убежденность во вневременной ценности искусства - краеугольный камень эстетической позиции людей сороковых годов. Некрасов, Боткин, Дружинин, Анненков, Тургенев, Колбасин - без лишних слов понимают друг друга как воспитанники Белинского, университетские питомцы 40-х годов. «...В наших душах лежит одинаковое чувство искусства помимо дружеских отношений...» (С. 197-198), - отмечал Боткин.

В неприятии Писемского и Чернышевского весьма важен чуждый поведенческий код поколения, о важности которого писал Ю.М. Лотман. И различия в оценках Писемского и Чернышевского оказываются гораздо

глубже только идейных, и потому необходимо сказать об их человеческом облике. Мемуары единогласно свидетельствуют о близорукой рассеянности отрешенного критика. Многочисленные примеры этой трагикомической рассеянности приводит в своих мемуарах А.Я. Панаева: принял шубу за даму, а муфту за кошку и т.п. Исследовательнице семиотического кода «шестидесятников» Т.И. Печерской удается доказать сознательность и утрированность этой поведенческой стратегии: «Стремление скрыть от окружающих... черты своей натуры... определяло общий абрис облика, который Чернышевский... сознательно поддерживал в глазах окружающих»<sup>22</sup>.

Напротив, Писемский у современников оставил впечатление деловой приземленности и провинциальности. Близкий друг Анненков свидетельствует: «С первого взгляда на него (Писемского - О.Т.) рождалось убеждение, что он ни на волос не изменил обычной своей физиономии... <...> Он сохранил всего себя, начиная со своего костромского акцента и... кончая насмешливыми выходками по поводу столичной утонченности жизни, языка и обращения»<sup>23</sup>. Опять-таки только в ХХ в. А.П. Могиланский предположил в подобном поведении игру<sup>24</sup>. Грубость в манерах и костюме, костромской говорок, меткие народные словечки Писемского (которые слышавшее его продолжали повторять и после смерти писателя) символизировали скепсис в отношении «книжной» науки, живой наблюдательный ум, который и в хитросплетениях жизни увидит простую их подоснову, и о своей выгоде не позабудет. Этакой кулак. Но кулак, каким он выведен у того же Писемского в «Питерщике», в образе Клементия, «душе» которого «были доступны нежные и тонкие ощущения»<sup>25</sup>. Близорукость и рассеянность Чернышевского манифестировали прямо противоположное: погруженность в высшие сферы, благородную беспомощность в «низкой» действительности.

Нет сомнения, что в основе поведения того и другого лежали глубинные душевные качества. Нет также сомнений, что в обоих случаях они были утрированы носителями по причинам изначально психологическим: оба примерно в одно время вошли в коллектив единомышленников, скрепленный долговременным сотрудничеством, общими идеями и идеалами. Оба оказались «чужаками». Оба мечтали многое изменить в этом сложившемся кружке. Однако восходящее к крестьянскому поведению Писемского вызвало мгновенное отторжение - причем как раз тех, кто русское крестьянство знал весьма приблизительно, хотя и посвятил себя его защите. «...И во всем его (Писемского - О.Т.) существе нет грани, которая отвечала бы нашим понятиям; словом, это чужой; - сейчас чувствуешь, как только видишь», - формулирует Григорович в уже цитированном письме<sup>26</sup> Панаеву (курсив мой - О.Т.). Тип поведения Чернышевского более импонировал, ибо он поведенчески «свой», интеллигент, и за это ему многое можно простить,

в первую очередь досадные эстетические ошибки: «А что он пишет иногда глупости - кто же этого иногда не делает?» (Переписка. С. 195-196).

Однако за эпатажным поведением должно увидеть созвучие грядущим в середине 1850-х историческим сдвигам, П.Н. Полевой в почти забытой работе «А.Ф. Писемский по его собственным автобиографическим заметкам» (1889) попытался представить мироощущение писателя как «свежего... русского человека... когда он очутился в заколдованном царстве... русской интеллигенции 50-х годов». - «Впечатление, которое здравый и умный русак вынес из своего знакомства с петербургским обществом, было... разочарование горькое!!». Ученый указывает причины, по которым писатель, «привыкший жить умом массы и... никогда не становившийся под чужое знамя», был «по-своему прав» - как по-своему правы были его оппоненты: «Все, что Писемский видел,... поражало... разобщенностью с тою русскою жизнью, которую он... так тщательно... изучал. <...> Прогресс, цивилизация, гласность, свобода печати, освобождение крестьян, женский вопрос... - ряд громадных вопросов, требовавших для своего разрешения времени..., и страшного напряжения всех сил государственного организма... - разрешались сплеча, на основании... западной теории... Рядом с этим... шла другая струя: ... отрицание основ, на которых зиждется религиозный, нравственный и гражданский элемент нашей общественности»<sup>27</sup>. Поведение Писемского, само его появление в кругах «Современника», (затребованное «судившей иначе» публикой), служило необходимым противовесом в картине умственной жизни России середины века. О Писемском как хранителе противоположного типа культуры свидетельствовал Анненков: «...В наиболее резких мнениях и идеях... отыскивались зерна... какой-то давней, полуисчезнувшей культуры, сбереженной... простым нашим народом»<sup>28</sup>.

Поэтому не случайно Писемский оказался на острие литературных и житейских столкновений внутри редакции, предвещавших те глубинные литературные и общественные противоречия, которые затем раскололи ведущий журнал эпохи. А его провинциальная прямота и нежелание деликатно смягчить обстановку делали эти противоречия резкими и в конечном итоге привели к изгнанию писателя из литературы в 1863 году. («...Недолго жить ему в литературе и между литераторами»<sup>29</sup>, - зловеще пророчествовал Григорович). Но начались они с приходом в «Современник».

#### Примечания

<sup>1</sup> Краснов Г.В. Предисловие // Переписка Н.А. Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 6-7.

<sup>2</sup> Переписка Н.А. Некрасова. Т. 1. С. 402.



- 72.
- <sup>3</sup> *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 72.
- <sup>4</sup> *Евгеньев-Максимов В.* «Современнику» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936. С. 16.
- <sup>5</sup> Там же. С. 17.
- <sup>6</sup> *Писемский А.Ф.* Письма / под ред. *М.К. Клемана* и *А.П. Могиланского*. М.; Л., 1936. С.111.
- <sup>7</sup> Современник. 1851. Т. XXX. Отд. 6. С. 152.
- <sup>8</sup> *Писемский А.Ф.* Письма. С. 534.
- <sup>9</sup> Современник. 1853. Т. XXXVIII. Отд.6. С.150.
- <sup>10</sup> *Егоров Б.Ф.* Указ.соч. С. 64.
- <sup>11</sup> Переписка *Н.А. Некрасова*: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 129.
- <sup>12</sup> Там же. С. 185-200.
- <sup>13</sup> Переписка *Н.А.Некрасова*: В 2 т. Т.1. М.,1987. С.185. В дальнейшем все ссылки на переписку *Н.А.Некрасова* и *В.П.Боткина* даются в тексте в скобках по этому изданию с указанием страниц..
- <sup>14</sup> *Писемский А.Ф.* Письма С.60-61.
- <sup>15</sup> Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847-1861. М.-Л., 1931. С.43.
- <sup>16</sup> Там же. С. 45.
- <sup>17</sup> Переписка *Н.А. Некрасова*. С. 125.
- <sup>18</sup> Там же. С.129.
- <sup>19</sup> *Краснов Г.В.* Комментарий // Переписка *Н.А.Некрасова*. Т. 1. С. 199-200.
- <sup>20</sup> *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: В 9 т. Т.9. М., 1959. С. 527.
- <sup>21</sup> *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1950. Т.9. С. 345.
- <sup>22</sup> *Печерская Т.И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX в. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999. С. 131-133.
- <sup>23</sup> *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 465-466.
- <sup>24</sup> *Могиланский А.П.* А.Ф. Писемский. Л., 1991. С. 29.
- <sup>25</sup> *Писемский А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 242.
- <sup>26</sup> Переписка *Н.А. Некрасова*. Т. 1. С. 128.
- <sup>27</sup> *Полевой П.Н.* А.Ф. Писемский по его собственным автобиографическим заметкам // Ист.вестник. Т. 38. 1889. С. 289.
- <sup>28</sup> *Анненков П.В.* Указ. соч. С. 467.
- <sup>29</sup> Переписка *Н.А. Некрасова*. Т.1. С. 128.

М.З. Тугушева

### ОЧЕРКИ М.А. ВОРОНОВА И ПРОБЛЕМЫ «ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА»

Произведения саратовского писателя М. Воронова, «приятеля»<sup>1</sup> и ученика Н.Г. Чернышевского, выделенные нами ранее в «провинциальный» цикл<sup>2</sup>, вполне вписываются и в категорию «провинциального» текста.

Литературоведение, обстоятельно проанализировав «петербургский» и «московский» тексты, долгое время игнорировало

текст «локальный», или «провинциальный». Однако именно локальный текст, описывая реальность, отражает особую «мифологию места», что является уникальным источником для историко-культурной реконструкции провинции. Тем более, что такой текст сопрягает в себе две качественные возможности: местное и частное непременно ориентируется на большое и общее. Двойная «прикрепленность» провинциального текста придает ему некий общерусский уровень, позволяя его автору демонстрировать как свой талант, так и возможности конкретной местности.

Прежде всего, речь идет о художественных текстах, создатели которых знают о жизни в провинции не понаслышке. Авторы либо сами являлись провинциалами и потому видели провинцию изнутри, либо оказывались здесь намеренно, чтобы занять оценочную позицию. В любом случае, создается эффект подлинности происходящего и достоверности описываемых явлений. Исходя из материалов проведенных исследований последних лет «провинциальным», или «локальным», можно именовать любой, художественный и документальный, текст, тем или иным способом связанный с провинцией<sup>3</sup>. Данное определение представляется нам вполне оправданным, поскольку заполняет существовавший до сегодняшнего дня «пробел» в дефинициях обозначенных текстов. При этом следует отметить жанровую неоднородность провинциального текста: сценки, комедии, очерки, повести, романы, письма и даже биографии. Получается, что это, скорее, даже не жанр, но некое наджанровое единство.

Обозначая хронологические рамки «провинциального текста», ограничим его жанровую эволюцию преимущественно литературой XIX века. Наилучшим образом реализованной она оказалась, на наш взгляд, в малых эпических формах: рассказе и очерке. Этому есть вполне логичное и конкретное объяснение. Очерк как базовый жанр «натуральной школы» прежде всего ориентирован на реальность, значит, та или иная локальность является для него основным информационным источником. Известно, что очерковую литературу отличает «отсутствие единого быстро разрешающегося конфликта и большая развитость описательных изображений»<sup>4</sup>. Потребность в такой литературе возникает в условиях общественного кризиса либо обострения интереса к определенному жизненному укладу.

Это хорошо понимал и Н. Гоголь, когда писал в «Выбранных местах...»: «Велико незнание России посреди России», а также: «Нужно самому узнавать, нужно проездиться по России ...»<sup>5</sup>. Однако осуществить этот замысел ему не удалось. Дальше «интереса на расстоянии» дело не пошло. Письма «Нужно проездиться по России», «Что такое губернаторша» и др., были запрещены цензурой и не вошли в прижизненное издание «Выбранных мест ...». Современниками призыв

Гоголя также не был услышан. При этом попытка реализации объективного взгляда литературы на провинциальную жизнь все же была осуществлена, только в 60-е годы. Н. Помяловский, Ф. Решетников, В. Слепцов, А. Левитов, М. Воронов - писатели по преимуществу русского национального быта и потому бытописатели провинции: рязанской, владимирской, московской, саратовской. Фактический материал той местности, где прошли их детство и юность, позволил отразить особенности «местных реалий». Они воссоздали характерную для конкретной местности самобытность и воплотили в зримых образах сущность жизни на периферии, способствуя, таким образом, формированию восприятия провинции как показательного и всеобъемлющего явления российской жизни.

Наследуя традиции «натуральной школы», писатели 60-х не ограничивались списыванием с натуры и создавали гораздо более социально-заостренные типы провинциалов, нежели в литературе 40-х годов. Помимо этого они прибегли и к новой манере повествования, фактически осуществляя движение художественных форм эпохи. Беллетристы реформировали физиологический очерк, создав на его основе новые жанровые образования. Как наиболее достоверный и убедительный для восприятия читателем жанр, очерк, вместе с тем, по меткому определению Ю.В. Лебедева, «представлял типичный для литературы этого времени жанровый гибрид, в котором наряду с очерковой стихией было что-то от мемуаров, что-то от физиологий в стиле «натуральной школы»<sup>6</sup>. Наиболее популярной и значимой в беллетристике этого периода становится форма «заметок», «записок», «воспоминаний», «картин», нравов и «очерков».

Использование таких жанровых формулировок позволяло включать в текст богатый иллюстративный и, что важно, конкретный материал о жизни в провинции. Талант писателя в этом случае проявлялся в даре наблюдательности и умении отобрать в потоке жизненных наблюдений самые характерные. На первом плане оказывается коллективный герой, художественное изображение которого сливается с самораскрытием образа автора, с комментарием, с лирическими отступлениями и публицистическими высказываниями. Главное в очерках шестидесятников - не фотографичность, описания и классификация, а сцены, диалоги, социально острые ситуации и столкновения, сопровождающиеся авторскими рассуждениями, выводами и оценками. В центре очерка, как правило, - самый обыденный, самый незначительный, иногда анекдотический случай из повседневной бытовой жизни провинциалов. Заурядный, на первый взгляд, факт приобретал характер обобщений и обнажал социальную сторону провинциальной жизни. Стремление вводить в текст бытовые детали и подробности обстановки привело к формированию социально-бытового очерка как новой жанровой формы «провинциального» текста.

«Наш приход» М.А. Воронова, впервые напечатанный в юмористическом журнале «Будильник» (1866) по своей задаче и тематике - обрисовке всех слоев прихода - близок к «физиологическому» очерку, который в 50-60-е годы воспринимался уже как эпилог «натуральной школы», хотя очерки и рассказы с «физиологическим» уклоном продолжали появляться в печати вплоть до 70-х годов. Так только в 1866-м году в литературных материалах «Будильника» можно найти подзаголовки: «провинциальные заметки», «петербургские очерки», «из купеческого быта».

«Новым партизаном» и «поздним физиологистом» назвал М. Воронова А. Чудаков, отмечая, что его отличительная особенность заключается в использовании писателем новых способов компановки жизненного материала<sup>7</sup>. Сценка является не после неких общих авторских положений в виде их иллюстраций, как у представителей «натуральной школы», но прежде таких положений. С самого начала дается очень конкретная ситуация, место и время расположения героев на сценической площадке: «Лето. Праздник. Девять часов утра...». Отсутствие в очерке обязательной фабулы позволило писателю более свободно внедрять в повествование драматизированные эпизоды и характеристики.

Две части очерка предваряются кратким содержанием. Первая часть показывает провинциальных прихожан «в общем сборе» - во время обедни и после нее, когда каждый из присутствующих в церкви занят обсуждением себе подобных. Данная ситуация, типичная для провинции, сопровождается поговоркой «вместе - душа мрет, а порознь - с души прет». Во второй части изображены «столбы прихода», определяющие настроение и поведение прихожан. Вторая часть условно может быть разделена на подчасти, характеризующие помимо основных сил прихода «еще силы запасные». Намечаемая автором последовательность в изложении говорит об определенной композиционной организованности очерка. Причем, руководство, осуществляемое рассказчиком, демонстративно обнажено и проявлено. Рассказчик не только сторонний наблюдатель, он - участник описываемых событий: «Отрадно, право, посмотреть на нас, когда все мы в сборе!». Повествование об особенностях жизни прихода ведется в форме игривого обращения к читателю: «Вы думаете...», «Не подумайте...», «Ошибаетесь!», «Ах, как вы жестоко ошибаетесь!». Отсюда присутствие в тексте многочисленных вопросов и восклицаний. «Но кто бы мог подумать, что оба они в обновлениях?» - вопрошает автор, представляя героев, и с тем же эмоциональным подъемом отвечает: «Нет, этого никто не подумает!»<sup>8</sup>.

Вместе с тем, рассказчик не отождествлен с автором. Его особая композиционная роль помогает решать поставленную писателем задачу - показать жизнь провинциальных обывателей в остро-обнаженном плане. С виду незначительный эпизод утреннего посещения церкви

превращается в глубоко драматичную картину действительности, а обитатели небольшого прихода становятся объектом пристальных наблюдений.

С нескрываемой иронией характеризует Воронов настрой мыслей своих прихожан во время службы. «Туземный ловелас» Семен Курносов пришел в церковь исключительно «назло» титулярному советнику Перхурову, который «не дальше как вчера» «обещался переломить ему ноги» за то, что он, Сенька Курносов, так и «ожметя» возле его дочерей, красующихся в церкви, да в окна заглядывает. Помыслы купчихи Круглотеловой полностью поглощены опасениями за пирог, так как «муж ее, Кузьма Митрич, человек крутой и подгорелых пирогов... терпеть не может». Большой человек в приходе - Трифон Сергеич Перебоев - следит, с достоинством ли держит себя другое «не малое» и «по уму не последнее» лицо в приходе - Спиридон Михеич Гвоздилин.

«Всепоглощающая житейская сфера», приобретаемая лишь на время церковной службы рамки молчаливого приличия, проявляется в полной мере, как только прихожане переступают порог своего жилища. Целый ряд обрывочных реплик, пародийно воспроизводивших убогий низменный слог, бытовую лексику провинциальных обывателей с сохранением «сочных» оборотов, ругательств и выражений, создает колоритную картину суетливой мелочной жизни в захолустье.

- Нет, я этому Сеньке Курносову, клянусь, башку сломлю! - свирипел Перхуров-отец, прикладываясь к анисовой.

- Опять, вдоль вас разорвать, пирог-от сожгли! - выносит купец Круглотелов...

- А вот я вдругорядь, ежели эздакой мне подадите, так, лопни глаза, в морду али еще и того плоше!... Что это за каторга в самом деле: ждешь ждешь праздника, ровно бы утехи какой, - а они, на-ка: угольев тебе вместо божьего дара подвоят.

Объектом пристального внимания прихожан становится изящная соломенная шляпка явившейся к обедне девицы Переполоховой. Квартальничиха Трегубиха в продолжение всей службы пристально смотрит на нее, утешаясь лишь суетностью «владелицы шляпы», которую та переделала из старой. Однако дома спокойное размышление сменяется чуть ли не площадной бранью, обращенной к мужу: «Если ты мне шляпку не купишь, то вот сдохни я на сем месте, если не продам твой сюртук и не куплю тогда сама! Чтоб я допустила какой-нибудь мадам Переполоховой передо мной важничать - ни за что на свете!». В то же время счастливая обладательница, в очередной раз любясь перед зеркалом, гордо заявляла: «Маменька, как квартальничиха Трегубиха пялила на шляпку глаза: кажется, так бы вот она и съела меня!». Осознание своей неотразимости не лишило героиню наблюдательности, вдохновив на пристрастнейшую оценку внешнего вида других прихожан: «Ах, маменька, Танька-то перхуровская, вот смеху то все положили!

Вообразите, тоже шляпку себе переделала... И ведь вот дурища-то... Перьев этих разных насажала, цветов, тюлю - просто страсти!..» Замечание девицы о чиновнике Геклове, который «очень антиресный такой» и «сюртук новый сшил», перекликается с его восторженной репликой, обращенной к отцу: «Ни на ком, папенька, такого сюртука не было, ... Ей богу, папенька, ни на ком такого не было-с».

Мастер детали, Воронов, описывая церковную службу, лишь единожды вкладывает в уста героев имя Божье, да и то произнесенное вскользь, в контексте восхваления ... «сюртука». Обывательское, суетное отношение прихожан к церкви, религии подчеркивается их излишним пристрастием к материальному миру вещей, который, в сущности, составлял основу бездуховного провинциального бытия.

Иное отношение к провинции Воронов выразил в целом ряде других своих произведений. К примеру, ностальгические мотивы провинциальной жизни отчетливо проступают в очерке «На нашей улице праздник». Очерк был опубликован в августовском номере за 1869 год журнала «Дело» и заявлен самим Вороновым как «провинциальный». К сожалению, это его единственная публикация. Сюжет «провинциального очерка», имеющего биографическую основу, достаточно прост - в дом престарелых родителей приезжает их единственный сын, пять лет назад уехавший «в Москву, в университет». Приезд сына превращается для родителей в настоящий праздник и становится Событием всей улицы, сосредоточенной в этот вечер «у ворот и окон дьячкового дома». Повествователь в очерке смотрит на все глазами их сына, молодого доктора. Особенным образом это проявляется с момента приезда вчерашнего студента к родителям. Увиденная им после длительного отсутствия картина ностальгически сжимает сердце. Он переживает момент узнавания того, что в реальности виделось очень давно, к чему память возвращалась не раз, особенно в дни скитаний и лишений в чужой столице. Герой испытывает чувства, хорошо знакомые каждому ступающему на родной порог. Прожив пять лет вне дома, вкусив все «прелести» цивилизации, повествователь отождествляется в сцене приезда с героем, обремененным всем трудным, драматическим опытом своего века. Повествовательный план очерка позволяет создать представление о провинциальной жизни как чередой повседневных дел и забот. Подобно существованию всех провинциалов она «тянулась» «тихо, незаметно», «то освещаемая маленькими радостями, ... то затемняемая такими же маленькими печальми...». Расспросы стариков о жизни сына, длительное время находящегося «там», в столице, за пределами «их» мира, выказывают не только участие в удачах и неудачах, свойственное всем родителям, но и любопытство, по определению Н.В. Гоголя, «несколько похожее на любопытство ребенка»<sup>9</sup>. Определенная доля наивности, присущая, в той или иной степени, всем провинциалам, проявлялась и в их чрезмерной добропорядочности. К примеру,

зарабатывавшая повивальным делом матушка, «принимая дочку» у богатого купца, испытывает настоящие угрызения совести, что девочка «не больно-то удачлива вышла - уродец». Дополняют созданную писателем картину черты типично-провинциального интерьера: «старая мебель», «неизменная печь в углу», «старые знакомки» картины с фельдмаршалом на коне, «портрет московского митрополита», грубо отпечатанный и «окончательно отделанный даровыми ... мастерами - мухами, изображение двух «лежащих на брюхе и покуривающих трубки» русских солдат, давнишние пасхальные яйца в «божнице» да «высохшие в камень просфоры»<sup>10</sup>.

Таким образом, противоречивый взгляд Воронова на провинцию не только определял различный выбор художественных средств, но и способствовал созданию различных по идейной трактовке и смысловой нагрузке «провинциальных» текстов.

#### Примечания

<sup>1</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. Собр. соч.: в 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 444.

<sup>2</sup> Тугушева М.З. Жизнь и творчество М.А. Воронова как феномен русской провинциальной культуры. Диссер. канд. филол. наук. Саратов, 1999.

<sup>3</sup> Путешествие в провинциальную Россию // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 3.; От составителей // Русская провинция: Миф - Текст - Реальность. М.: С.-П., 2000. С. 9.

<sup>4</sup> Литературный Энциклопедический Словарь. М., 1987. С. 263. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 382.

<sup>5</sup> Лебедев Ю.В. У истоков словесного творчества. М., 1979. С. 133.

<sup>6</sup> Чудаков А. Мир Чехова. М., 1986. С. 93.

<sup>7</sup> Воронов М. А. Наш приход // Повести и рассказы. М., 1961.

<sup>8</sup> Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 7 т. М., 1985. Т. 2. С. 10.

<sup>9</sup> Воронов М.А. На нашей улице праздник. Провинциальный очерк // Дело. 1869.

№ 8.

Т.В. Удалова

### ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННОК» ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АНГЛИИ

В течение 30 лет существования, пережив несколько эпох, «Современник» сыграл значительную роль в истории русской литературы и формировании настроений общественного мнения середины XIX века. В 1850-60-е гг. «Современник» достиг пика своей популярности. Действительно, ведущие материалы - критико-библиографический отдел, публицистика - отвечали единому идейному содержанию, позволявшему характеризовать журнал как издание

радикально демократического типа. Именно в 1850-е гг., как отмечал исследователь Н.М. Сикорский, сложился тип «толстого» общественно-политического и литературно-художественного журнала<sup>1</sup>. В 40-е гг. XIX в. в журналах важное место занимала беллетристика, будучи в то время основной формой выражения передовых идей. В середине 1850-х гг. обстановка несколько изменилась: увеличение значимости политико-экономических статей вывело на первое место публицистику. «Современник» из литературного стал журналом общественно-политическим, что больше соответствовало настроениям и запросам читающей аудитории.

В конце 1850-х гг. в журнале появились новые отделы: «Политическое обозрение», посвященное политической жизни за границей и «Внутреннее обозрение», освещавшее события российской общественной жизни. В 1859 г. стал регулярно появляться подраздел «Политика», дававший обзор политической жизни Западной Европы и Америки. Наряду с «Внутренним обозрением» печатались почти в каждой книжке «Иностранные известия», включавшие информацию о литературной жизни в основном европейских стран: Германии, Франции и Англии. Герасимова справедливо замечала, что журналы 50-х-60-х гг. XIX в., и в частности «Современник», использовали обозрение политической жизни зарубежных стран и статьи по их истории для отражения актуальных вопросов российской жизни и своеобразной демонстрации вариантов решений этих вопросов<sup>2</sup>. Освещение европейских проблем было своеобразной проекцией на те события, которые происходили в России.

Образ Англии, созданный на страницах «Современника» интересен, прежде всего, своей контрастностью с принятой в российском обществе трактовкой политического устройства и социально-экономического положения этой страны, которая проступает на страницах записок путешественников и в публикациях «Русского вестника», журнала игравшего не менее значимую роль в общественной жизни 50-х-60-х гг. XIX в. Действительно, «Англия «Современника» была во многом оппозиционной как распространенным в обществе оценкам, так и «удобному англофильству» Каткова, которое, по тонкому замечанию Достоевского, «и свободой пахнет, и аристократическим элементам льстит»<sup>3</sup>. Может из-за значимости роли этих журналов в общественной жизни, именно между ними происходило явное противостояние, «борьба», как характеризуют эти отношения советские исследователи<sup>4</sup>.

Отзывы «Современника» о политическом устройстве Англии отличались признанием существования как позитивных, так и негативных явлений в политической системе Англии. Устоявшееся в отечественной историографии мнение, что Н.Г. Чернышевский «беспощадно критиковал западно-европейскую буржуазную «демократию»<sup>5</sup>, нуждается в коррективах. М.П. Айзенштат справедливо



отмечает, что критике подвергалась только нижняя палата, которая, по сути, представляла ту же аристократию<sup>6</sup>. Тогда как в публикациях подчеркивалось, что сила парламента – в народном представительстве. Чернышевский писал, что «присутствие парламента вовсе не ослабляет правительство, или по английскому выражению «корону»... Королева Виктория и ее королевство не имели бы и половины того могущества, каким теперь обладают, если бы у них не было парламента...»<sup>7</sup>. Поэтому немало внимания в политических обзорах журнала уделялось парламенту, разъяснению сложных процедур принятия решений<sup>8</sup> и выборов<sup>9</sup>.

Однако главным вопросом в период выработки программы реформ в России был вопрос об освобождении крестьян, о личной свободе и государственном устройстве. Одним из литературных приемов Чернышевского при освещении проблем российской действительности было обращение к схожим проблемам в других странах либо к иным историческим эпохам. Этот прием отмечала еще Е.И. Дружинина<sup>10</sup>. Так, в «Современнике» были опубликованы статьи о Сандвичевых и Ионических островах, в которых в центре внимания были принципы управления английскими колониями. В этом нетрудно проследить проекцию на российские проблемы, связанные с организацией власти на местах. В заметке с невинным названием «Путешественники англичане», рассказывалось о Сандвичевых островах, где «обнаружились плоды английского влияния, постоянно действовавшего глухо, но верно: начальники и население Сандвичевых островов составили конституцию по английскому образцу...»<sup>11</sup>. Результаты конституционного устройства оценивались высоко: «История Сандвичевых островов... представляет одни постоянные успехи цивилизации под могущественным влиянием Англии»<sup>12</sup>.

В заметке об Ионических островах более прозрачно намекалось на прогрессивность идеи Англии давать свободу в политическом развитии своих колоний. Эта мысль невольно порождала ассоциации с ситуацией в России. Как замечает В.Г. Чернуха, причиной конфликта России с Польшей было «противоречие между имеющей конституцию частью империи и империей, конституции не имеющей... поэтому наиболее дальновидные российские идеологи и государственные деятели стали предлагать решение проблемы путем сближения режимов...»<sup>13</sup>. Независимость Ионических островов названа уже как «важнейшее дело современной истории»<sup>14</sup>.

В публикации отражены обе стороны английской политики, «и сторона ненавистная и сторона благородная». Безусловно отрицательную оценку получал диктат над самостоятельным развитием колоний: «не давать независимость народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны – это гнусно», но «представлять этому народу полный простор в

управлении своими делами,... стараться развивать в нем те гражданские качества, которыми отличается сама Англия от континента, это черта совершенно другого рода»<sup>15</sup>. Сочетание сильного государственного влияния и конституционных прав отражало положение дел в самой Англии, и было важно для редакции, «потому, что на нем можно изучать дух Англии»<sup>16</sup>. В статьях, оценивавших управление английскими колониями, в анализе их политического устройства, в наделении правами и свободами населения этих территорий между строк читается не только критика существовавших в России крепостных отношений, но и предостережение от заимствования политического устройства Англии. Т.е., в английском политическом устройстве российским демократам явно импонировала только личная свобода граждан.

Негативную оценку, необычную для русской подцензурной печати, получила на страницах «Современника» и английская судебная система, которая в российской публицистике часто представлялась одним из вариантов развития судоустройства в России. Одним из ярких примеров демонстрации особой позиции «Современника» является эпизод с публикацией статьи Утина в двух популярнейших журналах того периода «Современнике» и «Русском вестнике». Разница взглядов редакций наиболее четко отразилась в комментариях Утина к своей же статье, опубликованной в «Русском вестнике». В «Современнике» он поместил новую статью, указав, что вынужден это сделать так как: «из многих подстрочных примечаний, которыми редакция «Русского вестника» нашла необходимым дополнить, пояснить или исправить мою статью о суде присяжных... налагают на меня обязанность сказать несколько слов». Таким образом, надо полагать, что статья в «Современнике» более точно определяет позицию автора, которая ближе направлению этого журнала<sup>17</sup>.

Суд был представлен как органическая часть английской политической системы. Б.И. Утин, специально занимавшийся этим вопросом, так оценивал место суда присяжных: «среди английской свободы и английского парламента готовишься встретить другое, соответственное по важности явление государственной жизни Англии... Это должно быть какое-нибудь судебное учреждение, которое составляет гордость, славу Англии, которое служит великим оплотом для свободной прессы и к которому обращаются как граждане, так и правительственная власть в случае какого-либо нарушения основных прав»<sup>18</sup>. Заметный сарказм, нарочитая помпезность объясняется следующим замечанием автора: «В огромном числе случаев жертвами этой системы организованного притеснения суть люди бедные, которые не в состоянии возвысить голоса, чтоб быть услышанными...»<sup>19</sup>. Это приоткрывало совсем другую сторону благопристойной Англии, растиражированной на страницах либеральных изданий. Прославленный суд оказывался справедливым не для всех.

Своеобразное оправдание преступников можно встретить и в статье Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции»: «Рабочие лучше, чем кто-либо понимают их положение: они знают, как легко сделаться лишним, и помогают им больше всех. Вот почему нищие держатся рабочих кварталов... но кто решается на открытую войну против общества, тот ворует, крадет, убивает...»<sup>20</sup> Автор ставил на первый план социально-экономические причины преступлений, объясняя действия воров безысходностью их положения. Правда, Утин справедливо замечал неотвратимость наказания за любое преступление: «При этом, однако, замечательно, что именно, чем значительнее преступление, тем меньше для английского преступника шансов укрыться от полиции»<sup>21</sup>.

Б.И. Утин дает эмоциональную оценку должности мирового судьи: «Следовало бы помнить, что мировые судьи в Англии главные органы самоуправления, что должность мирового судьи... не имеет себе равной во всем христианском мире... английские мировые судьи составляют действительный идеал...»<sup>22</sup>. Но, несмотря на такую высокую оценку, Утин говорил о необходимости критично относиться к судебной системе Англии в целом, советовал избегать простого копирования ее учреждений, т. к. эта система не была постоянной, она совершенствовалась в зависимости от изменений, происходивших в английском обществе. Автор не мог указать путей развития этих учреждений, но был уверен в прогрессивном витке: «Каким образом Англия осуществит эти требования и осуществлением их даст новую силу самоуправлению, этого мы не знаем»<sup>23</sup>. Таким образом, английская судебная система на страницах «Современника» представлялась неотъемлемой и органичной частью английского политического устройства, возможной только в Англии.

Редакционный взгляд на причины исключительной принадлежности подобных учреждений именно этой стране подтверждала статья, посвященная воспитанию детей. В английских образовательных учреждениях воспитывалось уважение к власти (сначала в лице учителя), а не прививалась тупая покорность, основанная на страхе перед наказанием: «Действуя всегда последовательно, он (учитель - Т. У.) становится авторитетом в глазах питомцев... От этого самое послушание принимает характер сознательной покорности перед законом, представителем которого он служит»<sup>24</sup>. Причем наказания («даже розгами») в английских школах «служат не столько исправительными мерами, сколько средством к восстановлению нарушенного закона»<sup>25</sup>. «Закон для англичан - святыня. Едва ли где-нибудь он уважается более и так сознательно как в Англии»<sup>26</sup>, - делает не оригинальный, но очень характерный для восприятия этой страны, вывод автор.

На страницах «Современника» об английской свободе нет восторженных отзывов, скорее всего потому, что редакция вкладывала

более радикальный смысл в это понятие. Но общественное мнение, гласность в Англии не остались незамеченными.

Существование общественного мнения в Англии иллюстрируется незначительным эпизодом, представленным автором как забавная история, на фоне которой свобода слова, ее значимость для английского общества проступают еще ярче. В отделе «Заграничные известия» была помещена заметка, рассказывавшая о человеке, жившем в одной из провинций Великобритании, который каждый год выступал с заявлением, что «театр это ухищрения Дявола, исполненные хуления и неприличностей». Директор одного из театров «счел себя в праве отвечать на них в самой зале суда». Сам факт слушания в суде дела по поводу нелепых обвинений, живой интерес общества к этому разбирательству иллюстрировали практическое воплощение в жизнь принципов гласности, отражали значимость общественного мнения, влиявшего на репутацию, в данном случае, директора театра. «Спичи в Англии, - делает ироничный вывод автор, - в такой моде, что со временем новый успех будет зависеть и от таких объявлений: в антракте директор будет говорить спич. Это довольно вероятно»<sup>27</sup>.

Ярким подтверждением, что для России того периода примером свободы Англии была свобода печати, являются публикации в журнале. «Современник» к передовым сторонам английской жизни причислял влияние и независимое положение английской печати, обсуждение в ней актуальных вопросов общественно-политической жизни. Становление печати как политической силы авторы статьи «История Англии (рассказанная по газетным объявлениям)» относят к концу XVII в. Начальная дата развития печатного дела не вызывала восхищения, наверно потому, что в качестве первой газеты в России предполагались «Куранты», вышедшие в 1621 г., т.е. в более ранний период. Зато акцент делался на роли в жизни Англии едва появившейся печати. «Собственно журнал... появляется в Англии только в конце царствования Иакова I - Weekly News, изданный в Лондоне в 1662 г. Страшная борьба следующего царствования дала необыкновенный толчок английскому книгопечатанию: в этой массе политических брошюр... обнаруживаются первые признаки английского книгопечатания, как политического могущества»<sup>28</sup>. Именно развитие печати, а не факт ее появления, определялось авторами как «признак политического могущества»

В статье «Французские законы по делам книгопечатания», опубликованной в мартовском номере за 1862 г., Н.Г. Чернышевский приводил в пример организацию дела печати в Англии, именно для того, чтобы показать, как далека российская цензурная политика от достигнутой передовыми странами свободы слова. О неслучайном выборе Чернышевским примера организации печати в Англии писала Т.В. Антонова: «При декларации свободы слова (Чернышевский) не выдвинул какой-либо иной, более радикальной формулы свободной

печати и признавал универсальность той, которая уже реализована... прежде всего в Англии»<sup>29</sup>. Таким образом, исследователь справедливо замечала, что организация печати в Англии была передовой, «радикальной формулой» для России с точки зрения Чернышевского.

В той же книжке «Современника» вышла статья П.П. Пекарского «Журналы во Франции во времена консульства и империи», где в противовес Франции, указывалось на Англию как «единственное убежище свободных прений», страну, в которой «человек может свободно высказывать свое мнение о важнейших общественных вопросах», где «журналистика еще свободна» и «охраняема свободною конституцией»<sup>30</sup>. Отсюда можно предположить, что организация печати в Англии воспринималась следствием конституционного устройства страны, поэтому борьба за свободу печати была завуалированной борьбой за демократические свободы вообще.

Естественно, что опыт Англии в организации печати, в обеспечении свободы слова был довольно убедительным примером для редакции «Современника». Наглядную картину уровня развития общественной жизни Англии можно встретить в заметке отдела «Политика» (1862 г.): «Как у нас не найдется не только журнала, или газеты... ни даже какого бы то ни было человека, который бы стал отвергать законность и пользу нынешнего правила не держать женщин взаперти, а допускать их в общество мужчин, так в Англии никто не говорит против печатного обсуждения всех внутренних и внешних вопросов, против представительной формы, против митингов по общественным делам. ...По некоторым вопросам англичане настолько же ушли вперед против континента Западной Европы, насколько мы ушли вперед от почтенных людей, споривших при *Петре I* о том, дозволительно ли женщине показываться на глаза им, добрым людям»<sup>31</sup>. Аналогия с XVIII в. подчеркивала не только степень политического развития Англии, но и отсталое положение общественного мнения в России.

На страницах «Современника» отражены все важные, актуальные вопросы политической и общественной жизни Англии, интересовавшие в то время российское общество, прослеживается своеобразная интерпретация восприятия этой страны, как свободной, передовой с цивилизованными гражданами, где играет роль общественное мнение. Однако зачастую можно видеть «обратную» сторону блестящего образа Англии. Так, например, залог политической стабильности и постепенного государственного развития либералы видели в образовании, формирующем сознательность гражданского общества. Важную роль образования, но для борьбы за свои права, признавал и «Современник».

Отношение к этой стране очень точно определил в своей статье Чернышевский: Англия «столь хвалимая одними и столь ненавистная другим»<sup>32</sup>. В журнале нашло место отражение точек зрения на некоторые аспекты английской жизни подчас полярных общепринятым.

## Примечания

<sup>1</sup> *Сикорский Н. М.* «Современнику» - журнал революционной демократии 60-х гг. М., 1962. С. 28.

<sup>2</sup> *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации к. 1850-х – н. 1860-х гг. М., 1974. С. 23. С. 111.

<sup>3</sup> *Достоевский Ф.М.* Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями // *Время.* 1862. № 10. С. 153.

<sup>4</sup> См. например: *Твардовская В.А.* Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850-х – 180-х гг // *Освободительное движение в России.* 1975. Вып. 4. С. 72.; *Китаев В.А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50 – 60 гг. XIX в. М., 1972. С. 227.

<sup>5</sup> *Макеев Н. Н.Г.* Чернышевский – редактор «Военного сборника». М., 1950. С. 13; см. также: *Шапиро А.М. Н.Г. Чернышевский об английском либерализме // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1960. С. 329, Дружинина Е.И.* Критика самодержавия и крепостного права в легальных произведениях Н.Г. Чернышевского накануне революционной ситуации (1853-1857 гг.) // Там же. 1962. С. 385.

<sup>6</sup> *Айзенштат М.П. Н.Г. Чернышевский об Англии и англичанах // Общественная мысль в контексте исторической культуры. М., 2004. С. 299.*

<sup>7</sup> *Чернышевский Н.Г.* Франция при Людовике-Наполеоне // *Собр. соч.: В 15 т. М., 1939 – 1953. Т. 5. С. 146-147.*

<sup>8</sup> *Он же.* Нынешние английские виги // *Современник.* 1860. № 12. С. 221-244.

<sup>9</sup> *Заграничные известия.* Выборы в Англии // *Современник.* 1857. № 7. С. 127-128.

<sup>10</sup> *Дружинина Е.И.* Критика самодержавия и крепостного права в легальных произведениях Н.Г. Чернышевского накануне революционной ситуации (1853–1857 гг.) // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 364.*

<sup>11</sup> *Пытин А.Н.* Путешественники англичане // *Современник.* 1857. № 2. С. 348.

<sup>12</sup> Там же. С. 348.

<sup>13</sup> *Чернуха В.Г.* Активное законотворчество. 1859-1866 гг. // *Власть и реформы. От Самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 285.*

<sup>14</sup> *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 345.

<sup>15</sup> *Чернышевский Н.Г.* Отдел Политика // *Современник.* 1859. № 2. С. 350.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Подробнее о полемике между «Русским вестником» и «Современником» см.: *Итенберг Б.С.* Указ. соч. С. 200-203. О демократических тенденциях звучавших в статьях Б.И. Утина и на страницах «Отечественных записок» писал Китаев В.А. – *Китаев В.А.* «Отечественные записки» в идейной борьбе начала 60-х гг. XIX в. ... С. 32- 33.

<sup>18</sup> *Утин Б.И.* К вопросу о мировой юстиции и самоуправлении в Англии // *Современник.* 1860. № 11. С. 15.

<sup>19</sup> Там же. С. 11.

<sup>20</sup> *Шелгунов Н.В.* Рабочий пролетариат в Англии и во Франции // *Современник.* 1861. № 9. С. 172.

<sup>21</sup> *Утин Б.И.* К вопросу о мировой юстиции... С. 10.

<sup>22</sup> *Он же.* По поводу английской юстиции мира // Там же. 1860. № 4. С. 420

<sup>23</sup> Там же. С. 420.

<sup>24</sup> Михайловский Н.М. Немецкие письма об английском воспитании. Пер. с нем. С. Смараглова // Современник. 1858. № 10. С. 197.

<sup>25</sup> Там же. С. 198.

<sup>26</sup> Там же. С. 197.

<sup>27</sup> Пытин А.Н. Англичанин, проповедующий против театра и др. оригиналы // Современник. 1857. № 2. С. 343-344.

<sup>28</sup> История Англии (рассказанная по газетным объявлениям) // Современник. 1855. № 12. С. 143.

<sup>29</sup> Антонова Т.В. Борьба за свободу печати в пореформенной России. 1861 - 1862 гг. Дис... доктора ист. наук. Саратов, 1999. С. 97.

<sup>30</sup> Пекарский П.П. Журналистика во Франции во времена консульства и империи // Современник. 1862. № 3. С. 203.

<sup>31</sup> Чернышевский Н.Г. Отдел Политика // Современник. 1862. № 2. С. 324.

<sup>32</sup> Чернышевский Н.Г. Характер исторического прогресса // Современник. 1859. №1. С. 86.

## II. Сообщения и материалы

С.А. Бондарь

### **К ВОПРОСУ О РОДСТВЕННИКАХ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО (По архивным разысканиям)**

Несмотря на официальное превозношение в советские годы Николая Гавриловича Чернышевского, его родословная вообще известна плохо. С одной стороны, здесь сказалась советская специфика, когда наличие в роду представителей духовенства было опасным, с другой - наша нелюбознательность и неуважение к своему прошлому. Линия отца, протоиерея Гавриила Чернышевского, уходящая в Пензенскую епархию, прослежена в первом томе труда А.А. Демченко «Н.Г. Чернышевский. Научная биография». О предках же Николая Гавриловича по линии матери до сих пор мало что известно: тот же А.А. Демченко отмечал, что «родословная со стороны матери и сегодня не продвинулась далее установленных самим Чернышевским «древнейших» границ», хотя материнская линия Николая Чернышевского происходит из среды саратовского духовенства. Только в последние годы далёкий потомок родственников Пыпиных В.В. Колпаков на основании опубликованных документов составил подробную родословную Чернышевских и сопутствующих им фамилий и передал один экземпляр в музей Чернышевского. Воспользовавшись этим экземпляром и добавив сведения, часть которых давным-давно опубликована, а часть до сих пор лежит нетронутой в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО), попытаемся восстановить биографические сведения о священнике Иване Кириллове и его потомстве.

Никаких подробностей биографии священника Кириллова до сих пор известно не было, даже год его смерти показывается неверно. Было известно, что он до 1797 года стал вторым священником в Крестовоздвиженской церкви бывшего женского монастыря (под этим годом его упоминает в своём дневнике о. Николай Скопин) и что на этом месте он служил и в 1810-е годы: в 1815-м он вместе с женой Маврой Порфирьевной показан в ревизских сказках духовенства той же церкви<sup>1</sup>. Вероятно, этими скуными сведениями и ограничилась бы биография священника, но, к счастью, от церкви, где он служил, осталось две клировых ведомости, за 1814 и 1824 годы<sup>2</sup>, в первой из которых имеется



послужной список самого о. Иоанна, во второй - его зятя священника Кудряшова, и в обеих - другого его зятя диакона Алексеева.

Клировые ведомости сразу дают имя священника - Иоанн Кириллов. Это важно вот по какой причине: до сих пор неизвестно почему считается, что священника звали Иоанн Кириллович Кириллов<sup>3</sup>. В ту пору люди из простых сословий, к которым относилось и духовенство, фамилий не имели. Наличие фамилии у священно- или церковнослужителя в ту эпоху свидетельствует об окончании этим лицом какого-либо учебного заведения; массовая же раздача фамилий духовенству произошла только на рубеже 20-30-х годов XIX века. Например, предшественник священника Кириллова в Крестовоздвиженской церкви, Евдоким Степанов, нигде не учился, а получил фамилию Троицкий от имени саратовского Старого собора, в котором он прослужил более полувека. Но фамилия эта поздняя, впервые она встречается в подписи священника в 1832 году<sup>4</sup>; до этого он везде проходит под именем Евдокима Степанова. Имя же священника Иван Кириллов обозначает только то, что его отца звали Кириллом.

По клировой ведомости священник Кириллов и его жена Мавра Порфирьевна родились в одном году - 1761-м: в 1814 году обоим супругам показано 53 года от роду. Местом рождения о. Иоанна названо село Изнаир Сердобского уезда, а отцом - тамошний священник Кирилл Стефанов (Степанов), умерший до 1814 года. Имя этого священника - прапрадеда Н.Г. Чернышевского со стороны матери - впервые вводится в научный оборот; к сожалению, никаких подробностей его жизни пока не найдено.

Про основание села Изнаира никаких известий не имеется, но то, что оно относится к числу очень старых поселений Саратовского Правобережья, можно подтвердить косвенными свидетельствами. Около 1765 года, то есть вскоре после рождения о. Иоанна, в селе Изнаир сгорела церковь. Тогда село называлось Богородское, Изнаир тож, и находилось в Нижнеломовском уезде. Первое название село получило от имени церкви (во имя Казанской иконы Богородицы), а второе является гидронимом и происходит от речки Изнаир. В течение XIX века церковные названия сёл почти повсеместно заменились светскими, ибо в одном уезде запросто могло оказаться пятнадцать-двадцать сёл с именем «Архангельское», с десятков Никольских и т. д. В 1765 году началось дело о разрешении строительства нового деревянного храма. Время закладки церкви неизвестно; по ревизским сказкам духовенства Сердобского уезда за 1816 год церковь показана построенной в 1766-м, а освящённой в 1767 году. Последняя дата подтверждается и несохранившимся делопроизводством консистории: освящал изнаирский храм во имя Казанской иконы Божией Матери неизвестный священник села Ключей 23 октября 1767 года<sup>5</sup>.

По клировым ведомостям церкви конца XIX - начала XX века выходит, что Казанская церковь в Изнаире построена и освящена в 1769 году. Это, скорее всего, ошибка, впрочем, совсем нередкая в клировых ведомостях: например, в обеих упоминаемых нами клировых ведомостях Крестовоздвиженской церкви время построения главного Крестовоздвиженского храма и приписного Пятницкого названо неизвестным, между тем, как первая церковь построена в 1738-40 гг., а последняя - в 1762-м, и ещё могли быть живы очевидцы их строительства, особенно последней. В клировых ведомостях предреволюционной поры важно указание на то, что храмоздателями Казанской церкви были обычные прихожане, то есть изнаирские крестьяне, а также и дальнейшая история храма. Почти через сто лет после своего строительства, в 1860 году, Казанская церковь была «поновлена», а в холерном 1892 году снова отремонтирована на средства прихожан, потомков храмоздателей. К концу XIX столетия храм был холодным, то есть неотапливаемым; в нём был один престол: во имя Казанской иконы Божией Матери<sup>6</sup>. Вероятно, без особых изменений храм простоял до советского времени. Постановлением президиума Ртищевского райисполкома от 13 июня 1936 года Казанская церковь была закрыта. Тем же постановлением был санкционирован снос здания, однако реализация этого решения по неизвестным причинам затянулась на одиннадцать лет - здание храма, пришедшее в ветхость и угрожавшее обвалом, было разобрано в 1947 году; районному финансовому отделу было поручено «реализовать церковь как материал»<sup>7</sup>.

25 июля 1775 года Иван Кириллов, имея 14 лет от роду, был посвящён во дьячка к Казанской церкви села Изнаира, где его отец был священником. Так часто бывало в то время: кто-то из сыновей священника занимал место дьячка или пономаря в той церкви, где служил отец, под руководством отца учился церковной службе, а после его смерти или выхода за штат занимал место священника. Нередко встречались ещё более обширные родственные связи. В используемой нами клировой ведомости Крестовоздвиженской церкви за 1824 год почти все члены причта связаны между собой родством: священник и диакон женаты на родных сёстрах, стало быть, друг другу они доводятся зятями, а священник был ещё дядей жены дьячка, и только пономарь не имел среди причта никакого родства. В случае если у священника были дочери, то после смерти отца за одной из них закреплялось его место, с которого шла часть доходов осиротевшей семье, а женившийся на дочери человек был обязан поступить именно на это место, да ещё и содержать родственников жены, обычно весьма многочисленных. Обозначенная нами система замещения священно- и церковнослужительских мест с некоторыми изменениями держалась не одно столетие, и окончательно исчезла при реформах Императора Александра II в 1870-е годы.

Прослужив дьячком в изнаирской церкви 18 лет, Иван Кириллов 12 декабря 1793 года был рукоположен во священника и назначен в Михаило-Архангельскую церковь находящегося недалеко от Изнаира села Свищёвки Сердобского уезда, ныне того же Ртищевского района, на стыке с Пензенской областью. Через два с небольшим года, 9 февраля 1796 года, его перевели в Саратов в Крестовоздвиженскую церковь бывшего женского монастыря на место священника Евдокима Степанова. Священник Евдоким Степанов тогда был переведён в Троицкий собор вторым священником, позднее он стал его настоятелем, был возведён в сан протоиерея, от имени собора получил фамилию Троицкий и умер в 1848 году на 95 году жизни<sup>8</sup>.

До сих пор считалось, что священник Кириллов умер в 1825 году. Это неверно: в августе 1821 года он был уволен за штат (на его место назначили одного из его зятей Кудряшова), а к концу 1824 года его уже не было в живых. То есть дату смерти священника Кириллова следует искать между августом 1821 и декабрём 1824 года.

Здесь следует сказать несколько слов о Крестовоздвиженском женском монастыре Саратова. В 1776 году монастырь был упразднён. Оставшиеся две церкви - главная Крестовоздвиженская и вторая Пятницкая, именовавшаяся иногда придельной к главному храму, составили обычный приход. Собственно говоря, приход был основан не вновь, а существовал исстари: в XVIII и начале XIX века в обоих саратовских монастырях - мужском Спасо-Преображенском и женском Крестовоздвиженском - были обычные приходы с белым духовенством. Последнее совершало в монастырских церквях те службы, которых по уставу в монастыре совершать не положено, например, бракосочетание. Поэтому в годы упразднения монастыря с 1776 по март 1829 года Крестовоздвиженская и Пятницкая церкви продолжали функционировать как обычные приходские церкви, а гражданские монастырские здания были определены под другие нужды: покои настоятельниц заняло Саратовское духовное правление, а в прочих зданиях разместилось приходское крестовоздвиженское духовенство<sup>9</sup>.

В ревизских сказках духовенства Сердобского уезда за 1816 год в Казанской церкви села Изнаира показано несколько лиц, которые, возможно, доводятся священнику Кириллову родственниками. На рубеже XVIII - XIX веков священником в Изнаире был Андриан Кириллов, умерший до 1811 года. Поскольку его отчество совпадает с именем священника Кирилла Степанова и учитывая, что в эту пору священно- и церковнослужительские места часто передавались по наследству, можно предположить, что он также приходится ему сыном и родным братом Ивану Кирилловичу. В ревизских сказках 1816 года показана его жена Афимья Парфёновна (родилась в 1775 году) и дети: Кирилл (1796 года рождения), Надежда (1798) и учившийся в семинарии Иван (1804).

Старший сын Андриана Кириллова Кирилл Андрианов в том же 1816 году был дьячком и служил вместе с отцом в изнаирской церкви. Он был женат на Вассе Григорьевне (1797 года рождения). У них был сын Яков, родившийся в 1813 году<sup>10</sup>.

До сих пор считалось, что в семье священника Ивана Кириллова и его жены Мавры Перфильевны было четверо детей, все дочери: самая старшая Меланья (год её рождения неизвестен) - вышла замуж за некоего Герасима Медведева, вторая дочь Пелагея (1780 года рождения) - вышла замуж за протоиерея Георгия Ивановича Голубева, третья Анна (1790 - 1853) - вышла замуж за священника Феодора Осиповича Цыбулевского (1787 года рождения) и младшая Мария (1795 года рождения) - вышла замуж за протоиерея Феодора Степановича Вязовского (1789 (1790) - 1856). Следует отметить, что большая часть этих сведений взята из комментариев к первому тому «Собрания сочинений Н.Г. Чернышевского», вышедшего в 1939 году, и является устаревшей, а в значительной части - и неточной.

Почему издатели собрания сочинений Чернышевского решили, что старшая дочь священника Кириллова Меланья Ивановна вышла замуж за некоего Герасима Медведева, не совсем ясно. Известен пономарь Герасим Гаврилов, неизвестно где служивший и когда умерший. Известно и два сына этого загадочного пономаря: старший Кондратий и младший Михаил. В первой половине XIX века Кондратий Герасимович Медведев служил в саратовских церквях, но он не сын Меланьи Ивановны: в ревизских сказках 1810-х годов показан его возраст: в 1811 году 29 лет, а в 1815-м - 33 года. Из этого следует, что о. диакон родился в 1782 году и был всего на год младше Меланьи Ивановны, да и самого священника он моложе всего на 21 год, почему никак не может приходиться ему внуком. Женой Кондратия Герасимовича Медведева была Мария Никифоровна, младше своего мужа на 10 лет. В 1815 году у них родилась дочь Павла, а в 1825-м - Манефа. Младший брат о. Кондратия Михаил в ревизских сказках саратовского духовенства за 1850 года назван малоумным; жил он при старшем брате<sup>11</sup>, вероятно, всю жизнь и умер, как и он, в 1850-х годах. Причина же регулярного упоминания Николаем Гавриловичем в своих письмах в Саратов священника Кондратия Медведева, объясняется, скорее всего, так: Чернышевские и Медведевы дружили семьями, потому что о. Медведев долгие годы служил в Крестовоздвиженском монастыре вместе с двоюродным дедом Чернышевского - священником Кудряшовым, а о. Кудряшов проживал с Чернышевскими в одном доме.

По опубликованным в настоящее время документам, в первую очередь по автобиографическим письмам Н.Г. Чернышевского, видно, что Голубев, Цыбулевский и Вязовский - зятья священника Кириллова. Помимо этих трёх лиц у о. Кириллова было ещё два зятя, которые устанавливаются по тем же клировым ведомостям Крестовоздвиженской

церкви. Ниже приводятся дочери священника Ивана Кириллова по порядку их рождения, с биографиями их мужей и иных родственников, о которых нам удалось собрать сведения. Следует указать, что во всех документах той эпохи даты рождения не назывались, а указывался возраст человека. Во всех случаях возраст брался нами из ревизских сказок духовенства города Саратова и Саратовского уезда за 1815 год, и только для Меланьи и Прасковьи с их мужьями возраст корректировался по клировым ведомостям Крестовоздвиженской церкви, так как последние являются более точным документом, чем ревизские сказки<sup>12</sup>. В дальнейшем ссылки на указанные документы нами не ставятся.

Старшая дочь священника Кириллова **Меланья Ивановна** (родилась в 1781 году) вышла замуж за диакона Крестовоздвиженской церкви бывшего женского монастыря **Димитрия Алексева**. Димитрий Алексеев был сыном умершего до 1814 года пономаря села Неклюдовки Аткарского уезда Алексея Григорьева. Родился он в 1781 году - в один год со своей женой. Ни разу ни в одном документе не названа фамилия о. Димитрия; может быть, у него, как и у его тестя, фамилии вообще не было. Но его брат Ефим Алексеев, служивший пономарём Введенской церкви Саратова, в ревизских сказках 1815 года показан под фамилией Пономарёв.

20 сентября 1797 года Дмитрий Алексеев был определён пономарём Николаевской церкви села Лопуховки Аткарского уезда, 11 октября 1801 года - пономарём же Казанской церкви Саратова, а 29 июля 1803 года рукоположен во диакона в Крестовоздвиженскую церковь бывшего женского монастыря. Последний раз он упоминается в списке саратовского духовенства за 1828 год, а жена его - в 1824 году.

В клировой ведомости за 1814 год и в ревизских сказках 1815 года в семье диакона показана дочь Елизавета 7 лет и сын Яков 3 лет, а в клировой ведомости 1824 года дети уже не названы. Причины этого неизвестны. Дочери к этому времени было уже 17, и она вполне могла выйти замуж, а сын уже умер.

Вторая дочь **Пелагея Ивановна** (родилась в 1785 году) вышла замуж за **Георгия (Егора) Ивановича Голубева**. Это - дед и бабушка Н.Г. Чернышевского по материнской линии. Протоиерей Голубев родился в 1781 году (в 1815 году ему 34 года), в последние годы XVIII века стал настоятелем Сергиевской церкви Саратова (его неоднократно упоминает в своём дневнике протоиерей Н.Г. Скопин), в 1814-м был возведён в сан протоиерея, а весной 1818 года он умер. Дед Чернышевского по матери до сих пор остаётся загадочной личностью. Относительно его отца Ивана имеется предположение, что это неоднократно упоминающийся в дневниках священника Г.А. Скопина священник Рождество-Богородицкой церкви Саратова Иван Иванович Голубев (умер 12 июня 1795 года)<sup>13</sup>. Есть и ещё одно предположение: отцом Ивана Ивановича Голубева мог быть священник Иван Фёдоров.

Иван Иванович Голубев, судя по дневнику саратовского священника Г.И. Скопина, был священником Рождество-Богородицкой церкви Саратова в 1780-х - начале 1790-х годов, и священник Иван Фёдоров долгие годы служил именно в этом храме: впервые он упоминается на этом месте в 1758 году, а умер он 11 августа 1777 года, и умер скоропостижно, как и Георгий Иванович, что также может быть признаком родства<sup>14</sup>. Иван Иванович Голубев, судя по наличию фамилии, окончил семинарию, вероятно, Астраханскую, поэтому вполне реально, что его назначили священником на место умершего отца.

В документах упоминается ещё один Голубев, служивший в Саратове в начале XIX столетия: протоиерей Алексей Иванович. Он родился в 1774 году (в 1815 году ему 41 год), а умер он около 1821 года, то есть тоже не старым. Вероятнее всего, он является родным братом Георгия Ивановича Голубева – деда Н.Г. Чернышевского по линии матери.

Все наши предположения относительно Голубевых основаны только на сходстве фамилий (у кого они есть), едином месте службы в Саратове и смертью всех Голубевых в сравнительно молодом возрасте. Никаких доказательств этому нет, а опровергнуть или утвердить сказанное выше могут дать только материалы четвёртой и пятой ревизий (1782 и 1795 годов) и клировые ведомости церковей конца XVIII - начала XIX веков, где служили Голубевы, которые отсутствуют в ГАСО.

Третья дочь **Прасковья Ивановна (1789 года рождения)** вышла замуж за **Николая Ивановича Кудряшова (Николая Иванова)**. Священник Николай Иванович Кудряшов родился в 1787 году (в 1824 году 37 лет). Сын священника Христо-Рождественской церкви села Лисичкина Аткарского уезда Иоанна Козьмина (умер до 1824 года). В 1824 году с ним показана его мать вдова Параскева Лаврентьева (родилась в 1756 году). В 1810-1820-е годы священник везде проходит под именем Николай Иванов, и только в списке саратовского городского духовенства за 1828 год у о. Николая впервые появляется фамилия Кудряшов.

Свою службу о. Николай начал указным дьячком одной из Богоявленских церковей Петровска (неизвестно какой: или Инсарской, или Труевской) (19 октября 1801 - осень 1802). 30 ноября 1802 года посвящён в стихарь к Рождество-Богородицкой церкви Саратова во дьячка (осень 1802 - 1 октября 1803). Дьячок Троицкого собора Саратова (1 октября 1803 — весна 1814). 15 апреля 1814 года рукоположен во диакона к Введенской церкви Саратова. 6 августа 1821 года рукоположен во священника в Крестовоздвиженскую церковь (сначала приходскую, а с 1829 года монастырскую), на место своего уволившегося за штат тестя о. Кириллова. В качестве монастырского священника о. Кудряшов последний раз упоминается в 1846 году<sup>15</sup>. Умер он не позднее 1850 года. Жена о. Николая Прасковья Ивановна тоже умерла до 1850 года: в

ревизских сказках за этот год (9-я ревизия) в числе заштатного духовенства монастыря показан только сын Кудряшовых Иван Николаевич Виноградов со своими женой и сыном<sup>16</sup>.

В семье священника Кудряшова родилось двое сыновей, оба Иваны: первый прожил недолго (1811 - 1812); второго сына, очевидно, в память умершего первенца, родители также назвали Иваном (1816 - после 1855). Впоследствии именно этот Иван Николаевич стал учителем Саратовского духовного училища; фамилия его была Виноградов.

**Иван Николаевич Виноградов**, как и все остальные родственники Чернышевского, был великороссом. Учился в Саратовском духовном училище (1824 - 1830), а потом в Саратовской духовной семинарии, которую окончил 15 июля 1836 года по 2-му разряду.

Учитель греческого языка с соединёнными предметами в низшем отделении 2-го Саратовского духовного училища (20 июля 1836 - 20 декабря 1838). Перемещён учителем 2-го Саратовского духовного училища высшего отделения на тот же предмет (20 декабря 1838 - 13 августа 1847). «По случаю переведения 2-го Саратовского училища в город Волгск и за неимением вака[н]тного места в высшем отделении 1-го училища, оставшагося в городе Саратове», по собственному прошению перемещён в низшее отделение (13 августа 1847), и снова в высшее отделение (25 апреля 1849). Перемещён с греческого на латинский язык с соединёнными предметами (в заголовке: учитель латинского языка и Катехизиса) (24 сентября 1854 - после 1855). 20 апреля 1851 года по прошению уволен из духовного звания в светское.

«За ревностное и исправное прохождение должности по училищу» объявлена благодарность семинарского Правления (20 сентября 1842). «По случаю ревизии училища, за исправное и усердное прохождение им должности учителя», объявлена благодарность семинарского Правления (25 января 1855).

Рост Виноградова по чинам выглядит так. Произведён в коллежские регистраторы со старшинством с 20 июля 1840 года; в губернские секретари со старшинством с 20 июля 1844 года; в коллежские секретари со старшинством с 20 июля 1848 года; в титулярные советники со старшинством с 20 июля 1852 года.

О поведении Ивана Николаевича и его служебных достоинствах послужные списки регулярно отмечают: «Поведения честнаго, исправен и надежен» (1846); «Способен и достоин» (1855).

В 1855 году по должности учителя И.Н. Виноградов получал 150 рублей 15 копеек. Казённой квартиры у него не было. Знаков отличия тоже не имеет. Зато у родителей в Саратове показан благоприобретённый каменный одноэтажный флигель.

Женой И.Н. Виноградова была Наталия Никитична (умерла после 1855). Дети: Константин (24 декабря 1842 года) и Пётр (19 декабря 1854 года)<sup>17</sup>.

Четвёртая дочь **Анна Ивановна** (родилась в 1790 году) вышла замуж за **Фёдора Осиповича Цыбулевского**. Священник Фёдор Осипович Цыбулевский родился в 1787 году (в 1815 - 28 лет). В 1810-е годы он служил настоятелем Петропавловской церкви Покровской малороссийской слободы (что ныне город Энгельс); позднее он перебрался в Саратов, и был здесь священником 2-го штата Вознесенско-Горянской церкви Саратова. Умер о. Феодор до 1850 года; может быть, именно в 1850-м: священник Позднев на его место был назначен именно в этом году. В ревизских сказках 1815 года про детей у Цыбулевских ничего не написано; может быть, их и не было. Анна Ивановна умерла в 1853 году и ныне покоится в усыпальнице Чернышевских на Воскресенском кладбище.

Старший брат о. Феодора священник **Георгий Иосифович (Осипович) Цыбулевский** (1783 - после 1815) в 1810-е годы был настоятелем другого храма Покровской слободы - Покровского. В ревизских сказках 1815 года показаны его жена Анна Григорьевна (1786 - после 1815) и дети Иван 5 лет и Александр 1 года.

Самая младшая дочь священника Кириллова, пятая, **Мария Ивановна** (родилась в 1795 году) вышла замуж за **Фёдора Степановича Вязовского**. В начале XIX века вторым священником Христо-Рождественской церкви села Вязовки Саратовского уезда был Стефан (Степан) Петров, родившийся в 1770 году. Начал он служить в вязовской церкви до 1811 года и продолжал служить в ней в 1815-м; более никаких сведений о нём нет. Женой о. Стефана была Аграфена Петровна, одного года рождения с мужем. У них родилось четверо детей: Фёдор (1789 - 1856), Прокопий (1794 - после 1815), Александра (1802 - после 1815) и Егор (1809 - после 1815). Фёдор и Прокопий учились в семинарии, только первый окончил её в 1813 году, а последний завершил образование позже брата (показан учеником семинарии в 1811-1815 гг.). Дальнейшая судьба детей о. Стефана неизвестна, но священниками Христо-Рождественской церкви села Вязовки почти весь XIX и самое начало XX века (до 1905 года) были Вязовские, скорее всего родственники о. Феодора по линии одного из его братьев (может быть, Прокопия).

Фёдор Степанович учился в Пензенской духовной семинарии до окончания богословского курса; в семинарии он и получил фамилию Вязовский, происходящую от имени его родного села. Сразу по окончании семинарии он стал настоятелем Казанской церкви Саратова (1813 - 1826); рукоположен во священника 6 декабря 1813 года. Прошло пять лет, и молодой священник был возведён в сан протоиерея (18 мая 1818 года). Очевидно, чтобы стать протоиереем в возрасте 31 года, было недостаточно только семинарского образования, а необходимы и другие заслуги. После открытия штата причта в новом Александро-Невском Кафедральном соборе Саратова о. Вязовский стал в нём священником 3-



го штата (1826 год), через три года ключарём (вторым священником), а 15 января 1831 года был назначен кафедральным протоиереем и прослужил в этой должности до самой смерти в 1856 году. Долгое время о. Феодор был членом Саратовской духовной консистории (1828 - 1842). После смерти о. Феодора кафедральным протоиереем стал муж его племянницы - протоиерей Гавриил Иванович Чернышевский.

Протоиерей Вязовский умер 16 августа 1856 года. Похоронили его через три дня, 19 августа на Воскресенском кладбище против южных ворот. Разумеется, было бы наивным искать могилу протоиерея в наши дни: она давным-давно исчезла, как и южные ворота церкви. «Сверх должности по Собору, он был долгое время Законоучителем Гимназии, с сааго открытия Епархии Членом Консистории и Экономом Архиерейскаго Дома был по самую смерть. Старец сей был строгой жизни, рачителен к пользам Собора и Дома Архиерейскаго, строг и добр к подчинённым»<sup>18</sup>.

В браке с Марией Ивановной у о. Вязовского было две дочери: Лариса (родилась в 1815) - вышла замуж за Якова Андреевича Розанова и Александра (родилась в 1820 году) - вышла замуж за профессора Саратовской духовной семинарии Михаила Ивановича Смирнова. Розанов был одним из четырёх первых преподавателей Саратовской духовной семинарии. Окончив Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, он был назначен учителем в Саратовскую семинарию по физико-математическим наукам и немецкому языку. Прослужив в семинарии десять лет, Розанов в 1840 году вышел в отставку, был рукоположен во священника и впоследствии служил в Александро-Невском соборе Саратова, а потом, уже в сане протоиерея, настоятелем Троицкого собора Камышина, в каковой должности и умер. Смирнов был моложе Розанова; он окончил ту же Московскую духовную академию в 1840 году и в феврале 1841 был назначен на место Розанова в семинарию учителем физико-математических наук. Он прослужил в семинарии очень долго, выйдя в отставку только во второй половине 1870-х годов; умер Смирнов 24 июля 1880 года<sup>19</sup>.

Интересна судьба потомков М.И. Смирнова, разысканная Колпаковым. По составленной им родословной у Смирнова родилось две дочери (Антонина и Ольга) и сын Сергей. У Сергея Михайловича Смирнова и его жены Веры Фёдоровны было четверо детей: Сергей (1894 - 1954), Лидия (1898 - 1939), Антонина (1900 - 1974) и Валентина (1905 - 1984). Лидия Сергеевна Смирнова, правнучка саратовского кафедрального протоиерея и внучка преподавателя Саратовской духовной семинарии, вышла замуж за Бориса Петровича Шеболдаева - первого секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) в 1928 - 1930 гг., а впоследствии расстрелянного «врага народа».

<sup>1</sup> Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея *Н.Г. Скопина* // Саратовский сборник. Саратов, 1891. С. 132; Ревизские сказки духовенства города Саратова и Саратовского уезда (1815 год) // ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 186. Л. 11 об.-12.

<sup>2</sup> Клировая ведомость Крестовоздвиженской церкви бывшего женского монастыря Саратова за 1814 год // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 9183; то же за 1824 год // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 9185.

<sup>3</sup> *Чернышевская Н.М.* Летопись жизни и деятельность Н.Г. Чернышевского. М., 1953. С. 12.

<sup>4</sup> Троицкая церковь Саратова. Метрическая книга за 1830 — 1840 гг. // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 9538.

<sup>5</sup> Архив Саратовской духовной консистории // Саратовские епархиальные ведомости (далее: СЕВ). 1895. № 19. Офиц. отдел. С. 365-366; Ревизские сказки духовенства Петровского и Сердобского уездов за 1816 год // ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 251. Л. 400 об.

<sup>6</sup> Краткие сведения о церквах, существующих при них причтах и прихожанах. С. 496; Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912. С. 355.

<sup>7</sup> <http://www.eparhia-saratov.ru>.

<sup>8</sup> *Жеребцов А.И.* Кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря. Саратов, 1911. С. 8.

<sup>9</sup> *Юрьев В.* История Саратовского Крестовоздвиженского женского монастыря. Саратов, 1902. С. 50-52.

<sup>10</sup> Ревизские сказки духовенства Петровского и Сердобского уездов за 1816 год // ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 251. Л. 400 об.-402.

<sup>11</sup> Ревизские сказки духовенства города Саратова и Саратовского уезда (1815 год) // ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 186; то же города Саратова (9-я ревизия, 1850 год) // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2232.

<sup>12</sup> Ревизские сказки духовенства города Саратова и Саратовского уезда (1815 год) // ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 186; клировая ведомость Крестовоздвиженской церкви бывшего женского монастыря Саратова за 1814 год // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 9183; то же за 1824 год // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 9185.

<sup>13</sup> Дневник происшествий Г.А. Скопина // Саратовский сборник Т. 1. С. 36.

<sup>14</sup> Там же. С. 15.

<sup>15</sup> Дело с ведомостью о духовенстве города Саратова за 1846 год и переписка о пьянстве пономаря П. Румянцева и диакона А. Рождественского // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1879.

<sup>16</sup> Ревизские сказки духовенства по городу Саратову (9-я ревизия, 1850 год) // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2232. Л. 54 об.-55.

<sup>17</sup> Послужные списки преподавательского состава Саратовской духовной семинарии и духовных училищ Саратовской губернии за 1845/46 учебный год // ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1975. Л. 32 об., 71; то же за 1854/55 учебный год // ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3281. Л. 54 об.-55 об., 105-106.

<sup>18</sup> Памятные записки по Александро-Невскому кафедральному собору Саратова // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8832. Л. 13 об.

<sup>19</sup> *Покровский В.М.* Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // Труды СУАК. Вып. 22. С. 44-45; Памяти Михаила Ивановича Смирнова (ум. 24 июля 1880 года) // СЕВ 1881. № 29. Неофиц. отдел. С. 234-236.

## РОМАН Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»: Вопросы текстологии

Судьба романа «Что делать?» сложилась драматично. Автор писал его, будучи политическим заключённым, находясь в тюремной камере Петропавловской крепости. Текст отправлялся с дозволения властей в журнал в печать отдельными частями, и в конечном счёте факт опубликования романа в журнале «Современник» до сих пор остаётся не вполне объяснённым<sup>1</sup>.

Рукопись, с которой производился набор, не сохранилась, неизвестны и корректурные листы. Чернышевский был лишён возможности следить за прохождением романа в печать, и остаётся неизвестной степень вмешательства в текст романа другими участниками публикации: редакторами «Современника», цензорами и т.д. Спустя много лет, когда исследователям стали доступны жандармские архивы, была обнаружена черновая рукопись «Что делать?», опубликованная в 1929 году<sup>2</sup>. Чернышевский подверг черновик сильной переделке, но установить степень авторской правки не представляется возможным ввиду отсутствия белой рукописи. К тому же в черновике отсутствовало окончания произведения, а именно последняя часть пятой главы (§§ 19-23) и вся шестая глава. Таким образом, единственным источником текста романа остаётся журнал «Современник» (1863. №№ 3, 4, 5), который и перепечатывался во всех последующих изданиях.

Однако журнальная редакция «Что делать?» не была безукоризненной в текстологическом отношении: много буквенных и иного рода опечаток, типографских ошибок, ведущих к искажению смысла слов, встречались случаи путаницы в именах, повторения или пропусков слов и даже целых строк.

Первое научное изучение текста было осуществлено Н.А. Алексеевым и А.П. Скафтымовым при подготовке романа к печати в его журнальной и первоначальной редакциях в составе Полного собрания сочинений<sup>3</sup>. Однако не все ошибки журнала были устранены, и при новом наборе в текст произведения вкрались новые погрешности. Дальнейшее тщательное текстологическое обследование романа предприняли Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер в 1975 году<sup>4</sup>. Ими внесено более ста исправлений различного рода<sup>5</sup>. Приведём наиболее существенные: «еще увидятся» вместо «увидеться еще», «захвалить» вместо «хвалить», «заработанной» вместо «заработной», «забывал» вместо «забыл», «держался» вместо «придерживался», «мною» вместо «много», «вдвое» вместо «вдовое», сохранены написания в соответствии

с произношением времени Чернышевского: «замужство», «мебелью», «гошпиталь», «фортопьяно», кроме того, в середину фразы, где это полагается, введены, как у Чернышевского, восклицательный и вопросительный знаки.

Между тем, текстологическое обследование «Что делать?» продолжалось. Для ленинградского издания 1976 года С.А. Рейсером было внесено несколько дополнительных уточнений и исправлений текста<sup>6</sup>. Например: «надобно поскорее повенчаться» вместо «надобно повенчаться», «никто» вместо «никогда», «Румунами» вместо «румынами».

Казалось бы, исправленный специалистами текст должен был послужить отправным при его переизданиях. Но этого не произошло. К сожалению, в издательской практике сложилось так, что работники издательств не всегда следили за научным изучением романа. Какие-то сведения они могли бы получить от тех, кому поручалось написание вступительных статей, послесловий или комментариев. Однако разобщённость действий приносила свои плоды: текст издавался сам по себе, научный аппарат издания, если таковой заказывался, составлялся отдельно. Из проанализированных нами 30-ти изданий романа, появившихся после 1975 года, только 17 назвали источником выправленный текст 1975 года<sup>7</sup>, но лишь 6 из этих 17-ти буквально следовали тексту 1975 года<sup>8</sup> в остальных 11-ти текст воспроизводился с различными нарушениями. В редких случаях издатели учитывали и текст 1976 года издания<sup>9</sup>.

Другие издательства (в нашем списке 13 наименований) по-прежнему перепечатывали роман из Полного собрания сочинений<sup>10</sup>. К большому сожалению, подавляющее число в этом списке составляют издания, рекомендуемые школьникам.

Особую досаду вызывает издание «Что делать?» 1977 года, адресованное ученикам средних школ и учителям словесности<sup>11</sup>. Источником текста здесь показано издание 1975 года. Однако по явному недосмотру в книге допущены ошибки, которых не имел не только указанный источник, но и текст, опубликованный в 1939 году. Например, выпало авторское посвящение: «Посвящается моему другу О.С.Ч.» (то есть жене Ольге Сократовне Чернышевской) (С. 19)<sup>12</sup>. В результате становится неясным, к какому месту начала текста под названием «Дурак» относится пояснение об «О.С.Ч.» (С. 469). После слов «Кто же стреляется на мосту?» (С. 21) выпущено: «Как же это на мосту?» (С. 8 в изд. 1975 г.). Во фразе «Нам ещё тяжелее было» (С. 24) вместо «тяжелее» нужно печатать так, как написано у Чернышевского – «тяжеле» (С.11 в изд. 1975 г.). Неточно указано, что Чернышевский работал над романом «по 2 марта 1863 г.» (С. 469). В действительности 2 марта роман был закончен вчерне, но автор продолжал работать над текстом, и он сам проставил дату окончания этой работы – 4 апреля 1863 г. (С. 466)<sup>13</sup>.

Отмеченные недостатки актуализировали необходимость продолжения текстологического изучения романа Чернышевского. Такую работу частично провела известный исследователь Чернышевского Н.Н. Наумова, которая в 1979 году предприняла попытку дополнить текстологические наблюдения С.А. Рейсера. Так, во фразе «Неглупые люди в одиночку не обольщаются» ею замечен пропуск слова «честные» («Неглупые честные люди в одиночку не обольщаются»). Значение пропущенного слова вполне раскрывается в контексте продолжения фразы. Читаем: «Но у них есть другой, такой же вредный вид этой слабости: они подвержены повальному обольщению. Плут не может взять ни одного из них за нос; но носы всех их, как одной компании, постоянно готовы к услугам. А плуты, в одиночку слабые насчёт независимости своих носов, компаниально не проводятся за нос. В этом вся тайна всемирной истории» (С. 65 по изд. 1975 г.) Во фразе о Лопухове в изд. 1975 г. напечатано: «...его рука так же готова и так же надёжна, как рука Лопухова» (С. 263). Исследователем исправлено по «Современнику» (и по смыслу): «...надёжна, как рука Кирсанова». Муж квартирной хозяйки Лопуховых – Данилыч – назван «Петрович» (С. 120)<sup>14</sup>.

В те же годы текстологическим обследованием «Что делать?» занималась известный исследователь-текстолог М.И. Перпер<sup>15</sup>. В начале марта 1976 года она получила от С.А. Рейсера книгу «Что делать?» (Л., 1976)<sup>16</sup> с точным обозначением внесённых им в текст романа исправлений (их 21) и опечаток (их 3). М. И. Перпер вновь провела фронтальную проверку текста, указывая на полях книги свои исправления. Она не публиковала результаты своих наблюдений, но однажды прислала нам этот экземпляр «Что делать?». Чтобы отличить свои пометки от рейсеровских, она пользовалась красным или жирным зелёным цветом, в некоторых местах использовался простой чёрный карандаш. Ввиду научной ценности проделанного М.И. Перпер текстологического труда, приводим здесь некоторые, особо важные её исправления текста романа с указанием страниц присланной книги.

С. 21, строка 14 сверху. Вместо: как же это на мосту? – как же это, на мосту?

С. 22, 4 св.: Мы его увидим – Мы все его увидим

С. 28, 8 снизу: Их мнениями – Их мнением

С. 38, 23 св.: нельзя не быть злой! – нельзя мне не быть злой!

С. 46, 15 св.: было послушать – было бы послушать

С. 146, 22 св.: хотите разлучать – хотите разлучить

С. 153, 17 сн.: так и я уйду – так я уйду

С. 171, 21 сн.: Qeadum – q-e-e-a-dum (внизу чёрным карандашом М.И. дала всю фразу по-латыни: Quod erat dtmonstrandum)

С. 201, 21 св.: И тревога сама не была – И тревога сама по себе не была

С.230, 16 св.: потому что честность – потому честность

С. 260, 20 св.: на колени к нему – на колена к нему

С. 262, 19 св.: веселою, это даже – веселою и это даже

С. 269, 13 св.: говорит проникательный читатель в восторге от своей догадливости – говорит проникательный читатель. – «Конечно», – отвечаю я. – «Да он и не застрелился, - я с самого начала знал, что не застрелился!» - вопиет проникательный читатель в восторге от своей догадливости

С. 288, 14 св.: и в ответ на мои насмешки – в ответ на мои насмешки

С. 289, 3 св.: и Баден во Францию – и Баден, потом во Францию

С. 329, 16 св.: он только заботится – он столько заботится

С. 339, 8 и 4 св.: милый мой друг – милый друг мой

С. 353, 13 св.: его рука так же – его рука была так же

С. 364, 17 св.: развивается временем – развивается со временем

С. 377, 1 св.: равноправность. Без него – равноправность, равенство. Без него

С. 441, 25 св.: и я сама ничего не знаю – я и сама ничего еще не знаю

Полагаем, М.И. Перпер сообщила С.А. Рейсеру о своих наблюдениях, его отклик нам неизвестен. Возможно, не все они были им приняты. Но факт остаётся фактом: он не успел подготовить новый исправленный текст романа Чернышевского. Между тем, проблема остаётся, и кто бы ни взялся за подобный труд, указанные М.И. Перпер текстологические поправки непременно должны быть учтены (всего их 77).

Из анализа наличного текстологического материала следует, что мы до сих пор не располагаем окончательно выверенным текстом романа «Что делать?» и проблема его издания продолжает оставаться актуальной.

#### Примечания

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Рейсер С.А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подг. Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер. Л.: Наука, 1975 (Литературные памятники). С. 782–833. В дальнейшем: *Что делать? (1975)*; *Пинаев М.* Загадка издательского феномена романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» // *Волга (Саратов)*, 1986. № 4. С.188, 190; *Демченко А.А.* Писатель – Журнал – Власть: Из цензурной истории романа «Что

делать?» // Цензура как социокультурный феномен: Науч. докл. / Под ред. И.Ю. Иванюхиной. Саратов: «Новый ветер», 2007. С. 65–77.

<sup>2</sup> Чернышевский Н.Г. Что делать? (роман, писанный в Петропавловской крепости) в первоначальном виде. Под редакцией и с примечаниями Н.А. Алексева М.: Изд-во политехнорган, 1929; Черновая редакция романа заново перепроверена и воспроизведена в изд.: *Что делать?* (1975). С. 345–714.

<sup>3</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В XVI т. М., 1939–1953. Т. XI.

<sup>4</sup> Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подг. Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер. Л.: Наука, 1975 (Литературные памятники).

<sup>5</sup> *Что делать?* (1975). С. 815–817; Орнатская Т.И. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». К истории текста // Русская литература. 1977. № 3. С. 115–127.

<sup>6</sup> Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / вступ. ст. Н. Наумовой. Л.: Худож. лит., 1976.

<sup>7</sup> См. изд.: Л.: Худож. лит., 1976 (вступит. ст. Н. Наумовой); М.: Моск. рабочий, 1976 ( в составе кн.: Чернышевский Н.Г. Избранное / сост. вступ. ст. и примеч. Л.М. Крупчанов); М.: Худож. лит., 1978 (вступ. ст. Ю. Мелентьева, примеч. П. Николаева); Л.: Худ. лит., 1978 (в составе кн.: Чернышевский Н.Г. Избр. произв.: В 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Н.И. Пруцкова, коммент. С.А. Рейсера); М.: Сов.Россия, 1980 (коммент. С.А. Рейсера); М.: Правда, 1980 (вступит. ст. Б. Рюрикова, коммент. С.Рейсера); М.: Худ. лит., 1980 (вступ. ст. Ю. Мелентьев, примеч. П. Николаев); Пермь: Кн. изд-во, 1981 (коммент. С.А. Рейсера); Киев: Дніпро, 1982 (вступ. ст. Н.М. Нагорной, примеч. С.А. Рейсера); М.: Худож. лит., 1984 (вступ. ст. Ю. Мелентьева, примеч. П. Николаева); Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985 (послесловие А.А. Демченко), М.: Правда, 1985 (вступ. ст. Б. Рюрикова, коммент. С. Рейсера); М.: Худож. лит., 1985 (вступ. ст. и примеч. П. Николаева); М.: Правда, 1987 (вступ. ст. Б. Рюрикова, коммент. С. Рейсера); Львов: Каменор, 1989 (вступ. ст. В.Л. Сердюченко); М.: Худ. лит., 1989 (в составе кн.: Чернышевский Н.Г. Избранное (вступ. ст. П.А. Николаева, примеч. У.А. Гуральника).

<sup>8</sup> См. изд.: Л.: Худож. лит., 1976 (вступит. ст. Н. Наумовой); Л.: Худ. лит., 1978 (в составе кн.: М.: Худож. лит., 1978 (вступ. ст. Ю. Мелентьева, примеч. П. Николаева); Л.: Худ. лит., 1978 (в составе кн.: Чернышевский Н.Г. Избр. произв.: В 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Н.И. Пруцкова, коммент. С.А. Рейсера); М.: Худ. лит., 1980 (вступ. ст. Ю. Мелентьев, примеч. П. Николаев); М.: Худож. лит., 1985 (вступ. ст. и примеч. П. Николаева).

<sup>9</sup> См. изд.: М.: Худож. лит., 1978 (вступ. ст. Ю. Мелентьева, примеч. П. Николаева); Л.: Худ. лит., 1978 (в составе кн.: Чернышевский Н.Г. Избр. произв.: В 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Н.И. Пруцкова, коммент. С.А. Рейсера).

<sup>10</sup> См. изд.: Кишинев: «Лумени», 1976 (вступ. ст. и примеч. Н.В. Богословского); Киев: Дніпро, 1976 (вступ. ст. В.А. Капустина); Саратов: Обл. кн. изд-во, 1977; М.: Детская литература, 1977, (вступ. ст. и примеч. Н.В. Богословского); Алма-Ата: «Мектеп», 1979 (предисл. Б. Рюрикова); М.: Просвещение, 1979 (вступ. ст. и примеч. Н.В. Богословского); Минск: Народная асвета, 1980; М.: Детская литература, 1981 (вступ. ст. и примеч. Н.В. Богословского); М.: Просвещение, 1982 (вступ. ст. и примеч. Н.В. Богословского); Киев: Радянська школа, 1984 (вступ. ст. и примеч. Н.В. Богословского); М.: Детская литература, 1986 (вступ. ст. и примеч. У.А. Гуральника); М.: Московский рабочий, 1988 (вступ. ст. и примеч. М.С. Горячкиной).

<sup>11</sup> Н.Г.Чернышевский. Что делать? Критика и комментарий. Темы и развёрнутые планы сочинений. Мат-лы для подг. к уроку. Кн. для ученика и учителя. / Сост., коммент., справочник, метод. мат-лы В.М.Сотникова. М.: Олимп 000 изд. АСТ., 1997. Книга без изменений издавалась в 1998 и 2001гг.

<sup>12</sup> В скобках указаны страницы рассматриваемого издания 1997 года (см. примеч. 11).

<sup>13</sup> Подробнее см.: Демченко А.А. Новая книга о Чернышевском // Литература в школе. 2001. № 2. С. 46–47.

<sup>14</sup> Наумова Н. Оплошности солидного издания // Вопросы литературы. 1979. № 1. С. 247–248.

<sup>15</sup> См. о М.И. Перпер: Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 252–272.

<sup>16</sup> Там же. С. 271–272.

**Т.С. Конкина**

## **ГАЗЕТА КАК СРЕДСТВО ФЕНОМЕНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО (По материалам фондов музея Н.Г. Чернышевского)**

Среди уникальных материалов музея Н.Г. Чернышевского особое место принадлежит коллекции «Газеты и газетные вырезки дореволюционного периода». Она содержит 1231 единицу. Своеобразное собрание «живых голосов» давно ушедшей эпохи хранит свидетельства о накале страстей конца 19 - начала 20 веков, глубококом драматизме этого времени, а также позволяет воссоздать истинную картину отношения в обществе к судьбе и личности Н.Г. Чернышевского.

Поразителен тот факт, что в эпоху отсутствия каких-либо более мобильных средств общественной информации, чем газета, Н.Г. Чернышевский получил такую широкую известность в разных социальных слоях не только России, но и всего мира, которая не может быть сравнима даже с известностью патриарших особ. Он стал духовным и интеллектуальным символом целой исторической эпохи, символом гражданского подвижничества.

А как относился сам Чернышевский к славе вообще? Однозначный ответ на этот вопрос помогает дать его дневник – интимная часть наследия, где юный Чернышевский касается самых сокровенных сфер жизни, в том числе развивает тему своего особенного предназначения, избранности, уготованности великого пути, научного или общественного. Дневник и адресован будущему биографу, о чем свидетельствует следующая запись: «Должно ли сказать, что я думаю довольно часто, хоть на один миг, об этих записках и жалею отчасти, что пишу их так, что другой не может прочитать. Если умру, не перечитавши хорошенько их и не переписавши на общечитаемый язык, то ведь это пропадет для биографов, которых я жду, потому что в сущности думаю, что буду замечательным человеком»<sup>1</sup>.

А.Ф. Раев<sup>2</sup>, вспоминая о прогулках с тринадцатилетним Чернышевским писал: «Наши разговоры вертелись более всего на вопросе о том, как нам поступать в высшее учебное заведение и что



делать по окончании в нем курса <...> Высказав ему, чего хотелось бы мне, я спросил его, чего он желал бы. С первого раза он уклонился от прямого ответа на этот вопрос, но потом сказал: славы я желал бы.»<sup>3</sup>. Так мыслит себя юный Чернышевский в будущем, в соответствии с такой установкой реализует себя в дальнейшей жизни. Он не сомневается, что его судьба «принадлежит истории... пройдут сотни лет, а о нас будут вспоминать с благодарностью», - писал он Ольге Сократовне из Петропавловской крепости. И... наряду с этим : «Если бы кто-нибудь покусился заговорить в хвалебном тоне о его талантах, - я уверен, он постарался б от него отделаться навсегда в 24 секунды»<sup>4</sup>. И в этих свидетельствах нет противоречия. Напротив, Чернышевский, как всегда, до педантизма верен собственным умозаключениям, в соответствии с которыми он понимает истинную славу только как признание потомками, т.е., теми, кто может судить об исторически значимых заслугах личности «хладнокровно», с определенного временного расстояния, говоря словами Н.Г. Чернышевского, «когда итоги подводит сама история».

В творческом наследии зрелого Чернышевского четко читается его отношение к проблеме «кумиротворения» (термин Чернышевского). Он выступает резким противником незаслуженного возведения личности в ореол славы. Так, в статьях, посвященных выходу первой биографии А.С. Пушкина, автором которой, как известно, был П.В. Анненков, Н.Г. Чернышевский высказывает убеждение, что детальная биография дает возможность, в первую очередь, объективно оценить значение исторической личности. Факты – лучший способ развеять легенды и узнать человека. Свое время Чернышевский считает объективным в отношении к Пушкину; теперь определился верный критерий суждений о поэте, так как «мерило для оценки воспитателя дается только деятельностью его воспитанников», и сегодня, когда итоги подводит сама история, создались условия, «при которых можно судить о Пушкине хладнокровно»<sup>5</sup>.

Ряд обстоятельств, как объективного, так и субъективного характера, способствовали тому, что Чернышевский стал одним из самых ярких кумиров для нескольких поколений. Его образ был мифологизирован, досоздан общественным, а точнее – народным осмыслением личности и судьбы. Он стал живым воплощением символа новой жизни, выражением народных чаяний в период социальной нестабильности после событий 1861 года, а затем переживания все новых и новых политических катаклизмов, связанных с волной терроризма и сменой политического режима в стране. Созданию общественно значимой концепции мемуарного образа Н.Г. Чернышевского в определенной степени способствовали газетные публикации.

Начало трагического периода в биографии Чернышевского зафиксировано газетой «Санкт-Петербургские ведомости»<sup>6</sup>. Номер

газеты, датированный 21 (9) мая 1864 года содержит краткое официально-законичное сообщение о предстоящей расправе над Н.Г.Чернышевским, но уже в нем содержатся те подробности, которые в сознании читателя не могли не стать знаковыми. Старейшая частная газета правительственного толка извещала: «19-го мая в 8 часов утра назначено публичное объявление на Мытнинской площади в Рождественской части, бывшему отставному титулярному советнику Николаю Чернышевскому (35 лет), высочайше утвержденного мнения Государственного Совета, которым определено: Чернышевского, виновного в сочинении возмутительного возстания и передаче онаго для тайного печатания, с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления, лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 7 лет и затем поселить в Сибири навсегда.»<sup>7</sup>.

В этом сообщении констатируется факт наличия в российском обществе сил, способствующих смене «существующего порядка управления». Даже те, кому не пришлось читать ни одного произведения Н.Г. Чернышевского, теперь ясно понимали, что Чернышевский – это тот, кто «тайно готовил свержение существующего порядка». Публично был назван реальный человек, за деятельностью которого просматривалась некая новая жизнь, что по своей сути, было знаковым событием для общественной жизни России того времени и явилось своеобразным спусковым механизмом для дальнейшей феноминизации личности писателя.

Уже в следующем, 1865 году, на страницах тех же «С.-Петербургских ведомостей» в номере от 6 августа 1865 г., несмотря на запреты, тема Чернышевского была продолжена. Здесь был опубликован двенадцатый очерк под названием «Многое объясняется» из цикла «Всякие. Нечто в роде повести» А.С. Суворина<sup>8</sup>. Очерк был опубликован под одним из литературных псевдонимов А.С. Суворина – А. Бобровский. Среди действующих лиц – Н.Г. Чернышевский, его образ выведен под именем Николая Гавриловича Самарского. Очерк Суворина стал первым художественно-публицистическим повествованием о судьбе опального писателя. Многие биографические детали, отмеченные талантливым журналистом своего времени, станут доминантами образа Н.Г. Чернышевского и в дальнейшем будут присутствовать во всех биографиях писателя<sup>9</sup>. Суворин пишет: «Он был преподавателем русской словесности в одном учебном заведении, где программы соблюдались особенно строго,- Самарский не держался этих программ, а спокойно взялся за Пушкина да за Гоголя... Благодаря такой методе, он продержался в заведении, как говорится, без году неделю. Инспектор раз пришел в его класс, пришел в другой, в третий – все Гоголь, да Гоголь... Самарский с первого взгляда не производил никакого внушающего впечатления. Говорил он тихо, спокойно повидимому<sup>10</sup>, ничего резкого

не проявлялось в речах его, и только ироническая, злая улыбка, которая сопровождала иногда слова его, оттеняла их... Он как будто рисовался этим спокойствием, которое было не что иное, как самая твердая уверенность в себе; это было спокойствие силы, которое, помимо диалектики – в ней тоже силен был Самарский – действовал обаятельно и неотразимо на многих. Трудно было найти человека более честного, более готового на всякое честное дело, более преданного тем убеждениям, которые он старался проводить в своей литературной деятельности и которых держался в жизни. С хорошим человеком он готов был поделиться всем; даровитому юноше он прокладывал дорогу, помогал всеми средствами; до страсти любя жену и предоставив ей полнейшую свободу, он чужд был ревности... он почти безвыходно жил в своем кабинете и не знал развлечений. Жизнь проходила мимо него, и он не имел почти возможности прямо наблюдать ее и раскусить людей как следовало бы»<sup>11</sup>.

Это повествование о Чернышевском рисует его в определенной степени уже как сверхчеловека, как личность уникальную, которой нет равных по многим позициям. «Кумиротворение» было начато этим произведением А.С. Суворина, где он акцентировал внимание читателей на таких чертах характера Н.Г. Чернышевского, как отрешенность от страстей, всецелостное погружение в осмысление судеб человечества, некоторая «чужаковатость» и отстраненность от обыденной суеты.

В 1866 году газетные очерки А.С. Суворина, с добавлением новых глав, были изданы отдельной книгой под псевдонимом автора, получившей название «Всякие. Очерки современной жизни». О Чернышевском в книгу, кроме названного очерка, вошла глава с рассказом о гражданской казни писателя. Описанный Сувориным безымянный «преступник», подвергшийся одной из самых унижительных расправ российской государственной системы над инакомыслящими, был безошибочно узнан современниками – это Н.Г. Чернышевский. Все в очерке не только по-репортерски точно воспроизводит ритуал казни, но и свидетельствует о глубоком и искреннем сочувствии автора, который был, несомненно, очевидцем описываемых событий. «Устроен эшафот; подъезжает карета с конвойными, в толпе небольшой, за ранним временем и дождем, проходит смутный говор. Вот и преступник, в очках, с белокурой бородой, болезненным исхудалым лицом... Приговор прочитан... Болезненное, гнетущее выражение принимает лицо преступника, когда ставят его на колени и железными кольцами прикручивают к позорному столбу. Толпа совершенно смолкла, только дождь льет по-прежнему и мочит непокрытую голову несчастного... Но вот преступника освобождают из железных колец; он поднимается. Вдруг из толпы кто-то крикнул: «Прощайте, прощайте!» - Кто сказал: «прощайте»? Все молчат и оглядываются друг на друга. Летит букет, другой...»<sup>12</sup>.

Публикация не только выражает авторское сочувствие Н.Г. Чернышевскому, здесь предпринята попытка передать и общественное мнение в отношении описанных событий, которое, видимо, уже к тому времени было в определенной степени сложившимся. Оно нашло выражение в двух ярких деталях повествования. Это многозначительное и многозначное «прощайте», в котором преобладает значение признания вины общества перед казнимым, в неспособности встать на его защиту, и «букет», летящий к ногам «преступника», как признание заслуг писателя перед соотечественниками.

Книга была признана опасной, подверглась сожжению. Одним из поводов к запрету книги было сочувственное изображение Самарского – Чернышевского и восторженного отношения к нему молодежи в момент гражданской казни. Суворин оказался под судом, приговорен к двум месяцам тюрьмы, которые были заменены тремя неделями гауптвахты<sup>13</sup>. Эти события, несомненно, способствовали росту внимания общественности к судьбе опального Н.Г. Чернышевского.

Подобные публикации, с одной стороны, формировали в обществе образ мученика, незаслуженно страдающего в сибирском заточении, с другой – являлись свидетельством мощного воздействия осмысления судьбы Н.Г. Чернышевского на определение жизненной позиции не только его современников, но и последующих поколений.

Газета – своеобразный коммуникативный инструмент, она с синхронной точностью зафиксировала все всплески общественного интереса к личности, судьбе и творческому наследию Н.Г. Чернышевского и способствовала стремительному развитию наметившихся в общественном сознании тенденций к «кумиротворению» писателя.

Ряд газетных публикаций начала 20 века с очевидностью демонстрируют факт феноминизации личности Н.Г. Чернышевского, фиксируют сложившееся отношение общества к нему, как к святыне. В частности, Петр Пильский – автор опубликованной в харьковской газете «Утро» статьи в номере от 17 октября 1909 г. сравнивает гражданскую казнь Н.Г. Чернышевского с Голгофой Христа: «Он (Н.Г. Чернышевский – Т.К.) верил в Голгофу, и когда пришлось взойти на нее твердо, как твердо уповал, твердо знал и ясно жил.

И для нас и для всех, кто будет жить в «пору прекрасную», Чернышевский останется редким примером героического фанатизма мысли, крепости веры, человеком редких сил, фигурой, изваянной из какого-то черного мрамора, не боящегося ни ударов грома, ни стрел грозы, ни самого времени, ибо и оно побеждается величием.»<sup>14</sup>.

Данная публикация дает основание утверждать, что Н.Г. Чернышевский стал своеобразным архетипом, образом коллективного сознания, общим для значительной части российского общества, он стал фундаментом его духовной сферы. Для многих

Н.Г.Чернышевский явился реальным моментом жизни, связанным эмоциональными и интеллектуальными связями с истиной, которая обладала высокой мерой сущности.

К 1918 году Н.Г.Чернышевский приобрел ореол недостижимой святости. Это фиксирует газета «Вечернее Слово»<sup>15</sup> от 24 июля 1918 г.: «Литературный период шестидесятых и семидесятых годов можно назвать периодом Чернышевского. Его дух царил и в публицистике, и в критике... и в изящной словесности... Это влияние усиливалось сказочным обаянием личности страдальца писателя, заживо похороненного в Сибири. Он был жив и мертв в одно и то же время. Легенда Чернышевского, властная и таинственная, действовала на чувства и разжигала мысль. Все, что так или иначе носило следы идейной близости к нему, было свято в глазах общества. До своей гражданской смерти он был силен своим пониманием «нового пути», своим умом и дарованием, а смерть принесла канонизацию, обратила слова писателя в Евангелие...»<sup>16</sup>.

Автор публикации четко расставляет акценты и выводит формулу, по которой сложилась всенародная слава Н.Г.Чернышевского: «Деятельность автора примечаний к Миллю и романа «Что делать?» оборвалась с большей неожиданностью и неестественностью, чем это могла бы сделать преждевременная смерть. Многие глубоко верили, что он воскреснет и, подобно священнику царьградской легенды, дослужит свою литературную и политическую обедню, как будто и не было мертвых годов ссылки...

Нельзя бороться с канонизированным вождем умственного движения, и без того молодого и могучего... В действительности оно (правительство – Т.К.) придало ему не человеческую силу и размеры невиданного великана.

Поразительно чуткий, он схватил сразу же настроение лучших умов той эпохи и отважно, искренно, ни в чем себя не жалея, повел дорогой, на которую они заглядывались.

Конечно, не Чернышевский создал то необозримо – громадное течение в русской литературе и в русской общественности, которое мы называем его именем. Оно приобрело в нем чистейшее знамя, обряд и догмат, жертву для таинства в следствие чисто внешних обстоятельств, бесспорно редких и удивительных.»<sup>17</sup>.

Газета «Русь» от 30 октября 1904 года в статье «Критические наброски» содержит интереснейшие подробности духовной атмосферы того времени. Запечатлена картина, колоритно передававшая ничем неодолимое стремление молодежи любыми способами заполучить произведения своего кумира Н.Г. Чернышевского. «Большинство отправлялось в те книжные норы Александровского рынка и других мест, где книги свалены в кучу, где покупатель должен производить своеобразные раскопки самостоятельно, долго и подчас бесцельно рыться

в пыли для того, чтобы найти что-нибудь для себя подходящее. Но зато сколько торжества было, когда находили. Не думаю, чтобы какой-нибудь археолог радовался выкопанному битому черепку больше, чем радовались находившие в этих норках какую-нибудь статью Чернышевского...

Счастливицу завидовали, брали у него находку, по очереди читали, делали выписки. Так, путем весьма тяжелых и недешевых раскопок подбирался «Чернышевский». Холодно в книжной норе. Руки коченеют, покрываются пылью, а своеобразный археолог ищет, листает книгу за книгой, покупает все, где только мелькает имя Чернышевского, уже не обращая внимания на то, попалась ли ему середина или только конец статьи. Потом подберется остальное, а не подберется, хорошо и то, что нашлось», - вспоминает автор, передавая тем самым высочайшую степень преклонения современников перед творческим наследием Н.Г.Чернышевского<sup>18</sup>.

Об огромной популярности автора романа «Что делать?» свидетельствует корреспонденция о конгрессе международного союза избирательных прав женщин в Стокгольме 1911 года, опубликованная в газете «Русское Слово» №134 от 12 июня 1911 г. Воспроизводится интервью представительницы русской делегации «женщины-врача П.Н. Шиткиной-Явейнь», которая в частности сообщила, что «на конгрессе предлагали женским организациям разных стран для усиления их средств устраивать ежегодно женские праздники, на которых чествовались бы женщины и мужчины, которые принесли наибольшую пользу женщинам страны... Некоторые предлагали автора «Дворянского гнезда», я стояла за Чернышевского, и когда к моему мнению присоединились другие, мы вспомнили, что нам не придется устраивать такого праздника, так как Чернышевский у нас в опале»<sup>19</sup>.

О международном резонансе ареста и ссылки Н.Г.Чернышевского свидетельствует несколько публикаций газетной коллекции и - это тема, которая требует специального рассмотрения. Здесь упомянем публикацию в газете «Новая жизнь» от 21 января 1912 года, из которой следует, что вклад Н.Г.Чернышевского в науку был оценен во всем мире. Автор пишет: «Ссылка Н.Г.Чернышевского возбудила в свое время удивление всего мира, в частности в Америке. Янки писали по поводу ссылки русского ученого, что интересы цивилизации, интересы прогресса страны диктуют заботливое отношение к науке и ученым, так как материальное развитие нации всецело покоится на успехах науки... Пусть у американцев разумно все то, что увеличивает богатства народов. Пусть разумно, по их мнению, то, что скрашивает жизнь человека, что повышает его опыт и жизнерадостность. Мы же поступаем наоборот... что неразумно с точки зрения американцев, то допустимо у нас.»<sup>20</sup>. Автор выражает глубокое сожаление, граничащее с недоумением, по

поводу насильственного со стороны властей запрета на деятельность Н.Г.Чернышевского - видного русского ученого.

Газетные публикации содержат подробности, свидетельствующие о существовании специфичного информационного пласта, сложившегося в результате фольклорного осмысления судьбы и личности Н.Г. Чернышевского. В частности, материал, опубликованный в газете «Одесские новости» от 27 августа 1909 г., который так и называется «Мифы и легенды о Чернышевском», полностью посвящен пересказу наиболее распространенных легенд о Чернышевском. Среди них молва, которая «приписывала Чернышевскому руководство революционным движением». А дата написания романа «Что делать?», якобы точно предсказывала выстрел Каракозова. Ходило также много слухов, каким образом «роман, написанный в крепости, попал в печать, несмотря на ярко выраженные в нем социалистические идеи. Молва называла различных высокопоставленных лиц, будто бы содействовавших этому... Все это указывает на то, что силы и влияние Чернышевского представлялись прямо сверхъестественными» - заключает автор<sup>21</sup>. В другой газете этого же времени рассказывается, что из кандалов Чернышевского делались браслеты, которые пользовались огромной популярностью среди юных особ. Главной темой девичьих разговоров было: «Удалось ли достать такой браслет».

Возникновение и бытование подобных легенд объясняется отсутствием, вернее правительственным запретом на любую информацию о судьбе Н.Г.Чернышевского, который абсолютно объективно являлся крупным общественным деятелем своего времени. А это значит, что запреты не могли остановить развитие интереса в обществе к судьбе этого человека, тем более столь драматичной. Автор уже упоминавшейся публикации газеты «Вечернее Слово» 1918 года, отмечал: «Без легенды Чернышевский и наполовину непонятен»<sup>22</sup>.

Таким образом, мифологизация, кумиротворение Н.Г. Чернышевского возникли в результате исторической потребности общества в сверхгерое. Стабильные эпохи почти не порождали мифологизацию исторических личностей, эпоха второй половины 19 - начала 20 веков была далека от стабильности, а судьба Н.Г.Чернышевского столь засекречена, что любая информация о писателе, появлявшаяся, несмотря на запреты, в средствах массовой информации, воспринималась как сенсационная, она будоражила общественное воображение, которое дорисовывало недосказанное. В результате, реальный Н.Г.Чернышевский и миф о нем слились воедино, общественно значимая концептуализация мемуарного облика писателя, его феноменизация, состоялись. Святость стала главной доминантой мемуарного образа Н.Г.Чернышевского, сложившегося в общественном сознании дореволюционного периода. Не случайно, Лорис-Меликов<sup>23</sup> был намерен в 1881 году ходатайствовать перед царем об освобождении

опального писателя, понимая необходимость приостановить этот процесс, приглушить хотя бы в некоторой степени мощное сияние ореола мученичества, исходившее от облика Н.Г.Чернышевского и способствовавшее все большему его возвеличиванию. Александр III при переводе Чернышевского в Астрахань предупреждал, чтобы Чернышевскому «по пути его следования не делалось никаких оваций»<sup>24</sup>. Сотворив себе кумира, общество осознало, сформулировало и транслировало через газету - тогда основное средство массовой коммуникации - желание увековечить память о Н.Г. Чернышевском, которое должно было выразиться в издании его творческого наследия, детальном изучении биографии, публикациях мемуаров и, наконец, - в создании музея. Все эти этапы с синхронной точностью свершавшихся фактов с яркой экспрессией и эмоциональностью запечатлены в газетах конца 19 - нач. 20 вв.

#### Примечания

<sup>1</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939-1950. Т. 1. С. 193.

<sup>2</sup> Александр Федорович Раев (1823-1901) троюродный племянник Н.Г. Чернышевского по линии отца, Гавриила Ивановича.

<sup>3</sup> Раев А.Ф. Записки о Н.Г. Чернышевском // Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Саратов, 1958. Т. 1. С. 76.

<sup>4</sup> Шаганов В.Н. Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Саратов, 1959. Т. 2. С. 122.

<sup>5</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 496.

<sup>6</sup> «Санкт-Петербургские ведомости» выходили в Петербурге в 1728-1917. 20 июля 1826 года здесь были опубликованы обвинительные материалы по делу декабристов. С 1847 г. газета выходит с подзаголовком «политическая и литературная». В 1863 году редактором становится либеральный деятель В.Ф.Корш. «С.-Пб. в.» при нем выступают в защиту реформ 60-х годов, занимая одно из первых мест в рядах умеренно-либеральной печати. (См.: Русская периодическая печать 1702-1894 гг. М., 1959. С.19-20).

<sup>7</sup> МУК «Музей Н.Г. Чернышевского» (далее - МНГЧ). ОФ. № 124.

<sup>8</sup> Суворин, Алексей Сергеевич [11(23).IX.1834, с. Коршево Бобровского у. Воронежской губ. 11(24).VIII.1912, Петербург] - публицист, театральный критик, писатель, издатель. В 1858 начал карьеру журналиста в провинциальных изданиях, печатался в «Современнике». В 1863 г. переехал в Петербург, где писал обозрение журналов в «Русском Инвалиде», сотрудничал в «Санкт-Петербургских Ведомостях» по 1874 г. под псевдонимами А. Бобровский, Незнакомец.

<sup>9</sup> А.С. Суворин был знаком с Чернышевским. Их знакомство состоялось в редакции «Современника» за несколько дней до ареста писателя. В 1862 году во 2 номере «Современника» была опубликована повесть А.В. Суворина «Солдат и солдатка».

<sup>10</sup> Сохранена орфография подлинника

<sup>11</sup> МНГЧ. ОФ. № 3842/203.

<sup>12</sup> Суворин А.С. Всякие Очерки современной жизни. Издание второе.- С.-Петербург, 1909. С.220-221.



<sup>13</sup> Суворин А.С. Всякие. Очерки современной жизни. Изд.2. С.-Пб., 1909. С. III.

<sup>14</sup> МНГЧ. ОФ. №3842391.

<sup>15</sup> Общественно-политическая и литературная газета «Вечернее Слово» издавалась группой сотрудников «Вечернего Времени». Редактор газеты Суворин Борис Алексеевич. Она была основана в 1911 г. А.С. Сувориным.

<sup>16</sup> МНГЧ. ОФ. №384935. Слово «евангелие» древнегреческое, и обозначает благою, то есть радостную, добрую весть, известие или благовестие, благовествование. В.И. Даль толкует это слово как «слово Божие о жизни». (Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т.1).

<sup>18</sup> МНГЧ. ОФ. № 3842176.

<sup>19</sup> Там же. № 3842486.

<sup>20</sup> Там же. № 3842752.

<sup>21</sup> Там же. № 3842410.

<sup>22</sup> Там же. № 384935.

<sup>23</sup> Лорис-Меликов (граф Михаил Тариелович, 1825-1888 гг.) - государственный и военный деятель России, генерал - адъютант. В начале 1879 года был назначен временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором с неограниченными полномочиями, а в апреле, в связи с покушением на Александра II, временным харьковским генерал-губернатором. После взрыва в Зимнем дворце 12 февраля 1880 года был назначен начальником Верховной распорядительной комиссии. С 6 августа 1880 года - министр внутренних дел и шеф жандармов. В биографии Лорис-Меликова имеется факт, свидетельствующий о личном знакомстве с Н.А.Некрасовым. В начале 40-х годов Лорис-Меликов «в Петербурге близко сошелся с Некрасовым, тогда еще безвестным юношей, и несколько месяцев жил с ним в одной квартире». (Энциклопедический словарь / Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1896. Т.ХVIII. С. 15).

<sup>24</sup> Газета «Известия» Саратовского Совета Р. И Кр. Д., Губисполкома и Губ. Ком. Р.К.П. (большев.) №241 от 30 октября 1919 г. МНГЧ. ОФ. №384930.

**И.Е. Захарова**

### **А.А. ЛЕБЕДЕВ – ИСТОРИК, КРАЕВЕД, БИОГРАФ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Александр Александрович Лебедев (1886-1930) родился в Саратове 14 ноября 1886 г. Его отец Александр Яковлевич Лебедев происходил из семьи священника Московской губернии. По окончании Московской Духовной Академии со званием кандидата богословия, служил в Саратовской Духовной семинарии, где преподавал богословие, историю, был специалистом по расколу и старообрядчеству<sup>1</sup>. Александр был старшим сыном в семье, и родители решили дать ему духовное образование. В 1896-1901 гг. он учился в Саратовском духовном училище<sup>2</sup>, по окончании поступил в Саратовскую духовную семинарию, которую закончил по первому разряду в 1907 году<sup>3</sup>. Свое образование он продолжил в Киевской духовной академии. Окончив ее в 1911 году, Лебедев был оставлен на год профессорским стипендиатом, где

специализировался по палеографии, библиографии, истории русской церкви и русской литературы.

Лебедева с юности привлекала исследовательская работа. Он рано начал публиковать статьи в журналах. С 1903 г. семнадцатилетний семинарист Александр Лебедев публикует работы о Н.В. Гоголе, Н.Г. Чернышевском, о курганах в Саратовской губернии, по истории раскола и старообрядчества, библиографии<sup>4</sup>.

Еще в период обучения в Киевской духовной академии 20 октября 1907 года Лебедев вошел в состав Саратовской губернской ученой архивной комиссии, которая нуждалась в профессионально подготовленных историках, а с 1913 года он уже был членом нескольких научных обществ: Русского библиологического, Археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, Псковского археологического, Истории древностей и природы в Ростове, Петровского общества исследователей Астраханского края, Витебской ученой архивной комиссии.

По выходе из академии Лебедев посвятил себя научной и преподавательской деятельности. В 1912 - 1920 гг. он занимался педагогической работой в Царицыне (Волгограде) и Саратове: преподавал латинский язык в Александровской мужской гимназии в Царицыне, в Саратовской первой мужской гимназии, в четвертой женской гимназии и в семинарии, позднее - на курсах Саратовского технического училища и в школе № 8 для взрослых<sup>5</sup>.

С 1914 года Лебедев стал сотрудником редакции журнала «Библиографический листок», издание которого в это время был переведено в Саратов. В эти годы он активно публикуется в «Трудах СУАК», на страницах журналов «Исторический Вестник», «Русская Старина». Основной темой его публикаций в эти годы является история Саратовской епархии и старообрядчества, много выходит библиографических и источниковедческих работ.

На рубеже 19 - 20 столетий большая группа членов СУАК публикует ряд статей, очерков, воспоминаний о Н.Г. Чернышевском с широким использованием архивных документов из семинарии, первой мужской гимназии, записей рассказов саратовских старожилов. Этой темой занимались Ф.В. Духовников, П.Л. Юдин, Н.Ф. Хованский, И.И. Воронов. В круг этих исследователей входил и А.А. Лебедев. Тема, связанная с именем Н.Г. Чернышевского и его семьей, начинает активно его интересовать еще в семинарские годы и во время учебы в Киевской Духовной академии. Среди публикаций - «К биографии Н.Г. Чернышевского (По поводу 20-летия со дня его смерти 1889-1909)» (Исторический вестник, 1910, № 1-2); «К биографии Н.Г. Чернышевского» (Исторический вестник, 1910, № 3); «Уголки Н.Г. Чернышевского в Саратове» (Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вельфа по литературе, науке и библиографии, 1910, № 7); «Духовников

Ф.В. Николай Гаврилович Чернышевский, с предисловием и примечаниями А. Лебедева» (Русская старина, 1910, № 12; 1911, № 1); «Г.И. Чернышевский как идеальный пастырь» (Приходской священник, 1912, № 6).

Особое место в научно-исследовательской работе Лебедева в студенческие годы занимало изучение и описание материалов по истории Саратовской епархии. К 1907 году он сумел отобрать и опубликовать ряд интереснейших документов, которые вышли в трех сборниках. Главной задачей этой работы являлось выявление того, что имеется в литературе и архивных материалах по истории епархии с начала ее открытия и особенно внимание Лебедев уделил времени Преосвященного Иакова (Вечеркова), Епископа Саратовского и Царицынского в 1832-1847 гг.<sup>6</sup>

Навыки работы по разбору и описанию документальных материалов в дальнейшем оченьгодились Лебедеву. Известно, что после революционных событий 1917-18 гг. в правление СУАК постоянно поступали тревожные сведения об истреблении, распродаже и расхищении архивов. Члены Комиссии самоотверженно занимались спасением документов и материалов. В 1818 году в комиссию поступили более 20 архивов, в том числе архивы бывшей канцелярии губернатора, губернского статистического комитета, духовной семинарии, Саратовской судебной палаты и другие<sup>7</sup>. Собранные документальные материалы необходимо было срочно разбирать и составлять описи. А.А. Лебедев также принимал участие в этой работе. Составленное им описание рукописей саратовской духовной семинарии было представлено на собрании Комиссии и получило высокую оценку. Эта работа, по отзыву Колокольцева «труд очень ценный и, безусловно, заслуживает напечатания», так и не была опубликована<sup>8</sup>.

Последние годы жизни А.А. Лебедева связаны с работой в фундаментальной библиотеке Саратовского университета. С 1920 года он читал курс истории книги для студентов Саратовского университета и некоторое время (до октября 1920 г.) служил в университетской библиотеке<sup>9</sup>. С 17 декабря 1921 года он заведовал библиотекой Института народного образования, но вскоре вернулся в университетскую библиотеку, где проработал почти 10 лет до своей кончины в 1930 году.

С 1 сентября 1921 года он служил помощником заведующего библиотекой университета; с 20 сентября 1923 года - заведующим систематическим каталогом<sup>10</sup>, а с 1924 года - помощником главного библиотекаря (директора). В 1929 году по болезни вынужден был уйти заведующий кабинетом рукописей А.А. Герасимов, и на заседании библиотечной комиссии было предложено «профессору Герасимову сдать отдел рукописей и старопечатных книг библиотеки А.А. Лебедеву»<sup>11</sup>. Со сменой заведующих изменяется и структура кабинета: к рукописям и старопечатным книгам церковно-славянской печати были

присоединены светские книги XV, XVI и XVII вв. западно-европейской печати, XVIII в. русской печати, а также малотиражные и редкие издания XIX и XX вв., а сам кабинет переименован в отдел рукописей, древних и редких книг<sup>12</sup>.

Работавшая в эти годы в библиотеке университета В.А. Артисевич (в 1932-1997 г. директор ЗНБ СГУ) характеризовала Лебедева как аскетичного ученого, опытного источниковеда и библиографа<sup>13</sup>. Она писала: «Я встречалась с А.А. Лебедевым в библиотеке в 1929 г... Лебедев был одиноким человеком, вел аскетический образ жизни, был холост и жил с родителями. Всю свою трудовую жизнь он посвятил книгам и многие годы исследованиям по библиографическим вопросам. Им опубликовано более 100 работ, из них 55 посвящены истории книги, библиотек, библиографии, книговедению, истории религии, биографиям, этнографии, рукописям»<sup>14</sup>.

О большой научной и исследовательской работе, проводимой А.А. Лебедевым, свидетельствует список его библиографических работ, приведенных в отчете о научной работе, проделанной сотрудниками фундаментальной библиотеки университета в 1928 г.: «Печать в Саратовском крае за время революции (1917-1921 гг.)»; «Библиографическая классификация библиотеки Саратовского Госуниверситета»; «По Шляпкинским материалам»; «О периодизации книговедения в высшей школе»; «Работа по предметному каталогу в Саратове»; «Описание рукописей Саратовского Государственного университета. Семинарская коллекция»<sup>15</sup>.

В последние годы жизни Лебедева в протоколах заседаний Саратовского университета неоднократно встречаются упоминания о его болезни. Так, в протоколе от 17 декабря 1927 г. упоминается о выводе ревизионной комиссии, занимавшейся работой фундаментальной библиотеки университета, по которому Лебедев и Буссе «являются не совсем трудоспособными»<sup>16</sup>. Однако выступившие в прениях сотрудники библиотеки поддержали своих коллег и выразили несогласие с таким заключением комиссии. В феврале 1928 г. Лебедев все-таки переводится на социальное обеспечение по состоянию здоровья, но остается в библиотеке сверхштатным работником с оплатой по личному договору<sup>17</sup>.

А.А. Лебедев умер в 1930 г. 24 апреля после долгой болезни. По завещанию он оставил фундаментальной библиотеке Саратовского университета «свою ценную, насчитывающую до 15 000 томов библиотеку»<sup>18</sup>. Работа по систематизации и описанию этой коллекции заняла несколько лет, поскольку в это годы библиотека остро нуждалась в профессиональных кадрах и дополнительных помещениях.

В 1932 году часть рукописей из архива А.А. Лебедева после его смерти были переданы наследницей Н.К. Орловой в музей Н.Г. Чернышевского через В.А. Сушицкого. Это подготовленные в 1928 г. к публикации статьи «Родина Н.Г. Чернышевского» и «Отец

Чернышевского», а также несколько страниц с заметками о выставке об Н.Г. Чернышевском, организованной в Саратовском университете в 35-ю годовщину со дня смерти писателя. Эти рукописи хранились в музее до передачи в Центральный государственный литературный архив (ныне – РГАЛИ) в 1941г.<sup>19</sup> В настоящее время музей располагает микрофильмированной копией этого дела, сделанной в 1950-е гг.<sup>20</sup>

Статьи «Родина Н.Г. Чернышевского» и «Отец Чернышевского» не были опубликована ни в 1928 г., ни позднее<sup>21</sup>. Вероятно, это связано с тем, что Лебедев поднимает вопрос, связанный с саратовским духовенством и особым миром провинции первой половины XIX века, где традиционными были патриархальность и религиозность. Именно с этой точки зрения он рассматривает ту историческую среду, в которой в детские годы формировалось мировоззрение Н.Г. Чернышевского.

Особый интерес представляет рукопись «Отец Чернышевского» для исследователей истории саратовской епархии, старообрядчества и миссионерства 30-40-х гг. XIX века. В частности, большое внимание Лебедев уделяет описанию миссионерской деятельности Г.И. Чернышевского и характеру его отношений с саратовским архиереем Иаковом (Вечерковым) в 1832-47 гг. Личность видного саратовского протоиерея, городского благочинного, отца известного писателя - Г.И. Чернышевского, более 40 лет посвятившего службе в саратовской епархии, особенно интересовала Лебедева.

Рукописи о выставке в Саратовском университете неразборчивы и представляют собой черновые наброски, перечень представленных материалов. Кроме этой рукописи в фонды музея в 1932 году Н.К. Орловой была передана фотография с изображением выставки, посвященной памяти Н.Г. Чернышевского, открытой в 1924 г. в университете.

Из архивных материалов музея Н.Г. Чернышевского видно, что Лебедев обращался в музей и за материалами к университетской выставке к 100-летию Н.Г. Чернышевского, передавал фотографии в фонды музея.

#### Примечания

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 12. Д. 5527.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 402. Д. 433.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 12. Д. 7393.

<sup>4</sup> *Соколов С.Д.* Саратовцы писатели и ученые. Материалы для биобиблиографического словаря. // Труды СУАК. 1916 г. Вып. 33. С. 149; *Хованский Н.* Краткие биографии членов СУАК. Саратов, 1911. С. 19-20.

<sup>5</sup> *Артисевич В.А.* Библиограф А.А. Лебедев (1886-1930). // Историко-библиографические исследования. СПб, 1995. Вып. 5. С. 43.

<sup>6</sup> *Лебедев А.А.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов. 1907. Т. 1. Вып. 1; Саратов, 1907. Т. 2. Вып. 1; Саратов, 1907. Вып. 3.

<sup>7</sup> Земли родной минувшая судьба [СУАК и документальное наследие края]. – Саратов: Полиграфическая компания «Эль-Принт», 2007. – С. 123.

<sup>8</sup> Там же. С. 131.

<sup>9</sup> Зональная Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (ЗНБ СГУ). А № 14. Л. 2. Протокол заседания Библ. комитета Фундаментальной б-ки СГУ № 12 от 22 октября 1920 г. (удовлетворение просьбы А.А. Лебедева об уходе).

<sup>10</sup> ЗНБ СГУ. Фонд неопубликованных материалов. Д. М1171. - Протокол заседания библиотечной комиссии от 20 сентября 1923 г. Л. 138.

<sup>11</sup> Там же. Протокол заседания библиотечной комиссии от 6 февраля 1929 г. Л. 188.

<sup>12</sup> Кузнецова Ю.А. Коллекция отдела рукописей, древних и редких книг научной библиотеки СГУ. //Ученые записки СГУ. – Саратов. Изд. СГУ. 1947. Т. XVII. Вып. исторический. С. 272.

<sup>13</sup> Артисевич В.А. Библиограф А.А. Лебедев (1886-1930). - С. 43.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Из ходатайства Правления Саратовского Государственного университета о причислении фундаментальной библиотеки к разряду крупных... // ЗНБ СГУ. Фонд неопубликованных материалов. Д. М1171. Л. 175.

<sup>16</sup> ЗНБ СГУ. Фонд неопубликованных материалов. Д. М1171. - Протокол заседания библиотечной комиссии № 11 от 17 декабря 1927 г. Л. 175.

<sup>17</sup> Там же, л. 183.

<sup>18</sup> ЗНБ СГУ. Фонд неопубликованных материалов. Д. А-107. Вся переписка по НБ СГУ за 1930 г. Т. 1. - Докладная директору госуниверситета от 28 апреля 1930. Л. 658.

<sup>19</sup> ЦГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д 612.

<sup>20</sup> Музей Н.Г.Чернышевского. Нвсп. ф. Мф № 612.

<sup>21</sup> Статью «Родина Н.Г. Чернышевского» см. в сб.: Культура и речь Саратовского края: сб. статей и методич. мат-лов / под ред. А.А. Демченко. Саратов, 2010. Вып. 1.

**Н.С. Тихонова, Т.Г. Федоренко**

## **Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕТЕРБУРГА**

Задачей данного сообщения является попытка проследить то, как отражена личность Н.Г. Чернышевского в музейном пространстве Петрограда – Ленинграда - Петербурга, в прошлом и настоящем, поделиться впечатлениями о том, как сохраняется и насколько востребована историческая память об этом выдающемся человеке в нашем городе в настоящих условиях. Источниками для освещения этой темы стали, главным образом, путеводители разных лет: как путеводители по городу, так и по экспозициям отдельных музеев.

Как личность, литературный и общественный деятель Н.Г. Чернышевский сформировался в Петербурге. Здесь он познал успех как властитель дум революционной молодежи, здесь был арестован, написал

роман, ставший знаковым произведением своего времени и востребованный до наших дней; в Петербурге пережил стояние у позорного столба и процедуру гражданской казни, отсюда навсегда был увезен из столицы.

Для Н.Г. Чернышевского, как и для многих, Петербург был «средоточием всех надежд». Здесь он прожил шестнадцать лет – с 1846 по 1851 год и 1853 по 1864 год. Первый период его пребывания был связан с учебой в университете; активным, насыщенным приобретением новых знаний, удивительной для сверстников и всех знавших Чернышевского, начитанностью молодого человека. Во второй половине 1840-х годов окончательно формируется революционно-демократическое мировоззрение будущего литературного критика и писателя.

Деятельность Чернышевского с 1853 по 1864 гг. - наиболее интересный и памятный в истории период.

Петербургские адреса Чернышевского хорошо известны по историческим публикациям советского времени. Н.Г. Чернышевский как одна из ключевых фигур обозначенная в ленинской исторической периодизации, некогда был обязателен в любой исторической экспозиции, подавляющее большинство которых строилось по тематико-хронологическому принципу.

Первые музейные материалы о Н.Г. Чернышевском прослеживаются в Петрограде по городским путеводителям 1920-х годов.

11 января 1920 года во исполнение постановления Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов на площади Урицкого во Дворце искусств (Дворцовая площадь, Зимний дворец) был открыт Музей Революции. У истоков первого советского музея стояли А.В. Луначарский, М. Горький, академик С.Ф. Ольденбург, историк П.Е. Щеголев, народник - шлиссельбуржец М.В. Новорусский<sup>1</sup>. В первые годы шло активное накопление материалов, создавались отдельные выставки, и готовилась основная экспозиция. Уже марте 1920 г. еще до открытия экспозиции В.В. Водовозовым – бывшим участником народнического движения был прочитан курс лекций о Н.Г. Чернышевском, о чем сообщала «Петроградская правда»<sup>2</sup>. В первой экспозиции музея Революции материалы были распределены по трем отделам: «История революционного движения в подпольный период», «Империалистическая война, Февральская революция. Гражданская война» и «Каторга и ссылка». В первом разделе в подтеме «30 – 60-е годы XIX в.» была представлена публицистика и литература 60-х годов во главе с Н.Г. Чернышевским, помещены портреты его сподвижников; здесь же рассказывалось о заключении и гражданской казни Н.Г. Чернышевского. Это самое раннее упоминание имени писателя и общественного деятеля в музейной экспозиции<sup>3</sup>.

В 1924 году был открыт филиал Музея Революции в Петропавловской крепости - историческом месте, непосредственно

связано с биографией Н.Г. Чернышевского. В те годы осмотр крепости ограничивался только Петропавловским собором и зданием бывшей политической тюрьмы Трубецкого бастиона. Большая часть экскурсионного маршрута шла по городской территории с показом общих видов крепости, проходом по ее территории, осмотром собора и некоторых камер бывшей тюрьмы, с выходом к Алексеевскому рavelину. У места некогда стоявшего здесь Секретного дома, следовал рассказ о его узниках. Петропавловская крепость только начинала складываться как музейный комплекс, велся сбор материалов об узниках, изучались архивы; многие сведения стали известными позднее. Поэтому преобладали рассказы о событиях более близких или рассказы самих участников событий, бывших узников тюрьмы; известно, что первыми экскурсоводами музея Революции выступали народовольцы Вера Николаевна Фигнер и Михаил Васильевич Новорусский. Экскурсии водили научные сотрудники музея, но методические разработки экскурсий готовили сотрудники экскурсионной базы Политпросвета; ими же писались и публиковались тексты экскурсии. Причем в самых первых из них, такие крупные имена как Писарев, Бакунин, Достоевский и Чернышевский лишь перечислялись через запятую в связи с заключением в Секретном доме Алексеевского рavelина, тогда как о Сергее Нечаеве, сидевшем здесь, сообщались подробные сведения<sup>4</sup>.

По словам известного исследователя истории города П.Н. Столянского, было «важно создать такое настроение, чтобы уходя, экскурсант уносил в своем сердце жгучую ненависть к свергнутому режиму, чтобы разбитый царизм стал злейшим врагом, а вовсе не научить экскурсанта истории русской революции. Поэтому не стоит перегружать свой рассказ обилием имен, указанием на партии, процессы...»<sup>5</sup>.

В дальнейшем революционная тема на многие годы стала преобладающей в исторических музеях; уже 1924 году вышла работа П.Е. Щеголева «Чернышевский в рavelине»<sup>6</sup>, ставшая главным источником сведений для экскурсоводов Петропавловской крепости. Рассказ носил лекционный характер, велся на территории Алексеевского рavelина, и хотя не был подкреплен экспонатами, производил должное впечатление, воздействуя властью места и выразительностью описываемых событий.

Надо отметить, что личность Н.Г. Чернышевского для общественного сознания Ленинграда была очень важна: после Октябрьской революции и в предвоенные годы делалось максимально возможное для увековечения памяти писателя: 6 октября 1923 г. Воскресенский проспект Петрограда был переименован в «Проспект писателя Чернышевского». В этой форме название существовало до 1929 г., позднее он стал называться «Проспект Чернышевского», название сохраняется до настоящего времени.

В 1940 г. в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР «Об увековечении памяти Н.Г. Чернышевского» был



проведен Всесоюзный конкурс на памятник, на который было представлено 22 проекта. Первая премия была присуждена проекту, выполненному В.В. Лишевым и В.И. Яковлевым. В начале 1941 года на заводе «Монументскульптура» стали делать отливку. В феврале 1941 года начались работы по рытью котлована и доставке гранитных деталей на место установки памятника, который решено было поставить в новом районе города на Московском проспекте, где предполагалось создать центр социалистического Ленинграда. С началом Великой Отечественной войны работы по строительству были прекращены.

Сооружение памятника возобновилось в июне 1945 года. Для постамента вновь был заготовлен гранит, т.к. первоначальный камень во время войны был использован для строительства ДОТов. Весной 1947 г. на заводе «Монументскульптура» были отлиты 4 торшера и литеры надписи. Высота фигуры 3,8 метра, высота постамента 2,25м<sup>7</sup>. Памятник Н.Г. Чернышевскому и по сей день стоит на Московском проспекте напротив парка Победы, на месте, определенном для него в 1941 году.

23 августа 1948 года имя писателя было присвоено площади между Московским проспектом и Варшавской улицей.

В послевоенный период начался следующий этап активного музейного строительства. В декабре 1946 г. открылся один из самых крупных литературных музеев нашего города - музей-квартира Н.А. Некрасова. В здании на Литейном пр., дом 36, история которого богата известными литературными именами, с 1853 г. Н.Г. Чернышевский активно сотрудничал с редакцией журнала «Отечественные записки». Он часто бывал на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы в доме редактора и издателя журнала А.А. Краевского. Здесь жили Н.А. Добролюбов, И.И. Панаев, А.Я. Панаева, с 1857 - по 1866 находилась редакция «Современника», около сорока лет помещалась редакция «Отечественных записок» - с начала 1840-х до 1878 г. Двадцать лет здесь проживал Н.А. Некрасов. В течение десяти лет жизнь Н.Г. Чернышевского была теснейшим образом связана с этим домом, с Некрасовым и с журналом «Современник». Здесь он приобрел популярность как редактор, литературный критик, демократические взгляды которого увлекали многие молодые умы. «Сколько споров слышали эти комнаты, сколько благодарностей и упреков, дружеских приветствий и резких угроз, сближений и расхождений были они свидетелями! История этих комнат есть история литературных отношений целой эпохи, история русской журналистики», писал современник<sup>8</sup>.

В экспозиции этого замечательного музея, воссоздающего обстановку квартиры и яркие личности ее обитателей остался зримый след присутствия Чернышевского. Будучи соредактором Н.А. Некрасова, Чернышевский много времени проводил в его кабинете. В музее представлена конторка, и ручка из кости, принадлежавшая Николаю

Гавриловичу, которой были написаны первые главы романа «Что делать?»; фотография писателя работы В. Лауферта, 1859 года, переданная в музей сыном писателя. Музей Н.А. Некрасова востребован, он продолжает лучшие традиции русского просветительства.

После окончания Великой Отечественной войны о Н.Г. Чернышевском рассказывала экспозиция музея Революции в Петропавловской крепости. В 1954 году с ее территории был выведен гарнизон, началась реконструкция. Объекты крепости были переданы в ведение Государственного музея истории Ленинграда. Накопленные исторические сведения к тому времени позволили создать новую экспозицию в бывшей квартире смотрителя тюрьмы Трубецкого бастиона: «Три поколения русских революционеров - узников Петропавловской крепости». Значительное место в ней было отведено Н.Г. Чернышевскому<sup>9</sup>.

В контексте общественной и литературной деятельности писателя, Петропавловская крепость была для него значимым местом в Петербурге. Как опасный противник правительства, 7 июля 1862 г. Чернышевский был заключен в Секретный дом Алексеевского рavelина. С этого момента открылась самая драматичная страница его биографии. О том, как было сфабриковано обвинение, о голодовке Чернышевского, протестующего против затягивания следствия, о поразительной работоспособности узника одиночной тюрьмы, который ради рукописей отказывался от прогулок, и о том, как в Секретном доме был написан самый знаменитый роман 60-х годов «Что делать?», десятки лет рассказывали экскурсоводы Петропавловской крепости. Здание Секретного дома не сохранилось, оно было снесено еще в конце 1884 году. Об узниках Секретного дома, среди которых были экономист Посошков, декабристы, петрашевцы и где 678 дней провел Н.Г. Чернышевский, и рассказывала историческая экспозиция, открывая в бывшей политической тюрьме Трубецкого бастиона. В 1960-х годах после ремонта здания тюрьмы и перемены экспозиции, тему узников Секретного дома убрали. Но к месту царского застенка со многими знаменитыми узниками, всегда водили группы экскурсантов. Рассказ о Н.Г. Чернышевском с показом места, где стоял Секретный дом, в 1960-1980-е годы составлял полноценную часть обзорной экскурсии по крепости в музее истории Ленинграда. В 1975 году в крепости была открыта экспозиция «История Петербурга 1703-1917» в Комендантском доме Петропавловской крепости. В разделе экспозиции, посвященном демократическому движению в Петербурге в 1840-1880-х годов, Чернышевскому отводилось значительное место: были представлены журналы «Современник» и «Отечественные записки», муляж прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон...», первая публикация романа «Что делать?». В этот период личность писателя была представлена одновременно в нескольких музеях города;

помимо крепости и музея-квартиры Н.А. Некрасова, о Чернышевском вспоминали в одном из 36 залов постоянной экспозиции музея Великой Октябрьской социалистической революции с 1957 г. помещавшегося в бывшем особняке М.Кшесинской<sup>10</sup>.

В 1955 году была открыта мраморная мемориальная доска на доме № 6, по Большой Московской, где писатель был арестован: «В этом доме с 20 мая 1861 года по 7 июня 1862 года жил и работал великий русский революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский»<sup>11</sup>.

В 1958 г. именем Н.Г. Чернышевского была названа станция метро в Дзержинском районе города.

В 90-е годы в период пересмотра всех исторических ценностей, когда такие музейные гиганты как Музей политической истории России (бывший Музей Революции) и Музей истории Петербурга меняли свои экспозиции, Н.Г. Чернышевский оказался вне экспозиций.

В Петропавловской крепости упоминание о Секретном доме Алексеевского рavelина сводится к перечислению наиболее известных имен, среди которых Чернышевский лишь называется, т.к. к тому месту, где стоял Секретный дом, экскурсии не водят. В новой экспозиции по истории Петербурга революционным демократам места не нашлось вообще, как и политическим событиям города в целом.

Музей политической истории России, как основной «держатель» материалов по революционному движению, обходится без постоянной экспозиции, демонстрируя разнообразные выставки. Но по нашим наблюдениям, в последние годы Чернышевского не вспомнили ни разу.

В перестроечное время имя Н.Г. Чернышевского звучало в небольшом музее в мемориальной квартире В.И. Ульянова в Казачьем переулке, 7. Здесь, с 1993 по 2007 гг. в «Музее истории революционно-демократического движения 1880- 1890 гг.» действовала экспозиция «Размышления о демократии» - конспективный показ основных этапов российских политических событий с начала 19 до начала 20 вв. В контексте революционно-демократического движения 40-60-х годов XIX века упоминался Н.Г. Чернышевский. Тема имела спрос, некоторые учителя, приводили сюда учащихся, чтобы восполнить в музее пробелы учебников истории. В настоящее время музей расширил тематику, создал новые экспозиции, стал иначе именоваться - «Мемориальный музей «Разночинный Петербург». В маленькой мемориальной квартире молодого В.И. Ульянова нашлось место роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?», так впечатлившего в свое время не только нашего героя, но тысячи современников картиной справедливого устройства общества и образами необыкновенных героев.

Все, кто способен задумываться над серьезными вопросами нашего прошлого и настоящего, не пройдут мимо личности и идей Н.Г. Чернышевского, которые воспринимают не только на школьных уроках. Город ежедневно тысячекратно произносит имя писателя: «Станция

Чернышевская», - следующая станция «Площадь Ленина», и в этом сочетании тоже можно увидеть исторический смысл.

### Примечания

- <sup>1</sup> Дубинин Л.А. Музей Великого Октября. Л.: Лениздат, 1965. С. 12.
- <sup>2</sup> «Первый историко-революционный». Материалы конф., посв.70-летию музея. Л., 1989.
- <sup>3</sup> Государственный музей революции. Краткий путеводитель по музею. Л., 1928. С. 20.
- <sup>4</sup> Ползикова - Рубец К.В. Петропавловская крепость. Экскурсия. М; Л., 1927.
- <sup>5</sup> Столянский П.Н. Петропавловская крепость - колыбель Петербурга и застенков самодержавия Л., 1926.
- <sup>6</sup> Щеголев П.Е. Чернышевский в Алексеевском равелине. //Звезда. 1924 № III. С. 71-77.
- <sup>7</sup> Памятники Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С.190.
- <sup>8</sup> Мемориальный музей-квартира Н.А. Некрасова. Путеводитель. – СПб., 2002. С. 3.
- <sup>9</sup> Канн П.Я. Петропавловская крепость. Л.: Лениздат, 1955. С. 95 - 97.
- <sup>10</sup> Дубинин Л.А. Музей Великого Октября. Л.: Лениздат, 1965.
- <sup>11</sup> Мемориальные доски Санкт-Петербурга. Справочник. СПб., 1990. С.284.

Д.Г. Сапожникова

## НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: МИФ И ОБРАЗ (По материалам музейных экспозиций)

В собрании музея Н.Г.Чернышевского хранится обширная коллекция живописных и графических работ, воссоздающих эпизоды биографии Чернышевского. Самые ранние поступления относятся к 1928 году; в 50-е годы XX века большая группа заказных произведений образовала основу коллекции. В 1978 г. собрание пополнилось работами саратовских художников с выставки к 150-летию юбилею писателя.

Изначально состав коллекции определялся специфической ролью произведения изобразительного искусства в мемориальном музее: живописные и графические работы привлекались как иллюстративный материал в экспозиционном изложении биографии Чернышевского. Критерии оценки и отбора были связаны с сюжетом и его «правильной» трактовкой; художественные достоинства произведения не служили определяющим фактором при включении работы в музейное собрание.

Основная группа произведений, связанных с именем Чернышевского, поступила в фонды музея в 1950-е годы в связи с созданием юбилейной послевоенной экспозиции. Директор музея, Нина Михайловна Чернышевская, в отчете за 1950 год приводит список московских художников, которым были переданы заказы на живописные,

графические и скульптурные работы, посвященные Чернышевскому<sup>1</sup>. Активное использование изобразительного материала было вполне обычным явлением в создании литературных экспозиций (в частности, об этом упоминает Эмма Гернштейн в рассказе о работе над экспозицией предвоенной юбилейной лермонтовской выставки<sup>2</sup>). Изобразительный материал присутствовал и в ранних экспозициях музея Чернышевского; существует список тем, которые музей намеревался предложить саратовским художникам; полупрофессиональные рисунки Н.Травина 1928 года – иллюстрации к роману «Что делать?» - были исполнены именно по этому списку к столетию со дня рождения Чернышевского<sup>3</sup>.

Но материалы 1950-х годов привлекают особенный интерес: именно тогда музей целенаправленно планирует, выстраивает и создает «изобразительную» биографию Чернышевского, воплощая в жизнь определенную концепцию литературной экспозиции. К этому времени вполне сложилась каноническая трактовка общественной и литературной судьбы писателя, и вполне успешной могла стать направляющая роль литературного источника в его живописно-пластической интерпретации.

В списках заказанных сюжетов, почерпнутых из различных литературных источников - детство, студенчество, работа в «Современнике», гражданская казнь, Сибирь. Каждый эпизод должен был получить изобразительное воплощение в графическом, живописном или скульптурном – реалистическом! – произведении.

«Это был реализм, но реализм «особого типа»; в « формах самой жизни» он отражал не действительность, а идеологию, миф, навязываемый в качестве реальности, и желаемое, выдаваемое за действительное... Из способа восприятия мира, каким был реализм в 19 веке, он превратился здесь в способ внедрения в мир особого типа восприятия...» - пишет, характеризуя социалистический реализм как стилистическое направление, И. Голмшток<sup>4</sup>. Включенные в экспозиционное пространство произведения изобразительного искусства должны были повышать привлекательность, аттрактивность экспозиции; с другой стороны, картины были призваны толковать сюжет, убеждать в достоверности изображенного всей совокупностью средств художественной выразительности.

При разработке новой концепции, предлагающей воссоздание мемориального облика дома Чернышевских, изобразительный материал советского периода не мог быть использован. Он оказался не востребован и при создании историко-литературной экспозиции «Отечества достойный сын». «Книга для неграмотных», в которую складывались живописные страницы биографии Чернышевского, пришла в противоречие с ориентацией авторов на предъявление подлинных документов, книг, фотографий и предметов. Изобразительная компонента в экспозиции присутствовала, но дизайнерское решение ушло от лобового, прямолинейного воспроизведения и скрупулезного

перечисления деталей. Сюжеты в настенных росписях по периметру экспозиции – только фон, намек, воспоминание, затуманенные временем картины прошлого, кадры старого кинематографа.

В то же время картины музейного собрания представляют несомненный интерес. К началу нового века исчезла идеологическая база искусства социалистического реализма вместе со многими реалиями времени; современное восприятие произведения очистилось от груза обязательных пропагандистских значений. Прошедшие десятилетия принесли возможность переосмыслить многие штампы, клише, догматы и мифы; это в полной мере касается как роли Чернышевского в российской истории, так и истории советского искусства. Процессы отстраненного исследования, открывая изначальную суть трудов и судьбы Чернышевского, позволили увидеть массив деформаций и наслоений, задуматься о сотворении контекста социального мифа в границах советского периода, о том, как миф претворяется в художественный образ.

Николая Гавриловича Чернышевского без малейшего преувеличения можно считать одной из культовых фигур русской истории, и, как это случается почти со всякой исторически значимой личностью, восприятие его обществом претерпело ряд изменений на протяжении почти полутора столетий. Несомненно, его сегодняшняя известность уступает фольклорной популярности Пушкина и Чапаева, но в массовом сознании Чернышевский все продолжает «звать Русь к топору»; поминается в том или ином контексте «четвертый сон Веры Павловны, а скрытое цитирование названия романа «Что делать?» часто переводится в открытое – улыбкой, кивком, понимающим взором.

Современный человек имеет дело не с конкретным, реальным героем – Николаем Чернышевским, а с нашими представлениями о нем, то есть, в сущности, с мифом. Определение А.Ф. Лосева «миф есть в словах данная история»<sup>5</sup> позволяет понимать под мифом ту или иную трактовку личности, бытующую в сознании современников исторического лица, а также дальнейшую ее интерпретацию, встроенную в соответствующие времени идеологические конструкции.

Миф о Чернышевском, рожденный еще при его жизни, обладал четко выраженной полярностью. Активная общественно значимая литературно-критическая деятельность Чернышевского привлекала восторженное внимание молодого поколения, жаждущего четко сформулированных целей. Не менее пристальный интерес автор журнала «Современник» вызывал в кругах охранительных, опасавшихся перемен. Для первых Чернышевский был воплощением беззаветной и последовательной борьбы за народное счастье; для других он – исчадие ада, злодей, соблазнитель юношества, ввергающий Россию в ужасы мужицкого бунта. Официальную версию разделяла и часть просвещенной публики<sup>6</sup>; студенчество горячо исповедовало другой миф. «...Вы

знакомы мне по своим благородным статьям. Больше ничего говорить не буду <...> Ведь всякий из молодых людей испытал сам по себе, сколько он обязан «Современнику», - приводит И.В. Порох строки из адресованного Чернышевскому письма семинариста И. Красноперова<sup>7</sup>.

Другая точка зрения формулировалась анонимными доносами и пасквильными статьями, по страстности сравнимыми разве что с угрожающими письмами, адресованными Чернышевскому. В сборнике «Дело Чернышевского» И. Порох приводит некоторые из них: «Если действительно произойдет кровавое волнение, то мы найдем вас, Искандера, или кого-нибудь из вашего семейства, и вероятно, вы еще не успеете заpastись телохранителями». Анонимные письма шли и управляющему третьим отделением А.Л. Потапову: «Избавьте нас от Чернышевского – ради общего спокойствия»; «Спасибо вам, Александр Львович, что засадили Чернышевского, спасибо от многих. Только не выпускайте лисицу, пошлите его в Солигалич, Яренск – что-нибудь в этом роде – это опасный господин, много юношей сгубил он своим ядовитым влиянием»<sup>8</sup>.

О существовании двух версий в пределах одной мифологической конструкции свидетельствует, в частности, письмо В.А. Лунина из Саратова Евгении Николаевне Пыпиной в Санкт-Петербург: «А какие разнородные мнения высказывают по поводу его самого и его ареста! Одни говорят, что это герой, страдалец за всех, умнейший и благороднейший человек. Другие называют его вредным человеком, развращающим молодое поколение, что ареста он вполне достоин, да и не только ареста, но еще и худшего чего-нибудь <...>. Наконец, третьи считают его... странно сказать... антихристом!»<sup>9</sup>.

Следственного дела Чернышевского достаточно, чтобы увидеть процесс сотворения мифа, процесс демонизации реальной личности. Миф о Чернышевском, создаваемый государством, воплощал, концентрировал, персонифицировал все неясные, неотчетливые тревоги правительства, вызванные брожением в обществе. Охранители испытывают страх перед собственным созданием: мифологическое чудовище соткано из донесений полицейских наблюдателей, доносов «доброжелателей», слухов и разговоров обывателей; кажется, уברי эту язву – и проблема смуты в государстве будет исчерпана. Долгий суд – один из убедительнейших аргументов в пользу того, что мифообразующих улик не хватало даже следствию; «образцового злодея» пришлось создавать при помощи поддельных писем и показаний провокаторов. Лесков, которого трудно заподозрить в любви к Чернышевскому, саркастически замечает: «Г-н Чернышевский довольно давно уже многим представляется каким-то всепоглощающим чудовищем, чем-то вроде Марата или чуть-чуть не петербургским поджигателем. Эту репутацию г-ну Чернышевскому устроила, разумеется, людская слепота и трусость...»<sup>10</sup>.

Явная несправедливость судилища и последовавших за ним каторги и ссылки окрасила образ Чернышевского отсветом героического страдания, усугубила вторую ипостась мифа; это же, вместе с политической и физической изоляцией, дало возможность абсолютно свободной его трансформации. Превращенный в символ Чернышевский - как предводитель революционеров - рисуется на знамени народовольцев, когда сослан в Сибирь, когда его именем могли распоряжаться и враги, и почитатели. Идеологический подтекст интереса к имени заключенного Чернышевского вызвал резкий протест его двоюродного брата А.Н. Пыпина. В своем письме в адрес немецких издателей Чернышевского Пыпин говорит об использовании имени Николая Гавриловича в корыстных, неблаговидных целях, когда намеренно обостряются его высказывания и идеи<sup>11</sup>. Попытки освобождения Чернышевского, хождение его нелегальных фотографий тоже связаны с тем, что реальная личность приобретает черты символические, свободные для вложения любых смыслов. Образ сдвигается, обрастает, превращается - трансформация идет в радикализирующем направлении; Чернышевский провозглашается идеологом террористической деятельности. Молчаливый Чернышевский, Чернышевский, вырванный из общественного контекста, не мешает себя трактовать, тем более что «чтение между строк» было привычным для читателя этого времени. «Чернышевский, Добролюбов были пророками университетской молодежи, приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками», - писал Н. Шелгунов<sup>12</sup>.

Советское время получило миф о Чернышевском как вполне готовый идеологический продукт; известную роль сыграл в этом случае интерес, проявленный к писателю Лениным. Включенный в круг предтеч русской революции 1917 года, Чернышевский в системе советской идеологии стремительно превращался в абсолютного апологета крестьянской революции.

«...Чернышевский отстаивал необходимость крестьянской революции. В революционном обращении «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» он выступал за самостоятельную борьбу крестьянских масс, их организацию, подготовку к восстанию. Чернышевский понимал необходимость создания подпольной организации, которая могла бы повести за собой массы», - утверждает, например, монография «История русского утопического социализма XX века»<sup>13</sup>.

В трудах многих советских исследователей и идеологов Чернышевский приобретает статус абсолютного сторонника революционных преобразований. Его объявляют автором прокламаций и участником - даже руководителем! - тайной организации «Земля и воля»; сцены из снов Веры Павловны предстают точным проектом светлого российского будущего; даже формула «прекрасное есть жизнь»,



оказывается, «утверждает на языке эстетики великую идею животворного советского патриотизма, резко противостоит космополитизму и одному из его проявлений в литературе – формализму, а также всему, что уведит от реальной жизни нашей родины, с ее красотой и величием»<sup>14</sup>.

Мифология советского периода в изобразительном искусстве нашла свое воплощение в формах социалистического реализма. Термин обозначал цель, поставленную перед искусством, - продвижение определенных идеологических установок. Герои показывали, как «правильно жить». Именно искусство осуществляло зримое, чувственное моделирование эталона мифологического восприятия действительности, переводило миф в зримый, чувственный образ. В силу своих стиливых особенностей и идеологических задач в искусстве соцреализма пропагандистская функция лежит на поверхности<sup>15</sup>.

Очевидно, что первородный миф создавался не художником, он только переведен в изобразительную плоскость. Каждый художник выступает как толкователь словесного образа, истории, которая уже была рассказана, приобрела каноническую форму и не может подвергаться переосмыслению. Уже упоминаемые отчеты Н.М. Чернышевской фиксируют четкую программу работы с московскими художниками по заданным сюжетам: списки, аннотации, литература, строго определенные рекомендации. Перед нами – историческая живопись, но исторический персонаж выступает как близкий, понятный, почти сегодняшний. «Прост, как правда», народный заступник, готов отдать жизнь за свои убеждения; мученик – вместе с тем титан, герой, противостоящий угнетателям народа. Любовь к подробностям и деталям: детство с вдумчивым интересом к учению, но и озорством в осторожных пределах; почитание родителей, раннее понимание своего назначения, роль народного заступника – универсальные, почти житийные приметы героизации идеологически значимых персонажей в советском изобразительном искусстве. Мифологическая типология выдерживается во всей иерархической системе героев; отсюда – переключки с другими каноническими персонажами советской мифологии – в частности, с маленьким Лениным (Н.Терпсихоров «Н.Г. Чернышевский в детстве на дровнях» (1951)<sup>16</sup>). Образ Чернышевского-студента напомнит все того же, но повзрослевшего героя (Ю. Казмичов «Чернышевский и Михайлов в студенческие годы» (1951)<sup>17</sup>; А. Хоменко «Чернышевский – студент Петербургского университета» (1951)<sup>18</sup>).

Примечательно, что легенда, в общем, следует биографической схеме, и сущность, как всегда, кроется в деталях; они и позволяют деформировать образ в заданном направлении.

Пути деформации в произведениях разных авторов - при общем художественном методе - различны. Это прослеживается при сравнении картин на один и тот же сюжет и при сопоставлении отдельных сюжетов с текстами - источниками информации. Героический пафос нарастает в

сцене гражданской казни в работах Кольцова – Казмичова – Гришина, в картине В. Сигорского «Чернышевский на каторге в Кадае» (1953)<sup>19</sup>.

Но если в сценах гражданской казни Кольцов и Казмичов, в основном, следуют мемуарным и документальным источникам, а П. Гришин, изменяя степень пафосности изображения, только превращает эту сцену в глобальную, почти планетарную метафору, то в эпизоде, выбранном Сигорским, миф целиком принадлежит художнику: к каторжным работам такого рода Чернышевский не привлекался<sup>20</sup>.

В рисунке «Н.Г. Чернышевский у А.И. Герцена в Лондоне» (1952)<sup>21</sup> художник Ю.Казмичов простодушно цитирует известную фотографию Искандера в кресле, целиком вписывая ее в интерьер комнаты, где будто бы происходит встреча.

Рисунок стилизован под фотографии соответствующего времени, что придает изображению почти документальную достоверность и убедительность. Такой прием часто используется в произведениях советских художников при изображении исторических персонажей. В случае с Чернышевским художники, добиваясь сходства, используют известные его фотографии 50-80-х гг. XIX в., а при обращении к эпизодам детства и юношества прибегают к литературным, мемуарным свидетельствам. Реалистичность изображения - главный способ достигнуть убедительности, достоверности: важно, чтобы зритель поверил в существование этих людей и событий. В таком случае художник предстает перед зрителем очевидцем, прямым свидетелем, почти гарантом реальности изображаемого. Натуралистические детали, убедительность жестов, фотографическое сходство работает на эту цель. Этим же целям служит и намеренное обращение к стилистике старой книжной иллюстрации. Подход к станковому произведению как к книжной иллюстрации характерен для работ 40–50 гг. XX в. Этот подход полностью соотносится с представлениями о роли изобразительного материала в экспозиции, которая, в свою очередь, мыслится как книга.

Стремление сделать молодого Чернышевского совсем «своим», доступным и понятным характеризует работу Е. Ильина «Чернышевский на Волге читает стихи Некрасова» (1951)<sup>22</sup>: золотоволосый юноша, вдохновенно декламирующий что-то восторженным барышням, вполне может оказаться и народным поэтом. Точное следование мемуарным свидетельствам прослеживается в картине С. Бойм «Отказ Чернышевского от помилования» (1952)<sup>23</sup>. Автор добросовестно воспроизводит литературный сюжет - неяркий сибирский летний пейзаж, зябко и гордо кутающийся в арестантское одеяние герой, «официальное лицо» с бумагой в руках. Апокрифическое сказание процитировано в работе С. Бойм точно и деликатно<sup>24</sup>. Между тем в работе Л. Кулагина «Н.Г. Чернышевский» (1978)<sup>25</sup> на тот же сюжет создается грандиозное символическое полотно, в котором действующее лицо и само событие приобретают метафорический характер.

Позже, уже в работах 1970-х годов, художники получили возможность уйти от необходимости утверждать реальный или мифологический факт, от прямолинейной агитации. Не иллюстрация, а использование сюжета для его образного претворения - в картине Б. Давыдова «Современники» (1980)<sup>26</sup>; тот же путь выбрал П. Гришин в полотне «Гражданская казнь Н.Г. Чернышевского» (1978)<sup>27</sup>. Принципы вновь создаваемых экспозиций не требовали наличия картины-иллюстрации в прежнем ее значении. В этот период художники, обращаясь к теме Чернышевского, предпочитали не литературный сюжет, не историко-жанровый подход, а воссоздание атмосферы времени, очарования подлинного предмета, дома, усадьбы.

70 - 80 годы XX века ставят художнику иные задачи: непременно намерение убедить в существовании реального события сменяется стремлением, создавая символический, метафорический образ, вызвать непосредственный эмоциональный отклик зрителя. К таким работам относится и картина П. Гришина, сцена гражданской казни в которой превращается в апофеоз Чернышевского.

В картинах музейного собрания можно отыскать массу несоответствий, исторических казусов, преуменьшений и преувеличений. Возможно, какие-то из них связаны с недостаточной осведомленностью художника. Но в основном и эти особенности обусловлены стоящей перед художником задачей создания образа в границах существующего мифа. Задача заставляла автора, обращаясь к прошлому, расставлять акценты, усугублять характеристики, изменять исторически достоверные детали. В изображаемом прошлом графические и живописные работы более всего представляют тот двадцатый век, в котором родился и существовал свой вариант мифа, предъявляют картину мира, сконструированную временем, которую изобразительное искусство своими методами делало чувственной и достоверной.

В обращениях к собраниям такого рода появляется возможность переосмысления исторической реальности. По выражению одного из современных музейщиков, «артефакты объясняют породившую их эпоху куда лучше книжной мудрости, даже если трактуют ее со знаком «минус» или не совсем достоверно». Они позволяют представить их совокупность как общий образ времени, представляемый и ценимый именно таким. Заданность его конструкции, встроенность его в узор исторического орнамента повествуют о тех, кто создавал, о тех, кто заказывал, о тех, кто с восторгом потреблял созданное. Таким «наглядным пособием», поясняющим механизм рождения и трансформации мифа, мотивы и приемы его использования, может явиться собрание советского искусства музея Н.Г.Чернышевского.

## Примечания

<sup>1</sup> Научный Архив ГДМЧ. Оп. 1. Ед. хр. 51. Д. № 4. Отчет Государственного Дома-музея Н.Г. Чернышевского за 1949 год. С.23.

<sup>2</sup> *Герштейн Эмма*. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. С. 288-289.

«Главное расхождение относилось к методике устройства литературных выставок. Они делали основной упор на словесный материал. Когда этим приемом пытались раскрывать «идейное» содержание сложных художественных произведений великих писателей, получался монтаж цитат. При таком принципе изобразительный материал - душа и ум всякой выставки - невольно оказывается в подчиненном положении. Пейзажи и портреты, «тексты» и мелкие предметы развешивались не только на стенах, но и на дверях, на изразцах голландской печи, на боковой стенке шкафа или на выступе стены...».

<sup>3</sup> Архив. МНГЧ. Оп. 1 н/а. Д. 7. Л. 20.

<sup>4</sup> *Голмиток И.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. С.186. См. также: *Чегодаева М.* Соцреализм. Мифы и реальность. М.: Изд-во Захаров, 2003.

<sup>5</sup> *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Миф-число-сущность. М., 1994. С.195.

<sup>6</sup> Известна история визита Достоевского к Н.Г. Чернышевскому с просьбой остановить пожары в Петербурге; остро неприязненное восприятие Чернышевского временами демонстрировал Лев Толстой; Фет посвятил свою полную раздражения статью язвительному анализу романа «Что делать?».

<sup>7</sup> Цит. по книге: Дело Чернышевского. Сб. документов / Подготовка текста, вводная статья и комментарии И.В.Пороха. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1968. С. 457.

<sup>8</sup> Там же. С.147-148.

<sup>9</sup> Там же. С.538.

<sup>10</sup> *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?». Письмо к издателю «Северной пчелы». // Лесков Н.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 15.

<sup>11</sup> *Пытин А.Н.* О Чернышевском и его издателях. 1877. Рукопись. МНГЧ. ОФ. № 797.

<sup>12</sup> *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания: в 2-х томах / Сост., вст. статья и примечания Э. Виленской и Л. Ройтерберг. М., 1967. Т. 1. С. 142.

<sup>13</sup> История русского утопического социализма XX в. Под ред. Н.И. Бочкарева. М.: Изд-во Московского ун-та. 1985. С.110.

<sup>14</sup> Цит. по кн.: *Лебедев А.А.* Вчерашние уроки на завтра.: Литературная полемика. М.: Советский писатель, 1991. С.144.

<sup>15</sup> См. об этом: *Чегодаева М.* Соцреализм. Мифы и реальность М., 2003; *Голмиток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994.

<sup>16</sup> ГДМЧ. ОФ. № 175.

<sup>17</sup> Там же. № 307.

<sup>18</sup> Там же. № 172.

<sup>19</sup> Там же. № 337.

<sup>20</sup> «К принудительным работам начальство привлекало нас очень редко... Николая Гавриловича начальство не требовало никогда ни к каким работам». *Стахевич С.Г.* Среди политических преступников // Н.Г.Чернышевский. Pro et contra. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2008. С.132.

<sup>21</sup> ГДМЧ. ОФ. № 321.

<sup>22</sup> Там же. № 164.

<sup>23</sup> Там же. № 301.

<sup>24</sup> В воспоминаниях Кокосова приводится история о прибытии в виллойскую ссылку к Чернышевскому адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири Г.В. Винникова с предложением подать прошение о помиловании, от чего Чернышевский решительно отказался. Исследователи склонны считать эти сведения апокрифическими. *Кокосов В.Я.* К воспоминаниям о Н.Г.Чернышевском. // *Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников.* М.: Худож. литерат., 1982. С.359.

<sup>25</sup> ГДМЧ. ОФ. № 3341.

<sup>26</sup> Там же. № 5568.

<sup>27</sup> Там же. № 3336.

**Н.Ю. Кравченко, Т.О. Пелех**

## **ИМИДЖЕВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

За последние годы в музейной работе произошли существенные изменения. В России музей поневоле встал в «цепочку» тех учреждений культуры, которым пришлось встраиваться в современную жизнь, где свою немаловажную роль начинают играть проблемы экономического характера. Музей потерял свои малочисленные привилегии, которыми обладал до конца 1980-х годов<sup>1</sup>. Теперь благополучие музея напрямую стало зависеть не только от его социальной значимости, но, и в значительной степени, от реализации его имиджевого потенциала.

Данный процесс осложняется не только экономическими проблемами, в настоящее время, региональные музеи сталкиваются с коренной перестройкой подхода к массовой культуре посещения музея. Наши музеи длительное время были включены в систему культурно-просветительных учреждений, деятельность которых была ориентирована на идеологическое и политическое переустройство общества. Эта установка сформировала определенные штампы по отношению к самой аудитории этих учреждений культуры. Одним из таких штампов стала ориентация музейной работы на организованные посещения экспозиций. Чрезвычайно популярной стала форма именно такого рода обслуживания музейной аудитории. В данный момент, музею необходимо переориентироваться также и на индивидуального посетителя, для этого важно изучить его ожидания, узнать что он хочет найти для себя при посещении музея. Таким образом, необходимо активно разрабатывать различные подходы к организации экспозиционных комплексов, экскурсионных потоков, ориентируясь на различные виды посетителей музея: коллективные, в малых группах и индивидуальные.

Может сложиться мнение, что между музеем и его аудиторией существует последовательно развивающаяся связь: сначала создается

музей, а потом, якобы, сюда приходят его посетители. На самом деле, уже сама идея музея предусматривает появление его будущего ценителя, всякого, кто придет сюда сегодня, завтра и в более отдаленные от нас времена. Можно даже сказать, что образ музея формируется его ожиданием будущих поколений: музей в равной степени принадлежит нашему сегодняшнему времени и тем эпохам, которые, хочется надеяться, также ревниво будут относиться к своим культурным ценностям.

Итак, «проектный» посетитель в чем-то определенно влияет на стратегию развития этого учреждения культуры и науки. История складывания музея как социального института памяти свидетельствует, что уже на стадии его возникновения делались попытки предсказать будущего посетителя, его интересы и смысл общения музея с ним<sup>2</sup>.

На сегодняшний день очевидна реальная потребность в серьезном и неконъюнктурном знании своего социального статуса, роли и функции в обществе, а также самопрезентация музея, развитие имиджевого потенциала, исследования потребностей реальных и потенциальных посетителей.

Необходимо отметить, что столичные и региональные музеи находятся в различных условиях, что, несомненно, влияет на выстраивание имиджевой стратегии.

У таких столичных музеев как Исторический музей, Оружейная палата, Эрмитаж, Русский музей существенно более благоприятные условия для организации и проведения собственной информационно - рекламной работы со своими будущими посетительскими аудиториями<sup>3</sup>. И вкладываемые в эту деятельность средства, и городская среда, которая более восприимчива к такого рода информации - все это должно было бы стимулировать музеи на широкомасштабные культурно - информационные акции для привлечения нового посетителя. Начнем с простого, того, что в любой сфере человеческой деятельности, а тем более современной, особой значение получает информационно-рекламная ориентация человека в формировании осознанного и мотивированного желания посетить тот или иной музей. Действенность рекламы зависит от социального статуса и общенационального и государственного престижа музея. На самом деле, в нашей стране информационная работа музеев, как столичных, так и региональных не налажена. В своих почтовых ящиках вы не увидите приглашения на музейную выставку, вернисаж, интересный вечер.

Газеты и журналы также скупы на информацию такого рода. Более того, за исключением нескольких специализированных изданий, в своем большинстве наша периодика не очень-то настраивает человека на посещение музея. Такие отрицательные штрихи музейной рекламы, как ее нерегулярность, эпизодичность и чрезмерная лапидарность мало что дает для предварительной подготовки к посещению музея. Можно

посетовать и на то, что все аспекты музейной работы лишены полновесной критической освещенности. В этом смысле музеи употребляются специализированным учреждениям закрытого типа, по роду деятельности скрывающим свою деятельность от чужих глаз. На самом деле, чтобы иметь полновесную информацию о музее требуется наличие широкой системы критической оценки его функционирования. За рубежом эта работа вполне объективно оценивается различного рода профессиональными и популярными изданиями, многочисленными неформальными структурами при самом музее (общества друзей музея, советы при музеях, имеющие представительный социальный спектр, отнюдь не всегда ориентированный только на профессиональность в него людей).

Подчеркнем, что для того, чтобы музею сохранить посетителя и привлекать новые поколения граждан, необходимо вести эффективную музейную деятельность, выстраивать грамотную маркетинговую стратегию.

В этой связи возрастает роль социологических исследований, проводимых для музея, с целью исследования музейной аудитории, ее потребностей. Данные исследования, несомненно повысят эффективность музейной деятельности, но также сыграют существенную роль в формировании городского социологического пространства.

Осознание этой необходимости не ново<sup>4</sup>. Особенность данной ситуации в том, что в настоящее время социологи тесно сотрудничают с музеем в качестве исследователей, пользуясь музейной информацией для выполнения научных задач не связанных с отношением «музей-посетитель». К сожалению, результаты немногочисленных исследований музейной аудитории остаются достоянием узкоспециализированных журналов и не влияют на создание имиджа музея.

Отметим, что подобные исследования являются важными и для развития социологии как науки. В научном социологическом дискурсе актуален вопрос об ответственности социологии перед обществом. Речь идет о том, что социология как наука, при всей важности изучения ее истории, теории не должна забывать о своей полезности для общества. Работа исследователей-социологов по выяснению потребностей современных посетителей музея внесет существенное научное приращение к знанию культурной повседневности общества.

Первые попытки подобных опросов в России имели место в начале прошлого века, так, например, в Государственном Историческом музее, были проведены исследования одним из авторов идеи национального музея И.Е. Забелиным<sup>5</sup>. Интенсификация социологических опросов в музеях в 1920-30-е годы была обусловлена тем положением, в котором оказались российские музеи в первые годы советской власти. Обычное этому факту объяснение - резко изменившийся контингент аудитории

при значительном увеличении общего посетительского потока. В музей стал приходить новый, до сих пор здесь невиданный посетитель.

Становление исследовательской работы в области изучения музейного посетителя также было связано с расцветом социологической и психологической наук. Музейные работники осознавали необходимость привлечения к своей работе выводов социологов, психологов и педагогов. В Историческом музее исследователями, занимавшимися вопросами изучения юного посетителя, активно использовались выводы выдающегося психолога Л.С. Выгодского<sup>7</sup>. А. Бакушинский, педагог и музейный деятель, один из основателей экскурсионной школы, разработал и использовал на практике свою эстетическую теорию «непосредственного эстетического восприятия». Методика проведения социологических исследований: анкетирование, тесты, опросы в музеях выстраивалась под влиянием существовавших тогда актуальных методик в социологии, применявшихся как в России, так и за рубежом.

Кроме того, в 1920-30-е годы в России получает распространение новая наука, вобравшая в себя достижения социологии, психологии и педагогики - педология. Она должна была направлять все стороны учебно-воспитательной работы с детьми. Педологами проводились массовые обследования развития, одаренности детей, их знаний при помощи различных опросов, тестов и т.д. Музеи активно сотрудничали с ними. Была создана Центральная Детская Экскурсионно - туристическая станция (ЦДЭТС), и районные педологические станции, где педологи занимались изучением детей в экскурсионном процессе. ЦДЭТС сотрудничала с группой исследователей в ГИМе под руководством А. Кобылиной, которая вела серьезную работу по изучению юного посетителя музея.

В 2008 году было начато сотрудничество социологического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского и музея Н.Г. Чернышевского. Студенты-практиканты факультета начали проводить исследования, посвященные целевой аудитории музея. Перед социологами ставились задачи выяснить, какое место в досуговой деятельности саратовцев занимает посещение музеев. Знают ли саратовцы о работе музея Н.Г.Чернышевского, о проводимых в его стенах мероприятиях. Одной из задач исследования было получить информацию о том, что может привлечь посетителей в музей.

В результате проведенных исследований были получены интересные данные.

В рамках проведенного исследования было опрошено 303 человека в возрасте от 14 до 44 лет. По гендерному признаку респонденты распределились следующим образом: 46,2% - мужчин и 53,8% - женщин. Большое внимание было уделено школьникам и студентам, подрастающему поколению и молодежи. Опрошенные в возрасте 14-19 лет составили 21,8%, в возрасте 20-24 года - 20,1%.



Перед студентами-практикантами была поставлена задача выяснить, какая часть досуга отводится саратовцами на посещение театров, музеев, консерватории и т. д. Результаты исследования показали, что жители города Саратова предпочитают пассивный отдых активному. Большинство респондентов стремятся провести свободное время на природе - 24,7%, отдыхают дома, в кругу семьи 34,3%, посещают театры, музеи лишь 9,9% населения города. Такое соотношение видов досуга можно объяснить, с одной стороны увеличивающимся темпом жизни и дефицитом общения с членами семьи. С другой стороны, возможно, большая часть населения Саратова понимает под досугом выполнение домашних обязанностей, и 34,3% вынуждены заниматься неотложными домашними работами вместо духовного совершенствования. Интересно, что лишь 0,1% респондентов указали, что в свободное время они занимаются творческой самореализацией.

Тем не менее, практически все опрошенные хотя бы один раз были в музее. По всей вероятности, высокий уровень посещаемости музеев обусловлен тем, что в нашем городе хорошо налажено сотрудничество музеев и средних школ, и большинство жителей города посещали музеи в рамках организованных групповых экскурсий для школьников. Среди наиболее посещаемых музеев было выделено три лидера: Музей им. А.Н. Радищева - 33,1%, Музей Краеведения - 31,4% и Музей Н.Г. Чернышевского - 17,4%.

В ходе исследования опрошенные разделились на две категории: к первой категории были отнесены те, кто посещал музей Н.Г. Чернышевского, ко второй категории те, кто никогда не был в музее.

Были выяснены основные причины, по которым саратовцы не посещают музей. В первую очередь, это отсутствие информации о проводимых в музее мероприятиях и выставках. Половина представителей (50%) возрастной категории от 20 до 24 лет отметили эту причину как основную. Высокий процент, 43,3% опрошенных от 40-44 лет также не проинформированы о мероприятиях, проходящих в музее. Примерно одна треть представителей других возрастных категорий солидарны с тем, что музей слабо рекламирует свою деятельность не привлекая посетителей.

Следующей важной причиной, влияющей на установку горожан не посещать данный музей является отсутствие у них интереса к личности Н.Г. Чернышевского. Это в большей степени относится к тем, кому за сорок лет - 20%. Среди школьников и студенческой молодежи ответы распределились следующим образом, 14,3% респондентов не интересуются личностью Н.Г. Чернышевского в возрастной группе 14-19 лет, 16,7% в возрастной группе 20-24 года. В этой связи необходимо проводить дальнейшие исследования для выяснения причин подобного распределения. Важно выявить, что привлекает в жизни и творчестве Н.Г. Чернышевского жителей г. Саратова, какие грани личности нашего

известного земляка необходимо открыть для того чтобы привлечь саратовцев.

По итогам исследования можно сказать, что саратовцы плохо информированы о проводимых в музее мероприятиях. Это отмечают респонденты всех возрастных категорий.

Выявляя причины слабой посещаемости музея, можно прийти к следующим выводам. Для успешного функционирования музея необходимо развивать его имиджевый потенциал, принимая во внимание сказанное возможными посетителями. Прежде всего, надо обратить внимание на информированность населения об экскурсиях, мероприятиях, проводимых в музее. Как показало исследование, большинство саратовцев хотели бы узнавать эту информацию из телевизионных новостей и специальных программ. Несмотря на рост такого информационного канала как Интернет, телевидение остается наиболее доступным и привлекательным средством массовой информации. Большинство индивидуальных посетителей музея приходят на экскурсии по совету друзей и знакомых, в связи с этим важно заинтересовать каждого пришедшего в музей, не оставить равнодушным к личности и творчеству Н.Г. Чернышевского.

В представленных исследованиях социологами были изучены пожелания саратовцев, особенно были рассмотрены различия в восприятии проблемы мужчинами и женщинами, представителями различных возрастных категорий.

Таким образом, можно делать вывод, о необходимости развития имиджевого потенциала регионального музея. На сегодняшний день практически все вопросы музейной коммуникации остаются слабоизученными. Ситуация, когда вся исследовательская работа сводится к фиксированию количества посетителей, что подсчитывается по проданным билетам, не жизнеспособна в рыночных условиях. Как никогда актуальным становится сотрудничество социологов и музейных работников для сохранения нашего культурного наследия и воспитания будущих поколений.

#### Примечания

<sup>1</sup> Музейное дело России. М., 2003. С. 487.

<sup>2</sup> К примеру, Ф.И. Шмит еще в 20-е г.г. XX века предложил типологию музеев, четко выстраиваемую исходя из интересов различных посетительских групп. Попытка построения типологии музеев на базе аудиторных предпочтений проводилась в 1970-80-е г.г. на основе крупного общероссийского социологического исследования «Музей и посетитель».

<sup>3</sup> Музейное дело России. С. 488.

<sup>4</sup> Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей. Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология. СПб., 2001, С. 230.; Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: учебное пособие по музейной педагогике М., 2001.

<sup>5</sup> Куценко О.Д. Общество и социологическая интервенция. // Социологический журнал. 2009, №2, с.97-103.

<sup>6</sup>Музейное дело России. С. 506.

<sup>7</sup> Там же. С. 487.

**И.Н. Плешаков**

## **ДЕЛО ОБ ОСКОРБЛЕНИИ Д.Л. МОРДОВЦЕВЫМ САРАТОВСКИХ ВОЕННЫХ В 1859 ГОДУ**

Первые годы после завершения Крымской войны стали временем надежд, ожидания и грядущих преобразований, пробуждения русского общества. Довольно скоро политическая «оттепель» затронула и периодическую печать, но существовавшие в царствование Николая I цензурные ограничения приводили к тому, что за право свободно высказываться газетчикам пришлось побороться. Интересный эпизод на этом пути связан с именем известного впоследствии писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева (1830 - 1905). В конце 50-х гг. он занимал должность начальника газетного стола Саратовского губернского правления и редактировал неофициальную часть «Саратовских губернских ведомостей»<sup>1</sup>. На страницах газеты Д.Л. Мордовцев помещал заметки по истории края, статистические очерки и фельетоны. В это время «впервые читающая провинциальная публика знакомится с ним, как с даровитым фельетонистом обличительного пошиба»<sup>2</sup>. Благодаря ему, прежде сугубо официальное издание, становится одним из лучших органов периодической печати в русской провинции. Спустя пять лет после нашумевшего скандала с публикацией Н.И. Костомаровым в той же газете записанных в губернии народных песен, Саратов снова привлёк к себе внимание петербургских властей<sup>3</sup>. В 1859 г. только начинавшаяся карьера Д.Л. Мордовцева едва не прервалась из-за появившейся в редактируемом им издании заметки из жизни квартировавшего в Саратове Бутырского пехотного полка. В историографии обстоятельства происшествия пересказываются со слов самого Д.Л. Мордовцева, причём фигурируют то одна, то две статьи. При этом суть вопроса и последовавшие за публикацией события либо вовсе не рассматриваются, либо трактуются неверно. Так, даже биограф писателя В.С. Момот написал, что Д.Л. Мордовцев привлекался за фельетон «о безобразиях, допущенных во время карательной экспедиции против крестьян одним полком и за «ироническое» отношение к «крымским героям»»<sup>4</sup>. Это, ни на чём не основанное утверждение, лишь немного перефразировав,

повторил В.М. Захаров<sup>5</sup>. Ещё раньше в некрологе писателя журнал «Исторический вестник» сообщил, что за напечатанный фельетон Д.Л. Мордовцев был «арестован»<sup>6</sup>. Эти ошибки тем удивительнее, что «Саратовские губернские ведомости» за 1859 г. не являются библиографической редкостью. Подшивки газеты и микрофильмы с ними имеются как в Москве и Петербурге, так и в Саратове.

С лета 1856 г. в Саратовское Поволжье начали прибывать соединения 6-го армейского корпуса. В давно не видевшей военных постояльцев губернии разместились на квартирование три полка 17-й пехотной дивизии и батареи трёх бригад 6-й артиллерийской дивизии. Когда 1 августа саратовцы торжественно встречали и угощали военнослужащих Бутырского пехотного полка<sup>7</sup>, они явно не могли предположить, что за три последующих года от их благодушного восприятия «крымских героев» мало что останется. А полк действительно был героическим. За шестьдесят лет своей истории он успел проделать с А.В. Суворовым легендарный Швейцарский поход, сражался с Наполеоном при Аустерлице в 1805 г., в Отечественной войне 1812 г. За отличие при Краоне в 1814 г. бутырцы получили первое Георгиевское знамя. Второе принесла им битва при р. Чёрной во время Крымской войны.

Местные дамы обрели в лице офицеров завидных кавалеров, овеянных ореолом героической славы «защитников Севастополя». Игравший в летнем саду полковой оркестр стал постоянным участником праздников и регулярно играл в летнем саду. Одним из ярких впечатлений детства будущего городского деятеля и мемуариста И.Я. Славина стало его присутствие в 1857 г. на маневрах Бутырского и Бородинского полков: «около нас солдаты с ружьями, с блестящими штыками, перед ними какие-то люди, с серебряными и золотыми накладками на плечах, у них в руках обнаженные сабли, сверкающие на солнце... кругом шум, залпы ружейных выстрелов, где-то совсем близко бухает пушка, ... слышатся где-то массивные крики: «Ура!» Наша толпа порывисто движется вперед... Дед, смотря через головы передних, говорит мне улыбаясь: «Ну, Ваня, наша взяла; видишь -неприятель отступает»<sup>8</sup>. Но если от любви до ненависти всего один шаг, от симпатии до антипатии и того меньше. В первые же месяцы пребывания в крае армейских постояльцев расследованием их неприглядного поведения вынужден был заняться чиновник для особых поручений при губернаторе Ф.У. Палимпсестов - одноклассник по семинарии, друг юности и молодости Н.Г. Чернышевского, знакомство с которым он поддерживал и после переезда в Санкт-Петербург<sup>9</sup>. К 1859 г. возмущение царившими у военных порядками могло достичь своего апогея и на этом фоне выступление Д.Л. Мордовцева уже не выглядит случайным. Вполне возможно, что он выражал настроения значительной части саратовцев. Обратим внимание и на тот исторический момент, когда писатель

решился «бросить камень» в святая святых империи. В 1859 г. в России и Саратовской губернии началось так называемое «трезвенное» движение, вызвавшее большое беспокойство властей. В столице над проектами освобождения крестьян работали редакционные комиссии. Слухи о предстоящих переменах, их томительное и тревожное ожидание волновали умы подданных. 1859 год - общепринятая в советской историографии начальная дата «первой революционной ситуации». В том же году герой нашего повествования Д.Л. Мордовцев стал инициатором издания в Саратове «Малороссийского литературного сборника».

Итак, обратимся непосредственно к статьям, едва не стоившим их автору карьеры. 13 июня 1859 г. в разделе «Смесь» редактор поместил описание состоявшейся в Саратове на Московской пл.<sup>10</sup> 31 мая торжественной церемонии освящения и передачи полку трёх заслуженных им в Крымскую кампанию Георгиевских знамён. «До начала освящения, - писал Д.Л. Мордовцев, - полк стоял в строю и его мочило, секло, как песенную ивушку, частым дождём и градом. Солдаты и офицеры были пробиты до последней нитки; мундиры их представляли подобие губки, наполненной водою; вид полка был жалок под этим дождём и скорее напоминал стаю мокрых птиц, чем храбрых защитников Севастополя». Далее Д.Л. Мордовцев сообщает: «Недавно мы наткнулись на улице на следующую оживлённую сцену. Шёл себе тихонько, задумавшись о чём-то, отставной, если не ошибаюсь, унтер-офицер, довольно почтенной наружности. Навстречу ему молодой офицер, хотя не почтенной, но замечательной наружности: сам ноготок, нос с локоток - кажется греческий. Не заметил ли бедный унтер-офицер присутствия на улице его благородия, задумавшись о суете мира сего, или принял офицера, за простого смертного, только не успел снять фуражку перед его благородием. Его благородие, не говоря ни худого, ни хорошего слова, подходит к унтер-офицеру и полновесной оплеухой кладёт знак на его лице. Должно быть дело идёт о субординации, подумал я, - и меня покорило. Завязался крупный разговор, и за ним последовала ещё более крупная пощёчина. Признаюсь, я отвернулся от этой возмутительной сцены с грустным чувством...»<sup>11</sup>. Спустя полтора месяца Д.Л. Мордовцев снова обращается к порядкам, царившим среди квартировавших в губернии военных, в путевых записках. «В настоящее время, каким бы выселом ни проезжали в Саратовской губернии, везде встретите писанные мелом на заборах и воротах какие-то знаки и цифры, иногда целые слова: 2 р., 3 с. р.<sup>12</sup>, сам и т.п.; попадаютя и другие слова, а также кресты, только чаще встречается буква р. Это значит, что в губернии военный постой и что таинственные иероглифы изображают служебные занятия фельдфебеля, который, расставляя по квартирам свою роту, собственно рукою пишет непонятные для крестьян и известные ему одному «Мане-факел-фарес». Что изображает лаконическое, но выразительное «сам», мы не могли догадаться, не будучи одарены

прозорливостью пророка Даниила; но, вероятно, что это квартира «самого» фельдфебеля, который всегда пользуется в роте большою популярностью, чем сам ротный, потому что жестоко колотит солдат (говорят, этого теперь нет); а может быть, под словом «сам» разумеется ротный. Этими же знаками исчерчены все заборы и ворота в Саратове»<sup>13</sup>. Оговорка о том, что рукоприкладства в армии «теперь нет», с безадресной отсылкой к чужому мнению («говорят»), фактически, обесценивающей это отрицание, очень напоминает попытку Д.Л. Мордовцева смягчить свои же слова в процитированном выше фельетоне о поступке офицера.

Реакция на заметки последовала незамедлительно. Оскорблённое армейское начальство пожаловалось военному министру Н.О. Сухозанету. Лояльный к Д.Л. Мордовцеву саратовский губернатор А.Д. Игнатъев отправил его в столицу для разбирательства. Незадолго до скандала Игнатъев выдал свою дочь за сына Сухозанета, так что унять гнев военных, видимо, особого труда не представляло. Отъезд Д.Л. Мордовцева был оформлен как четырёхмесячный отпуск в Москву и Санкт-Петербург, из которого, «по болезни», тот вернулся с опозданием<sup>14</sup>.

В столице виновник происшествия нашёл своих давних знакомых Т.Г. Шевченко, Н.И. Костомарова и только что вернувшегося из Лондона с памятных переговоров с издателем «Колокола» А.Н. Герценом (и уже успевшего побывать в Саратове) Н.Г. Чернышевского. Первым двум ещё хорошо были памятны недавно пережитые лишения из-за конфликта с властями. Н.И. Костомаров и вовсе панически переживал в эти месяцы любые оплошности, способные снова навлечь на него гнев правительства<sup>15</sup>. Н.Г. Чернышевский, испытания которого были ещё впереди, напротив, воспринял неприятность Д.Л. Мордовцева с юмором, встретив последнего словами: «читали, читали ваше обличение... Назвать героев-бутырцев «мокрыми»<sup>16</sup> орлами»; чуть не курами! Да за это обличение сидеть вам в месте злачнее, в месте прохладнее, идеже праведник пророк Николай и Кобзарь Тарас упокояшася»<sup>17</sup>. Шуточный прогноз Н.Г. Чернышевского не оправдался. Либерально настроенный статс-секретарь П.А. Валуев<sup>18</sup> подал императору Александру II благожелательный для Д.Л. Мордовцева доклад. В итоге в отношении автора заметок и покровительствовавшего ему губернатора А.Д. Игнатъева ограничились выговором.

Позже Д.Л. Мордовцев не без хвастовства вспоминал о злополучной «анафемской заметке», в которой «обличил» офицера, ударившего по лицу «какого-то унтер-офицера, да ещё так, что аж так и ляснуло! Ну, накажи он его у себя в казармах, не при людях - это его дело. А то на улице!». Далее Д.Л. Мордовцев признавался: «Ну да это не велика птица - офицер. А я - каюсь! - в той несчастной заметке зацепил маленько и весь полк. Быть может, оно так бы и кончилось в Саратове,

хотя все офицеры до одного хотели было вызвать меня на дуэль, но тут прямо замешался сам нечистый. На беду пошло это гулять по всем изданиям матушки России, да ещё и перескочило и за границу»<sup>19</sup>.

Характерно, что в том же 1859 г. с целью направить деятельность журналов «к общей государственной цели» был создан «Комитет по делам книгопечатания». Одновременно обсуждалась идея учреждения особого Министерства цензуры<sup>20</sup>. Разрабатывавший один из проектов реформы А.В. Никитенко 23 июня 1859 г. записал в своём дневнике: «Я полагаю, что если мысль наша и литература должны по роковой необходимости стать в открытую вражду с правительством, то теперь ещё не пришло к тому время»<sup>21</sup>. Спустя две недели 8 июля он сделал любопытную запись о позиции влиятельных чиновников П.А. Муханова и А.Е. Тимашева, которые были «сильно озлоблены против литературы, особенно против так называемой обличительной литературы, последними выходками её. Они, кажется, расположены к самым жёстким мерам»<sup>22</sup>. В этом отношении «саратовское дело» явно пришлось «кстати», а попавший под горячую руку провинциал ещё очень легко отделался. Самого же Д.Л. Мордовцева невольное знакомство с цензурным закулисным империи побудило обратить внимание на историю вопроса, результатом чего стала вышедшая в начале следующего 1860 г. статья в журнале «Русское слово»<sup>23</sup>.

Скандал 1859 г. сыграл важную роль и в биографии писателя. Когда на закате жизни по адресу Д.Л. Мордовцева начали раздаваться обвинения в том, что, заведя газетным столом губернского правления, он фактически являлся цензором, маститый литератор в своё оправдание напоминал давний эпизод, в котором он сам едва не «пострадал» от бдительного надзора властей. «За всё время моего редакторства почти в каждом номере я выступал с обличением всего, что требовало обличений, и каждую неделю обличаемые являлись к губернатору с жакобами на меня. Но я не унимался - это именно было время обличений и увлечений пред освобождением крестьян. И я дообличался до того, что за две мои заметки о квартировавших тогда в Саратове войсках (заметки юмористические) последовал высочайший выговор губернатору Игнатьеву с Высочайшим повелением подвергнуть наказанию редактора «Губ. вед.» и автора заметки, т.е. меня», - писал Д.Л. Мордовцев Н.Ф. Хованскому<sup>24</sup>.

Примечательно, что в похожую неприятность с участием военных попал в Саратове в эти годы актёр П.М. Медведев. Для роли гарнизонного офицера, представавшего со сцены в весьма неприглядном образе, он одолжил мундир местного батальона. Увиденное вызвало возмущение окружного генерала Внутренней стражи, потребовавшего через губернатора прекратить спектакли. Лишь публичное извинение П.М. Медведева перед строем офицеров исправило положение<sup>25</sup>.

Дело об оскорблении военных имеет не только биографический интерес. На рубеже 50 - 60-х гг. русское общество ждало перемен. Либеральные публицисты являлись выразителями этих чаяний и в эти годы, так сказать, «прощупывали почву». В царствование императора Николая I армия оставалась замкнутой кастой, заботливо ограждённой от критических поползновений литераторов и сатириков<sup>26</sup>. Печальные итоги Крымской войны изменили отношение русского общества к людям в погонах. Престиж военной службы резко упал, а неудачи на полях сражений вызвали разочарование в недавно обожаемой и считавшейся непобедимой русской армии. Даже бывший начальник штаба Севастопольского гарнизона князь В.И. Васильчиков констатировал, что «страна с 80-миллионным населением, страна по преимуществу военная, страна, жертвовавшая самыми жгучими своими потребностями и интересами для создания сильной многочисленной армии, в минуту развязки оказалась несостоятельной на том именно пункте, где ей угрожала действительная опасность»<sup>27</sup>. В преддверии грядущих испытаний Крестьянской реформой власть тщательно оберегала свою единственную надёжную союзницу - армию от любых посягательств. Лишь верное и неприступное для либеральных идей войско могло противостоять витавшей в воздухе и владевшей умами интеллектуальной элиты опасности революции. Пока в верхах шла открытая и закулисная борьба вокруг планов освобождения крестьян и общего взгляда на судьбу реформ, правительство предпочитало в корне пресекать излишнее рвение наиболее радикальных общественных деятелей и журналистов. Характерно, что напрашивавшаяся сама собою после Крымской трагедии военная реформа, по сути, оказалась последней в ряду великих реформ царствования Александра II. Почти два десятилетия до введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в преобразовании армии власть ограничивалась малозначительными структурными изменениями, а во главе военного министерства стоял известный ретроград Н.О. Сухозанет. В 1859 г. попытка начать разговор об армейских порядках оказалась преждевременной. Совсем скоро на армию обрушится целый поток обличений, а новый военный министр Д.А. Милютин начнёт радикальную перестройку всей военной машины Российской империи. Обсуждение армейских порядков выльется на страницы книг и периодической печати. Значительные изменения произошли в офицерском составе армии. Молодые командиры стремились сблизиться с солдатами и спешили покончить с пагубным наследием прошлого. «Полковая жизнь начала устраиваться по-новому. Попойки прекратились, картёжная игра сделалась реже, время проводили в товарищеских беседах, в спорах, в чтении, ...стали интересоваться всем, что интересовало общество, что было общей злобой дня, ... начали серьёзно учиться»<sup>28</sup>. В марте 1862 г. офицеры русской армии, в числе которых были представители частей, квартировавших в Саратовской губ., включая



подпоручика Бутырского полка Симонова, подписались под нашумевшим «протестом 106 офицеров разных родов войск». Их возмущение вызвала помещенная на страницах «Военного сборника» статья, оправдывавшая армейское рукоприкладство. Примечательно, что исследователи связывали появление документа с деятельностью круга единомышленников Н.Г. Чернышевского<sup>29</sup>.

В годы, когда новороссийский генерал-губернатор А.Г. Строганов произнёс крылатые слова: «Одесса шумит, я сделаю из неё Саратов!»<sup>30</sup>. Но совсем скоро устоявшееся реноме грибоедовской «глуши» начнёт стремительно ухудшаться, чему весьма способствовала практиковавшаяся много лет ссылка сюда «неблагонадёжных» персон. Уже осенью 1862 г., напутствуя нового начальника губернии Н.М. Муравьёва, министр внутренних дел П.А. Валуев тревожно предупреждал его: «Саратов в огне»<sup>31</sup>. С конца 60-х гг. край оказался «на плохом счету в политическом отношении: имена Чернышевского и Каракозова составили ему определённую репутацию...»<sup>32</sup>. Заслужив почётный титул «волжских Афин», губерния стала настоящим «рассадником революции», центром народнического движения и «хождения в народ», родиной целой плеяды революционных деятелей и партий, аграрных беспорядков и «иллюминаций» помещичьих имений в 1905-1907 гг. В начале XX в. только упоминание о Саратове будет бросать жандармов в холодный пот<sup>33</sup>. Одним из первых вековую тишину хрестоматийного провинциального захолустья в 1859 г. нарушил Д.Л. Мордовцев.

#### Примечания

<sup>1</sup> См.: Государственный архив Саратовской области (далее - ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2041. Л. 1.

<sup>2</sup> Глинский Б.Б. Среди литераторов и учёных. Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914. С. 239.

<sup>3</sup> См. подробнее: *Калашников М.В.* Дело о великорусских народных песнях Саратовской губернии (к вопросу о печати и цензуре в николаевскую эпоху) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.) Саратов, 2006.

<sup>4</sup> *Момот В.С.* Даниил Лукич Мордовцев. РнД, 1978. С. 42.

<sup>5</sup> *Захаров В.М.* С верой в будущее России // Коммунист. 1984. 10 апреля; Он же. Исследователи народных движений (Историко-краеведческая деятельность Н.И. Костомарова и Д.Л. Мордовцева) // Годы и люди. Вып. 6. Саратов, 1992. С. 139.

<sup>6</sup> См. Исторический вестник. 1905. № 7. С. 213.

<sup>7</sup> См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8832. Л. 13 об.

<sup>8</sup> *Славин И.Я.* Минувшее-пережитое. Воспоминания // Волга. 1998. № 2 - 3. С.

<sup>9</sup> См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1356; [Палимпсестов И.У.] Н.Г. Чернышевский. По воспоминаниям земляка // Русский архив. 1890. № 4. Примечательно, что именно Д.Л. Мордовцев летом 1856 г. сменил автора воспоминаний на посту начальника газетного стола Саратовского губернского правления (См.: *Юдин П.Л.* Мордовцевы в Саратове // Исторический вестник. 1907. № 3. С. 926).

<sup>10</sup> Ныне на ней находятся Саратовский государственный университет и Саратовский военный институт Внутренних войск МВД РФ.

<sup>11</sup> [Мордовцев Д.Л.] Смесь // Саратовские губернские ведомости. 1859. 13 июня. Саратовец А.Н. Пыпин - известный литературовед, историк и двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, вспоминал, как «в ранние отроческие годы» (40-е гг. XIX в.) наблюдал обучение солдат «с помощью палок, и воин, за которым оказывалась малейшая неисправность, тут же всенародно подвергался экзекуции. Зрелище, замечательно гнусное» (См.: *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Саратов, 1996. С. 54 - 55). Гораздо позже, в 70-е гг., юный А.А. Гераклитов стал свидетелем сцены, похожей на ту, что наблюдал в 1859 г. Д.Л. Мордовцев. Проходивший по улице пожилой солдат не заметил в вечерней темноте сидевшего на скамье отставного офицера. Хотя тот был без фуражки, «после нескольких грубых слов последовали удары по лицу, и с тех пор офицеры опротивели мне на всю жизнь» (См.: *Гераклитов А.А.* Воспоминания. Саратов, 2004. С. 45).

<sup>12</sup> Т. е.: 2 рота, 3 стрелковая рота и т. д.

<sup>13</sup> [Мордовцев Д.Л.] От Саратова до Аткарска и обратно // Саратовские губернские ведомости. 1859. 25 июля. Нравы офицеров Бутырского пехотного полка хорошо иллюстрирует сцена, имевшая место в одном из сёл Саратовской губ. сразу после объявления манифеста об отмене крепостного права в 1861 г. Собравшиеся у здешнего помещика офицеры сетовали на грозящее им разорение, а после употребления горячительных напитков и вовсе «пошла беседа на распахку: «Эх, бывало, бери любую!.. А теперь?» Чего-то тут не наговорено, что-то не вспомнилось!.. По всему было видно, что манифест был написан, не спросив ни бутырцев, ни И.И-ча» (*Розанов А.И.* Записки сельского священника // Русская старина. 1880. № 1. С. 53).

<sup>14</sup> См.: *Юдин П.Л.* Указ. соч. С. 928.

<sup>15</sup> См.: *Панаева (Головачёва) А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 238 - 241.

<sup>16</sup> В некоторых публикациях ошибочно приводится словосочетание «морскими орлами». Несомненно, речь идёт о неправильном прочтении рукописи или опечатке, так как ничего похожего на эпитет «морские» Д.Л. Мордовцев по отношению к военным в указанной статье не применял.

<sup>17</sup> *Мордовцев Д.Л.* Из минувшего (перевод с украинского) // Саратовский листок. 1905. 7 июля; *Мордовцев Д.Л.* Из минувшего и пережитого (о батьке Тарасе и ещё кое о чём). Воспоминания // Т.Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 297. Подлинник текста написан по-украински, вследствие чего при переводе возникли разночтения

<sup>18</sup> Характерно, что даже пропуск в печать романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в 1863 г. П.А. Валуев, тогда уже министр внутренних дел, приписал себе в заслугу (См.: *Рейнгардт Н.В.* Н.Г. Чернышевский (По воспоминаниям и рассказам разных лиц) // Русская старина. 1905. № 2. С. 464. В.С. Момот ошибочно «повысил» П.А. Валуева до министра уже в 1859 г. (См. *Момот В.С.* Указ. соч. С. 42).

<sup>19</sup> См.: *Мордовцев Д.Л.* Из минувшего (перевод с украинского) // Саратовский листок. 1905. 7 июля; *Мордовцев Д.Л.* Из минувшего ... С. 297.

<sup>20</sup> См.: *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; *Сакулин П.Н.* Печать и цензура в царствование императора

Александра II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под редакцией В.В. Каллаша. Т. VI. СПб., 1905.

<sup>21</sup> Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 95.

<sup>22</sup> Там же. С. 99.

<sup>23</sup> См.: Мордовцев Д.Л. Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности // Русское слово. 1860. № 2, 3.

<sup>24</sup> См.: Хованский Н.Ф. Саратовские губернские ведомости (История их издания) // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов, 1893. С. 283.

<sup>25</sup> См.: Саратовский листок. 1900. 19 января.

<sup>26</sup> См.: Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 136 - 137.

<sup>27</sup> Васильчиков В.И. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский архив. 1891. Кн. 2. С. 181.

<sup>28</sup> См.: Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1908. № 9. С. 706. См. также: Воспоминания В.Н. Никитина // Там же. 1906. № 9. С. 634 - 635.

<sup>29</sup> Дьяков В.А., Смирнов А.Ф. Протест 106 офицеров // Революционная ситуация в России в 1859 - 1861 гг. М., 1960. С. 224 - 237; Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 - 1865 годов. М., 1967. С. 158.

<sup>30</sup> См.: Колокол. Прибавочные листы к «Полярной звезде». 1859. 1 января.

<sup>31</sup> См.: Сушицкий В. Воспоминания Е.А. Белова о Чернышевском // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. IV. Саратов, 1931. С. 149.

<sup>32</sup> См.: Славин И.Я. Минувшее-пережитое. Воспоминания // Волга. 1998. № 7. С. 87.

<sup>33</sup> См.: [Гусев С.С.] Эсь С. По родным уголкам (От нашего корреспондента) // Московские ведомости. 1908. 1 октября); Ерошкин А.В. П.А. Столыпин и указ 9 ноября. Лекция, читанная в Москве и в Петербурге // Правда Столыпина. Сборник. Альманах. Вып. 1. Саратов, 1999. С. 82, 89; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004.

**УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ СБОРНИКОВ  
«Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ  
И МАТЕРИАЛЫ» ЗА 1958-2007 гг. (Вып. 1-16)**

**I. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ**

**Вып. 1.** / под ред. Е.И. Покусаева (отв. ред.), Ю.Г. Оксмана, А.П. Скафтымова. – Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1958. – 543 с.

I. Статьи и исследования

1. *Бельчиков Н.Ф.* Ленин о традициях Чернышевского. С. 5-41.
2. *Медведев А.П.* Н.Г.Чернышевский в кружке И.И. Введенского. С. 42-104.
3. *Бушканец Е.Г.* Н.Г. Чернышевский и писатели-демократы. С. 105-153.
4. *Лебедев А.А.* Некоторые особенности художественного метода Чернышевского. С.154-213.
5. *Пинаев М.Т.* Образ ученого в творчестве Н.Г. Чернышевского. С. 214-271.
6. *Лазерсон Б.И.* Ирония в публицистике Чернышевского. С. 272-335.
7. *Бельчиков Н.Ф.* Н.Г. Чернышевский и вопрос о крестьянстве в 80-е годы. С. 336-357.

II. Материалы и сообщения

8. *Козьмин Б.П.* Н.Г. Чернышевский и Н.П. Корелкин. С. 361-374.
9. *Бугаенко П.А.* О работе Чернышевского над магистерской диссертацией. С. 375-390.

10. *Рейсер С.А.* Чернышевский в Петербурге. С. 391-411.
  11. *Чернышевская Н.М.* Личная библиотека Чернышевского. С. 412-478.
  12. *Ефремов А.Ф.* К вопросу об авторстве безымянной рецензии на книгу Бруно Гильденбранда «Политическая экономия настоящего и будущего». С. 479-493.
  13. *Егоров Б.Ф.* Неизвестные рецензии Н.Г. Чернышевского. С. 494-498.
  14. *Магон Л.* Роман «Что делать?» и общественно-политическая платформа «Молодой России». С. 499-513.
  15. *Медведева Л.П.* Поэзия Некрасова в беллетристике Чернышевского. С. 514-533.
- Указатель имен.* С. 534-541.

Вып. 2. / под ред. проф. Е.И. Покусаева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961. – 332 с.

#### І. Исследования и статьи

16. *Медведев А.П.* Н.Г. Чернышевский и В.П. Лободовский. С. 3-34.
17. *Таубин Р.А.* Кружок Н.Г. Чернышевского и вопрос о создании революционной партии в годы первой революционной ситуации в России. С. 35-79.
18. *Бушканец Е.Г.* Н.Г. Чернышевский в борьбе за наследие Н.А. Добролюбова. С. 80-95.
19. *Зельдович М.Г.* Забытый эпизод борьбы вокруг романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». С. 96-115.
20. *Лебедев А.А.* Эмансипация чувств (К характеристике героя произведения Н.Г. Чернышевского «Дневник Левицкого»). С. 116-153.
21. *Лазерсон Б.И.* Парабола в публицистике Н.Г. Чернышевского. С. 154-173.

22. *Бочкарев В.А.* Некоторые вопросы теории драмы в освещении Н.Г.Чернышевского. С. 174-198.

## II. Материалы и сообщения

23. *Чернышевская Н.М.* Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского». С.200-233.

24. *Рейте М., Зольдхеи Ж.* Первый венгерский перевод романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?». С. 234-243.

25. *Ефремов А.Ф.* Стиль полемики Н.Г. Чернышевского («Полемические красоты»). С. 244-260.

26. *Соколова М.А.* Н.Г. Чернышевский о вопросах текстологии. С.261-288.

27. *Бугаенко П.А.* Новые материалы о Н.Г. Чернышевском. С. 289-294.

28. *Шатино А.М.* Н.Г.Чернышевский о некоторых вопросах политической концепции идеолога английских либералов Д.С. Милля. С. 295-304.

29. *Покусаев Е.И., Порох И.В.* Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых. С. 305-324.

*Указатель имен.* С. 325-331.

**Вып. 3.** / под ред. проф. Е.И. Покусаева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962. – 384 с. – [Сборник подготовлен к V Международному съезду славистов в Софии].

## I. Исследования и статьи

30. [*Покусаев Е.И.*] От редактора. С. 3-4.

31. *Усакина Т.И.* Чернышевский и Валерьян Майков. С. 6-22.

32. *Базанов В.Г.* Чернышевский и некоторые проблемы демократического народоведения. С.23-49.

33. *Селезнев В.М.* Чернышевский об Островском. С. 50-61.

34. *Лазерсон Б.И.* Публицистика Чернышевского в годы революционной ситуации. С. 62-91.

35. *Антонова Г.Н.* Чернышевский и Тургенев о «лишних людях» (1859-1863 гг.) С. 92-106.

36. *Виникова И.А.* Полемика И.С. Тургенева с А.И. Герценом в 1862-1863 гг. С. 107-125.

37. *Барцевич В.П.* Реализм правды без всяких прикрас («Очерки бурсы» Помяловского). С. 126-150.

38. *Покусаев Е.И.* После крушения революционной ситуации. С. 151-180.

## II. Материалы и сообщения

39. *Чернышевская Н.М.* Младший сын Н.Г. Чернышевского С. 183-212.

40. *Домановский Л.В.* К саратовским взаимоотношениям Н.Г. Чернышевского и Н.И. Костомарова. С.213-232.

41. *Боград В.Э.* Доцензурная редакция статьи Чернышевского «Откупная система». С.233-248.

42. *Рейсер С.А.* Воспоминания А.А. Слепцова. С. 249-282.

43. *Порох И.В.* Из дневниковых записей И.Е. Забелина. С. 283-289.

44. *Курганов В.Н.* Новые документы о пребывании Чернышевского в Петропавловской крепости. С.290-303.

45. *Бушканец Е.Г.* Стихотворение «На казнь Чернышевского» и его автор. С. 304-312.

46. *Егоров Б.Ф.* Дополнение к теме «Чернышевский и Л. Толстой». С.313-316.

47. *Алданова М.А.* «Что делать?» и повести Н.Ф. Бажина 60-х гг. С.317-333.

48. *Иванова М.В., Супоницкая П.А.* Роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?» в советских изданиях и критической литературе. Библиографический указатель. С. 334-370.

49. *Чернышевская Н.М.* Н.А. Алексеев. С. 371-376.

*Указатель имен.* С. 377-382.

**Вып. 4.** / под ред. проф. Е.И. Покусаева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 284 с.

### 1. Исследования и статьи

50. *Зельдович М.Г.* Статьи Н.Г. Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов. С. 5-39.

51. *Усакина Т.И.* К истории статей Чернышевского о Толстом. С. 40-53.

52. *Ефремов А.Ф.* Речевые средства построения образа «особенного человека» в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». С. 54-60.

53. *Лазерсон Б.И.* Эзоповская речь в публицистике Чернышевского. С. 61-82.

54. *Демченко А.А.* Из истории полемики Н.Г. Чернышевского с А.В. Дружининым. С. 83-92.

55. *Вердеревская Н.А.* Роман Н.Г. Чернышевского «Повести в повести» и журнальная полемика 1861-1862 годов. С. 93-103.

56. *Гаркави А.М.* К спорам о стихотворении Некрасова «Н.Г. Чернышевский». С. 104-117.

57. *Прозоров В.В.* Эпизод из пропаганды эстетических идей Чернышевского. С. 118-125.

58. *Смирнов В.Б.* Н.Г.Чернышевский и крестьянские очерки Глеба Успенского. С. 126-145.

59. *Мысляков В.А.* К теории сатиры (в свете положений революционно-демократической эстетики). С. 146-168.

60. *Татаринцев А.Г.* Радищев в оценке шестидесятников. С. 169-185.



## II. Материалы и сообщения

61. *Бушканец Е.Г.* Н.Г. Чернышевский - учитель Саратовской гимназии. (По новым архивным материалам). С. 187-199.
62. *Нольман М., Пьяных М.* Проект резолюции по делу Чернышевского. С. 200-202.
63. *Барцевич В.П., Курганов В.Н.* Чернышевский в Петропавловской крепости (новые документы). С. 203-238.
64. *Егоров Б.Ф., Рейсер С.А.* Письма И.А. Пиотровского к Н.Г.Чернышевскому. С. 239-242.
65. *Рейсер С.А.* Неизданный отрывок воспоминаний А.А. Слепцова. С. 243-250.
66. *Порох И.В.* Из цензурной истории «Воспоминаний» П.Ф. Николаева о Н.Г.Чернышевском. С. 251-253.
67. *Чернышевская Н.М.* У истоков (К истории создания Дома-музея Н.Г.Чернышевского). С. 254-278.
- Указатель имен.* С. 279-283.

**Вып. 5.** / под ред. проф. Е.И. Покусаева – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1968. – 216 с. – [Сборник подготовлен к V Международному съезду славистов].

68. [*Покусаев Е.И.*] От редактора. С. 3-4.

## I. Исследования и статьи

69. *Зельдович М.Г.* Статьи Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова о Щедрине и вопросы теории критики. С.7-31.
70. *Демченко А.А.* Проблемы научной биографии писателя в трудах Н.Г.Чернышевского. С.32-50.
71. *Гаркави А.М.* Чернышевский и стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин». С. 51-59.

72. Антонова Г.Н. Чернышевский о художественно-философской прозе в русской литературе сороковых-пятидесятых годов XIX века. С. 60-71.

73. Жук А.А. Из истории журнальной полемики 1860-х годов. С. 72-100.

74. Прошкин В.Г. О своеобразии психологического анализа в романах Н.Г. Чернышевского. С. 101-116.

75. Вердеревская Н.А. О «прототипической версии» в изучении художественных произведений Чернышевского. С. 117-128.

76. Карякина А.В. Этические проблемы в демократической литературе второй половины 1860-х – начала 1870-х годов и в романе Чернышевского «Пролог». С. 129-141.

77. Смирнов В.Б. Н.Г. Чернышевский и литературное народничество. С. 142-159.

## II. Публикации и материалы

78. Демченко А.А. Новые материалы о Н.Г. Чернышевском – учителе Саратовской гимназии. С. 163-175.

79. Гин М.М. Современники об идейной близости Некрасова и Чернышевского. С. 176-178.

80. Теплинский М.В. Н.Г.Чернышевский и цензура. (По новым материалам). С. 179-186.

81. Алексеев Н.А. Был ли Чернышевский автором прокламации «Барским крестьянам» (Материалы к постановке вопроса). С. 187-204.

82. Чернышевская Н.М. Федин о Чернышевском. (Из переписки 1926-1939). С. 205-211.

Указатель имен. С. 212-215.

Вып. 6. / под ред. проф. Е.И. Покусаева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1971. – 288 с. – [Посвящается памяти А.П. Скафтымова].

83. [Покусаев Е.И.] От редактора. С. 3-6.

## I. Исследования и статьи

84. *Акимова Т.М.* Н.Г. Чернышевский о народной лирической песне. С. 9-19.
85. *Макаровская Г.В.* Чернышевский о трагическом. С. 20-47.
86. *Прозоров В.В.* Н.Г. Чернышевский о «власти публики в литературных делах». С. 48-58.
87. *Демченко А.А.* Чернышевский и Герцен в 1859 году (к истории полемики). С. 59-71.
88. *Егоров Б.Ф.* О некоторых композиционных и стилистических различиях в статьях Чернышевского и Добролюбова. С. 72-76.
89. *Антонова Г.Н.* Чернышевский и А. Григорьев в 1850-е годы. С. 77-90.
90. *Мысляков В.А.* Писемский и революционно-демократическая критика. С.91-118.
91. *Чуприна И.В.* Чернышевский и нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е годы. С. 119-137.
92. *Смирнов В.Б.* Общинная теория Чернышевского и публицистика «Отечественных записок». С. 138-153.
93. *Кулиш Ж.В.* Традиции Чернышевского в литературно-критических выступлениях М.К. Цебриковой. С. 154-169.

## II. Публикации и материалы

94. *Азанов В.И.* К вопросу об авторе прокламации «Барским крестьянам». С. 173-198.
95. *Гаркави А.М.* О достоверности свидетельств и убедительности выводов. С. 199-209.
96. *Гуревич Х.С.* Ответ Н.А. Алексееву. С. 210-216.
97. *Демченко А.А.* Необходимые уточнения. С. 217-220.
98. *Рейсер С.А.* Поправка. С. 221-222.

99. *Зельдович М.Г.* Неизвестный отклик на статью Чернышевского «Об искренности в критике». С. 223-231.

100. *Лазерсон Б.И.* Письма Пыпиных из Саратова в Петербург. С. 232-242.

101. *Николаев М.П.* Тюремный театр. С. 243-249.

102. *Свердлина С.В.* Об одном печатном источнике книги Н.Г. Чернышевского «Материалы для биографии Н.А. Добролюбова». С. 250-259.

103. *Марынов А.И., Бельмесова В.И.* Отклики саратовских газет на смерть Н.Г. Чернышевского. С. 260-265.

104. *Архангельская В.К.* Из архивных разысканий. С. 266-274.

105. *Чернышевская Н.М.* Страницы научной жизни Дома-музея Н.Г. Чернышевского. Памяти А.П. Скафтымова. С. 275-281.

*Указатель имен.* С. 282-287.

**Вып. 7.** / под ред. проф. Е. И. Покусаева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. – 216 с. – [Посвящается памяти Н.А. Алексеева].

106. *Покусаев Е.И.* От редактора. С. 3-4.

#### І. Исследования и статьи

107. *Зельдович М.Г.* Методологическое самосознание критики (к постановке вопроса о динамике, о логике обоснования метода в критике 60-х годов). С. 7-26.

108. *Гаркави А.М.* Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях» (преемственность литературно-критических оценок). С. 27-38.

109. *Гитлиц Е.А.* Чернышевский о «прозаике», «поэте» и «третьем» (к вопросу об основных проблемах послегоголевского развития литературы). С. 39-48.

110. *Акимова Т.М.* Уроки Чернышевского (о фольклоре в пьесах А.Н. Островского). С. 49-62.

111. *Рунт М.И.* Народный идеал и труд как эстетическая категория у Чернышевского. С. 63-73.
112. *Кривонос В.Ш.* О концепции «Очерков гоголевского периода русской литературы». С. 74-85.
113. *Антонова Г.Н.* Чернышевский и Достоевский о принципах литературной критики. С. 86-94.
114. *Лазерсон Б.И.* Чернышевский о любовной лирике Некрасова. С.95-108.
115. *Мостовская Н.Н.* Чернышевский на страницах журнала «Вестник Европы» в 70-80 годы. С. 109-120.
116. *Прозоров В.В.* «Заряд на всю жизнь» (о судьбе наследия шестидесятников в России конца XIX в.) С. 121-129.

## II. Публикации и материалы

117. *Розенфельд У.Ф.* Мироззрение Чернышевского-семинариста. С.133-144.
118. *Чернышевская В.С.* Из истории родственных отношений Н.Г. Чернышевского. Материалы к родословной Васильевых и Казачковских. С.145-156.
119. *Еремин Г.В.* Новые документы о семье Чернышевских. С.157-160.
120. *Карамышев А.Л.* Рукопись Н.Г. Чернышевского «Программа риторики и теории прозы». С.161-166.
121. *Демченко А.А.* Из истории поездки Чернышевского к А.И. Герцену. С. 167-177.
122. *Гаркави А.М.* Главы о мастерских Веры Павловны и журнальная полемика о производственных ассоциациях. С. 178-179.
123. *Травушкин Н.С.* Написал ли Чернышевский статью о «Капитале» К. Маркса? С.180-193.
124. *Чернышевская Н.М.* С соратниками В.И. Ленина. (Из истории Дома-музея Н.Г. Чернышевского). С. 194-207.  
*Указатель имен.* С. 208-212.

I. Исследования и статьи

125. Демченко А.А. «Великий русский ученый и критик» (К. Маркс и Ф. Энгельс о Н.Г. Чернышевском). С. 5-16.
126. Акимова Т.М. Песня в жизни и творчестве Чернышевского. С. 17-29.
127. Бахтина В.А. Чернышевский о сказке (к изучению в советской фольклористике). С. 30-38.
128. Татаринцев А.Г., Медведев А.П. Чернышевский о русской литературе XVIII века. С. 39-57.
129. Макаровская Г.В. Пушкин в оценке Чернышевского. (Проблемы историзма в литературно-критической концепции Чернышевского середины 50-х годов). С. 58-111.
130. Гин М.М. Об идейно-литературных взаимоотношениях Н.Г. Чернышевского и Н.А. Некрасова. (К постановке вопроса). С. 112-119.
131. Егоров Б. Ф. Чернышевский о Достоевском. С. 120-126.
132. Теплинский М.В. Автор-повествователь в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». С. 127-136.
133. Самосюк Г.Ф. Утопические идеи романа «Что делать?» в оценках «Современника». С. 137-147.
134. Антонова Г.Н. Н.Н. Страхов о романе «Что делать?». С. 148-160.
135. Рыжков Н.П. Школа революционно-демократического журнала (Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин). С. 161-173.
136. Винникова И.А. Публицистические мотивы в романе И.С. Тургенева «Дым» и «Современник» 60-х годов. С. 174-188.
137. Зельдович М.Г. Чернышевский и современные проблемы теории критики. С. 189-205.
138. Бугаенко П.А. А.В. Луначарский о «великом предшественнике». С. 206-214.

139. *Краснов Г.В.* Рассказы А.С. Карамышева о Чернышевском. С. 217-224.
140. *Демченко А.А.* Г.Е. Благосветлов - товарищ Н.Г. Чернышевского по Саратовской семинарии. С. 224-229.
141. *Ямпольский И.Г.* Заметки о Чернышевском (К полемике Н.Г. Чернышевского с А.В. Дружининым). С. 230-238.
142. *Рейсер С.А.* Читатели о романе Чернышевского «Что делать?». С. 239-243.
143. *Травушкин Н.С.* Чернышевский в США (Прижизненные издания и материалы печати). С. 244-254.
144. *Еремина Л.Г., Еремин Г.В.* Последователи Н.Г. Чернышевского среди пензяков. С. 255-262.
145. *Чернышевская Н.М.* К истории создания Дома-музея Н.Г. Чернышевского (Сотрудничество В.А. Пыпиной в 1920-1930-е годы). С. 263-278.
- Вып. 9.** / Редколлегия: доц. Г.Н. Антонова, проф. П.А. Бугаенко, проф. Е.Г. Бушканец, доц. А.А. Демченко (отв. ред.), доц. Е.И. Куликова, доц. Г.В. Макаровская, проф. Е.П. Никитина, проф. Н.С. Травушкин, доц. Г.Ф. Самосюк (отв. секр.). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – 168 с. – [Посвящается памяти Е.И. Покусаева].
146. [*Демченко А.А.*] От редколлегии. С. 3-4.

I. Исследования и статьи

147. *Зельдович М.Г.* Концепция личности как программная категория в работах Чернышевского и Добролюбова (Заметки и наблюдения к постановке проблемы). С. 7-23.
148. *Борзова Л.П.* Чернышевский об «идее искусства» в эстетике Н.И. Надеждина. С. 24-36.
149. *Попкова Н.А.* Чернышевский над страницами «Московского телеграфа» (Из полемики Чернышевского в статьях о Пушкине). С. 37-45.

150. *Устиченко Л.Г.* Чернышевский о типологических особенностях русской прозы первой половины 1850-х годов. С. 46-56.

151. *Антонова Г.Н.* Роман «Что делать?» в оценке Герцена. С. 57-73.

152. *Коновалов В.Н.* Эстетика Чернышевского и Добролюбова на страницах журнала «Слово». С. 74-86.

## II. Материалы и сообщения

153. *Петров Ф.А.* Неизвестная рукопись А.Н. Тверитинова. С. 89-108.

154. *Чернышевская Н.М.* Двоюродная сестра Чернышевского Евг.Н. Пыпина. С. 109-117.

155. *Доценко И.И.* Изучение Чернышевского на Украине (1968-1978). С. 118-132.

156. *Якушева Г.В.* Чернышевский в немецкой критике. (1870-1945). С. 133-148.

157. *Демченко А.А.* К истории советской науки о Чернышевском. Евграф Иванович Покусаев. С. 149-162.

*Указатель имен.* С. 163-167.

**Вып. 10.** / Редколлегия: доц. Г.Н. Антонова, проф. Е.Г. Бушканец, проф. А.А. Демченко (отв. ред.), доц. Г.В. Макаровская, проф. Е.П. Никитина, проф. И.В. Попов, доц. Г.Ф. Самосюк (отв. секр.), проф. Н.С. Травушкин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 184 с. – [Посвящается памяти Н.М. Чернышевской].

158. [Демченко А.А.] От редколлегии. С. 3.

## I. Исследования и статьи

159. *Антонова Г.Н.* Чернышевский о жанре романа Герцена «Кто виноват?». С. 3-15.

160. *Иванникова В.В.* Чаадаев в оценке Чернышевского. С. 16-26.



161. *Попов И.В.* К вопросу об отношении Чернышевского к Пушкину. С. 26-42.

162. *Попкова Н.А.* Чернышевский и журнальная полемика 1820-1830 годов. С. 42-51.

163. *Гитлиц Е.А.* Спор Добролюбова и Чернышевского с Герценом о Роберте Оуэне. С. 51-69.

164. *Седов А.Ф.* Трансформация некоторых мотивов «Что делать?» в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского. С. 69-80.

## II. Материалы и сообщения

165. *Краснов Г.В.* Летопись жизни и деятельности Н.А. Добролюбова, составленная Чернышевским. С. 81-104.

166. *Травушкин Н.С.* Комплект «Современника» у Чернышевского в Астрахани. С. 104-107.

167. *Терехов Б.М.* Нижегородские почитатели Чернышевского. С. 107-110.

168. *Иванчук И.А.* Некоторые аспекты изучения лингвистического наследия Чернышевского. С. 110-118.

169. *Якушева Г.В.* Изучение Чернышевского в ГДР и ФРГ. 1945-1980. С. 118-136.

170. *Чернышевская Н.М.* Идеиное наследие Чернышевского и разработка идейного архива в 1920-1930 годы. С. 136-148.

171. *Эльзон М.Д.* Из переписки М.Н. Чернышевского и Н.М. Чернышевской с А.Г.Фоминим в 1910-1935 годы. С. 148-161.

172. *Демченко А.А.* К истории советской науки о Чернышевском. Нина Михайловна Чернышевская. С. 161-175.

*Указатель имен.* С. 176-180.

**Вып. 11.** / Редколлегия: доц. Г.Н. Антонова (зам. отв. ред.), проф. А.А. Демченко (отв. ред.), доц. Г.В. Макаровская, Г.П. Муренина, проф. Е.П. Никитина, доц. Л.Я. Паклина, проф. И.В. Попов, доц. Г.Ф. Самосюк (отв. секр.), проф. Н.С. Травушкин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 200 с. – [Посвящается 100-летию со дня смерти Н.Г. Чернышевского].

173. [Демченко А.А.] От редколлегии. С. 3-4.

### I. Исследования и статьи

174. *Зельдович М.Г.* Критика и критики. Чернышевский и формирование понятия творческой индивидуальности критика. С. 4-24.

175. *Белова Н.М.* Этическая теория и концепция личности в трудах Чернышевского, Добролюбова и их западноевропейских предшественников. С. 24-43.

176. *Свердлина С.В.* О заметках Чернышевского на страницах сочинений Маркса. С. 43-59.

177. *Вердеревская Н.А.* Еще раз о Чернышевском и Ж. Санд. С. 59-67.

178. *Теплинский М.В.* Литературные реминисценции в романе «Что делать?». С. 67-78.

179. *Вахрушев В.С.* «Что делать?» Чернышевского и «Ярмарка тщеславия» Теккерея. Переключки и полемика. С. 78-92.

180. *Антонова Г.Н.* «Отцы и дети» Тургенева в оценке Герцена. Из истории полемики 1860-х годов. С. 92-114.

181. *Иванникова В.В.* Чернышевский о Гизо. С. 114-132.

182. *Кривонос В.Ш.* Чернышевский о художественной специфике русской прозы. С. 132-140.

### II. Материалы и сообщения

183. *Ямпольский И.Г.* Материалы для истории восприятия творчества Чернышевского. С. 141-164.

184. *Бушканец Е.Г.* Письма Н.А. Добролюбова. С. 164-177.

185. *Рустамова З.И.* Чернышевский и азербайджанская литература. Исторический очерк восприятия наследия революционного демократа в Азербайджане. С. 177-184.

186. *Демченко А.А.* К биографии Г.И. Чернышевского. С. 184-187.

187. *Чернышевская Н.М.* О работе над Полным собранием сочинений Н.Г.Чернышевского (1939-1953 гг.). С. 187-194.

*Указатель имен.* С. 195-198.

**Вып. 12.** / Редколлегия: проф. Г.Н. Антонова (зам. отв. ред.), проф. Я.Ф. Аскин, С.В. Беспалова (отв. секр.), проф. А.А. Демченко (отв. ред.), Г.П.Муренина, проф. Е.П. Никитина, проф. И.В. Порох, проф. В.В. Прозоров. – Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1997. – 162 с. – [Посвящается 40-летию первого выпуска сборника].

188. [*Демченко А.А.*] От редактора. С. 3-4.

#### І. Исследования и статьи

189. *Зельдович М.Г.* Самообоснование литературной критики и творческий опыт Чернышевского. С. 4-15.

190. *Гусакова О.Я.* Две статьи о В.А. Жуковском. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Полевой. С. 15-21.

191. *Черемисинова Л.И.* А.А. Фет – критик Н.Г. Чернышевского. С. 21-28.

192. *Алдошина Н.Б.* А.В. Дружинин о Гоголе. По новым материалам. С.28-36.

193. *Свердлина С.В.* Чернышевский читает «Степь» А.П. Чехова. С.36-45.

194. *Грачев А.П.* «Русский реформатор» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». К генезису образа М.М. Сперанского. С. 45-49.

195. *Варганова Н.А.* Н.Г. Чернышевский в повести Д.Л. Мордовцева «Новые русские люди». С. 49-55.

196. *Китаев В.А.* Журнал «Вестник Европы» и славянофильство 1860-1870 гг. С. 55-61.

197. *Краснов Г.В.* А.Н. Пыпин в полемике о народничестве на рубеже 70-80-х годов. С. 61-63.

198. *Муренина Е.К.* Литературно-юбилейная статья как социокультурный факт и литературный жанр. С. 63-77.

## II. Сообщения и материалы

199. *Демченко А.А.* «История 18 столетия» Ф. Шлоссера в русском переводе 1858-1860гг. По неопубликованным цензурным материалам. С. 78-85.

200. *Дудко В.И.* Источники статьи П.А. Грабовского о Н.Г. Чернышевском. С. 85-94.

201. *Тугушева М.З.* Писатель-саратовец Михаил Воронов. По новым архивным материалам. С. 94-102.

202. *Порох В.И.* Из переписки шестидесятников. Письма Д.Л. Мордовцева к М.И. Семевскому. С. 102-113.

203. *Ямпольский И.Г.* Уличные листки 1862 года. С. 113-119.

204. *Еремин Г.В., Студенский В.П.* Студенские - семья деда Н.Г. Чернышевского. С. 119-122.

205. *Чернышевская Н.М.* А.Н. Пыпин и его старшая дочь. С. 122-132.

206. *Озерянский А.С.* Н.Д. Россов о А.П. Пыпине. По архивным материалам. С. 132-137.

207. *Рустамова З.И.* Восточная тематика на страницах «Военного сборника». С. 137-145.

208. *Рыхляков В.Н.* Корреспондент «Современника» А.Ф. фон Фрикен. С. 145-156.

209. *Фокеев А.Л.* Проблемы этнографизма русской литературы второй половины XIX века в наследии А.Н. Пыпина. Концепция развития литературы из народного быта. С. 156-160.

Вып. 13. / Редколлегия: проф. А.А. Демченко (отв. ред.), проф. Ю.Н. Борисов (зам. отв. ред.), Л.Л. Калинина (отв. секр.), директор музея Н.Г.Чернышевского Г.П.Муренина, проф. Е.П. Никитина, проф. И.В. Порох, проф. В.В. Прозоров – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1999. – 294 с.

210. [Демченко А.А.] От редколлегии. С. 3-5.

#### І. Исследования и статьи

211. Селиванов В.В. Н.Г. Чернышевский как представитель духовной элиты России. С. 7-13.

212. Вахрушев В.С. «Что делать?» и автобиография Н.Г. Чернышевского: «игровые» ходы авторской мысли. С. 14-30.

213. Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация и феномен Н.Г.Чернышевского. С. 31-36.

214. Краснов Г.В. Пушкинские пристрастия Н.Г. Чернышевского на рубеже 1850 - 1860-х годов. С. 37-43.

215. Жаравина Л.В. Н.Г. Чернышевский и А.А. Иванов. С. 44-58.

216. Клименко С.В. «Женский вопрос» в романах «Что делать?» и «Идиот». С. 59-69.

217. Мустафина Е.А. Чарльз Бьюмонт и американская тема в романе «Что делать?». С. 70-79.

218. Алдошина Н.Б. А.В. Дружинин - публицист 60-х годов. С. 80-106.

219. Щербакова Г.И. Журнал «Библиотека для чтения» в общественно-литературной ситуации середины 1850-х годов. С. 107-123.

220. Тимашова О.В. Роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и «Современник». С. 124-133.

221. Белова Н.М. Роман С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» и традиции Чернышевского. С. 134-146.

222. Китаев В.А. Славянский вопрос в «Вестнике Европы» конца 1860-х-70-х годов. С. 147-160.

223. *Имаи Ёсио*. Н.Г. Чернышевский и его современники Н.П. Баллин и А.И. Васильчиков как кооператоры (из истории русской общественной мысли). С.162-174.
224. *Зюзин А.В.* Н.Г. Чернышевский о Н.М. Карамзине. С.175-183.
225. *Черногаев С.П.* В.В. Розанов и Н.Г. Чернышевский. С.184-188.
226. *Крошина В.А.* Мемуары о Н.Г. Чернышевском как биографический источник в романе В.В. Набокова «Дар». С.189-198.
227. *Беспалова С.В.* «Очерки гоголевского периода русской литературы»: проблема жанра. С.199-209.
228. *Гусакова О.Я.* Н.А. Полевой в воспоминаниях Кс. Полевого. С.210-221.
229. *Горбачева О.В.* Еще раз о К.Д. Кавелине и Н.Г. Чернышевском. С. 222-230.
230. *Шишкина Т.А.* Отношение А.С. Суворина к Н.Г. Чернышевскому. С.231-237.
231. *Варганова И.А.* Д.Л. Мордовцев и Н.И. Костомаров. С. 238-246.
232. *Ломако О.М.* Мир мужской Классической гимназии времен Н.Г. Чернышевского. С.247-257.
233. *Демченко А.А.* К истории советской науки о Чернышевском. Владимир Афанасьевич Сушицкий. С. 258-284.  
*Указатель имен.* С. 285-291.
- Вып. 14.** / Редколлегия: проф. А.А. Демченко (отв. ред.), проф. Ю.Н. Борисов (зам. отв. ред.), Л.Л. Калинина (отв. секр.), Г.П.Муренина, проф. Е.П. Никитина, проф. И.В. Порохи, проф. В.В. Прозоров. – Саратов: изд-во «Научная книга», 2002. – 214 с. – [Посвящается памяти Ёсио Имаи].
234. [*Демченко А.А.*] От редактора. С. 3-5.

## И. Исследования и статьи

235. *Карпенко Г.Ю.* Н.Г. Чернышевский о «зерне»-художественности А.С.Пушкина: опыт историософской интерпретации. С. 8-27.
236. *Зельдович М.Г.* Е. Эдельсон и Н. Чернышевский в начале 1850-х годов: проблемы литературной критики. С. 28-46.
237. *Нагано Сюньити.* К вопросу о поэтике Н.Г. Чернышевского. С.47-53.
238. *Клименко С.В.* Два ответа на вопрос «Что делать?»: Рахметов и князь Мышкин. С. 54-69.
239. *Белова Н. М.* Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и «Знамена времени» Д.Л. Мордовцева. С. 70-77.
240. *Кунарёв А.А.* Антропонимическая система романа «Что делать?». Из рассказов о «новых людях». С. 78-95.
241. *Жаравина Л.В.* В. Шаламов и Н.Г. Чернышевский: колымская эпопея и сибирская беллетристика. С. 96-111.
242. *Метласова Т.М.* «Повести в повести» Н.Г. Чернышевского: художественный эксперимент в эксперименте. С. 112-120.
243. *Щербакова Е.И.* Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в восприятии радикальной молодежи середины 1860-х годов. С. 121-132.
244. *Грачев А.П.* «Путешествие...» А.Н. Радищева: вопросы поэтики. С. 133-137.

## II. Сообщения и материалы

245. *Троицкий Н.А.* Г.А. Лопатин и попытки освобождения Н.Г.Чернышевского. С. 140-145.
246. *Багдасарова Е.Н.* Н.Г. Чернышевский в Астрахани: итоги и проблемы изучения. С. 146-153.
247. *Асадуллина Н.В.* Н.Г. Чернышевский, его идеи в творчестве и воззрениях И.Е. Репина. С. 154-161.

248. *Варганова Н.А.* Программа риторики и теории прозы, составленная Н.Г. Чернышевским в 1851 году. С. 162-165.

249. *Демченко А.А.* Эпизод из следственного дела Н.Г. Чернышевского. С. 166-171.

250. *Он Оя.* Ф.И. Тютчев и либерализация цензурной системы. С.172-179.

251. *Китаев В.А.* Герценовско-огаревская тема в «Вестнике Европы». 1870-1880-е годы. С. 180-189.

252. *Булатова Р.В.* А.Н. Пыпин и представители русской общественной мысли XIX-XX веков. К.Д. Кавелин, Вл. Соловьев, Г.Г. Шпет. С. 190-204.

253. *Озерянский А.С.* Из писем А.Н. Пыпина 1880-х годов. С. 205-212.

**Вып. 15.** / Редколлегия: проф. А.А. Демченко (отв. ред.), проф. Ю.Н. Борисов (зам. отв. ред.), С.В. Беспалова (ред. и организатор издания), проф. В.Н. Белов, Г.П.Муренина, проф. Е.П. Никитина, проф. В.В. Прозоров, проф. Н.А. Троицкий, Н.В. Шалаева (компьютерная подг.). – Москва: Изд-во Московского городского педагогического ун-та, 2004. – 264 с. – [Посвящается памяти И.В. Пороха].

254. [*Демченко А.А.*] От редколлегии. С. 3-5

#### І. Исследования и статьи

255. *Щеблыкин И.П.* Художественная интерпретация истории в романах Н.Г.Чернышевского. С. 6-14.

256. *Симосат Т.* Н.Г. Чернышевский и задачи современной критики. С. 15-20.

257. *Листвина Е.В.* Н.Г. Чернышевский и культура повседневности. С. 21-25.

258. *Белова Н.М.* П.Л. Лавров и Н.Г. Чернышевский об исторической роли великой личности. С. 26-31.

259. *Сигура С.* Некоторые вопросы о разуме в контексте политической мысли 60-х годов XIX века в России. С. 32-37.



260. *Белов В.Н.* Неокантианство как духовное явление в России на рубеже XIX и XX веков. С. 38-47.
261. *Шалаева Н.В.* Русские мыслители начала XX века о Н.Г. Чернышевском и разночинстве. С. 48-55.
262. *Ратников К.В.* Категория комического в интерпретации Н.Г. Чернышевского и С.П.Шевырева. С. 56-64.
263. *Он Оя.* Изучение творчества Н.Г. Чернышевского в Японии. С.65-71.
264. *Беспалова С.В.* Социально-психологическая проблематика в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 72-82.
265. *Клименко С.В.* Социальная утопия Чернышевского в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». С. 83-92.
266. *Аветисян Г.А.* Поэтическое творчество А.Н. Чернышевского. С.93-103.

## II. Сообщения и материалы

267. *Метласова Т.М.* Неопубликованные варианты предисловия к роману Чернышевского «Повести в повести». С. 106-119.
268. *Гусакова О.Я.* Н.Г.Чернышевский об энциклопедизме в журнале Полевого «Московский телеграф». С. 120-128.
269. *Рустамова З.И.* К вопросу о роли Дневника в жизни и творчестве Чернышевского. С. 129-133.
270. *Багдасарова Е.Н.* Чернышевский в памяти астраханцев. С. 134-144.
271. *Манова Е.Н.* Чернышевский в воспоминаниях И.А. Баталина. С.145-151.
272. *Он Оя.* О спиритизме в эпоху Александра II. С. 152-158.
273. *Мельгунов В.В.* Некрасов в письмах Е.Н. Пыпиной о Чернышевском. С. 159-167.
274. *Тимашова О.В.* А.Ф. Писемский и Н.А. Некрасов: историко-литературная параллель. С. 168-173.

275. Пинчук Ю.А. Знаменитости XIX века: Костомаров и Чернышевский. С. 174-181.

276. Булатова Р.В. Пыпин-славист (о значении трудов Пыпина для сербов). С. 182-193.

277. Озерянский А.С. Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин об общественном сознании и перспективах России (1860-е годы). С.194-202.

278. Пузанкова И.В. Н.Г. Чернышевский и А.Н. Пыпин в сети Интернет. С. 203-206.

279. Самосюк Г.Ф. Библиизмы в сказках Щедрина: опыт словаря. С. 207-224.

280. Ремпель Е.А. «Пошехонская старина» М.Е. Салтыкова-Щедрина: смысл и поэтика подзаголовка «Житие Никанора Затрапезного». С. 225-231.

281. Порох В.И. Начало творческого пути М.И. Семевского. С.232-249.

282. Демченко А.А. К истории науки о Чернышевском: Игорь Васильевич Порох. С. 250-260.

**Вып. 16.** / Редколлегия: проф. В.Н. Белов, проф. Ю.Н. Борисов (зам. отв. ред.), проф. А.А. Демченко (отв. ред.), И.Е. Захарова (отв. секр.), Г.П.Муренина, проф. Е.П. Никитина, проф. В.В. Прозоров, проф. Н.А. Троицкий. – Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – 192 с.

#### І. Исследования и статьи

283. Булычев И.И. Н.Г. Чернышевский как представитель классической философской антропологии. С. 4-12.

284. Мельник М.В., Соловьева Л.В. Н.Г. Чернышевский и современная художественная антиутопия. С. 13-19.

285. Вахрушев В.С. Чернышевский, Добролюбов и Писарев о раннем творчестве Салтыкова-Щедрина. С. 20-32.

286. Демченко А.А. А.В Дружинин и Н.Г. Чернышевский в «Современнике» 1854 года. С. 33-44.

287. *Клименко С.В.* Мотивы «Что делать?» Чернышевского в «Анне Карениной» Л. Толстого. С. 45-53.

288. *Метласова Т.М.* Средства интертекстуальности в романе Н.Г.Чернышевского «Повести в повести». С. 54-63.

289. *Рустамова З.И.* Крах и победы «новых людей». С. 64-72.

290. *Аветисян Г.А.* Хрустальный дворец в стиле «модерн» (Фантастический рассказ «Остров Орельяно» А.Н. Чернышевского). С. 73-82.

291. *Оя Он.* К проблеме формирования общественного самосознания в России второй половины XIX века: Ф.И. Тютчев и русское общество 60-х годов. С. 83-93.

292. *Черемисинова Л.И.* «Мои воспоминания» А.А. Фета в критике (А.Н. Пыпин о мемуарах Фета). С. 94-112.

## II. Сообщения и материалы

293. *Пузанкова И.В.* Неизвестные автографы и изображения В.С. Соловьева (Из фонда музея Н.Г.Чернышевского). С. 114-132.

294. *Петров В.А.* Личная библиотека Н.Г. Чернышевского в Виллюйске (опыт составления каталога по архивным и литературным материалам). С. 133-139.

295. *Белова Н.М.* Роман Н.Г.Чернышевского «Пролог» и литература его времени. С. 140-150.

296. *Орлова Н.М.* Смысловая структура концепта «Рай/Эдем» и «Земной рай» Н.Г. Чернышевского. С. 151-155.

297. *Тугушева М.З.* Н.Г. Чернышевский и М.А. Воронов. С. 156-166.

298. *Варфоломеев Ю.В.* Студенческий призыв Н.Г. Чернышевского: путь в освободительное движение лидеров «молодой адвокатуры». С.167-177.

299. *Захарова И.Е., Манова Е.Н.* Деятельность М.Н. Чернышевского по музеефикации усадьбы Чернышевских и Пыпиных. С. 178-188.

## II. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (ВЫП. 1-16)

- Аветисян Г.А. №266, 290.  
Азанов В. И. № 94.  
Акимова Т.М. № 84, 110, 126.  
Алданова М.А. № 47.  
Алдонина Н.Б. № 192, 218.  
Алексеев Н.А. № 81.  
Антонова Г.Н. № 35, 72, 89, 113, 134,  
151, 159, 180.  
Архангельская В.К. № 104.  
Асадуллина П.В. № 247.  
Багдасарова Е.Н. № 246, 270.  
Базанов В.Г. № 32.  
Барцевич В.П. № 37, 63.  
Бахтина В.А. № 127.  
Белов В.Н. № 261.  
Белова Н.М. № 175, 221, 239, 257, 295.  
Бельмесова В.И. № 103.  
Бельчиков Н.Ф. № 1, 7.  
Беспалова С.В. №227, 264.  
Боград В.Э. № 41.  
Борзова Л.П. № 148.  
Бочкарев В.А. № 22.  
Бугаенко П.А. № 9, 27, 138.  
Булатова Р.В. № 252, 276.  
Булычев И.И. № 283.  
Бушканец Е.Г. № 3, 18, 45, 61, 184.  
Варганова И.А. № 195, 231, 248.  
Варфоломеев Ю.В. № 298.  
Вахрушев В.С. № 179, 212, 285.  
Вердеревская Н.А. № 55, 75, 177.  
Виникова И.А. № 136.  
Гаркави А.М. № 56, 71, 95, 108, 122.  
Гин М.М. № 79, 130.  
Гитлиц Е.А. № 109, 163.  
Горбачева О.В. № 229.  
Грачев А.П. № 194, 244.  
Гуревич Х.С. № 96.  
Гусакова О.Я. № 190, 228, 268.  
Демченко А. А. № 54, 70, 78, 87, 97,  
121, 125, 140, 146, 157, 158, 172, 173,  
199, 210, 233, 234, 249, 254, 282, 286.  
Домановский Л.В. № 40.

Доценко И.И. № 155.  
Дудко В.И. № 200.  
Егоров Б.Ф. № 13, 46, 64, 88, 131.  
Еремин Г.В. № 119, 144, 204.  
Еремина Л.Г. № 144.  
Ефремов А.Ф. № 12, 25, 52.  
Жаравина Л.В. № 215, 241.  
Жук А.А. № 73.  
Захарова И.Е. № 299.  
Зельдович М.Г. № 19, 50, 69, 99, 107,  
137, 147, 174, 189, 236.  
Зольдхейи Ж. № 24.  
Зюзин А.В. № 224.  
Иванникова В.В. № 160, 181.  
Иванова М.В. № 48.  
Иванчук И.А. № 168.  
Имаи Есио. № 223.  
Карамышев А.Л. № 120.  
Карпенко Г.Ю. № 235.  
Карякина А.В. № 76.  
Китаев В.А. № 196, 222, 251.  
Клименко С.В. № 216, 238, 265, 287.  
Козьмин Б.П. № 8.  
Коновалов В.Н. № 152.  
Краснов Г. В. № 139, 165, 197, 214.  
Кривонос В.Ш. № 112, 182.  
Крошина В.А. № 226.  
Кулиш Ж.В. № 93.  
Кунарёв А.А. № 240.  
Курганов В.Н. № 44, 63.  
Лазерсон Б.И. № 6, 21, 34, 53, 100, 114.  
Лебедев А.А. № 4, 20.  
Листвина Е.В. № 213, 257.  
Ломако О.М. № 232.  
Магон Л. № 14.  
Макаровская Г. В. № 85, 129.  
Манова Е.Н. № 271, 299.  
Марынов А.И. № 103.  
Медведев А.П. № 2, 16, 128.  
Медведева Л.П. № 15.  
Мельгунов В.В. № 273.  
Мельник М.В., Соловьева Л.В. № 284.  
Метласова Т.М. № 242, 267, 288.  
Мостовская Н.Н. № 115.

Муренина Е.К. № 198.  
Мустафина Е.А. № 217.  
Мысляков В.А. № 59, 90.  
Нагано Сюнъити. № 237  
Николаев М.П. № 101.  
Нольман М. № 62.  
Озерянский А.С. № 206, 253, 277.  
Он Оя. № 250, 263, 272, 291.  
Орлова Н.М. № 296.  
Петров В.А. № 294.  
Петров Ф.А. № 153.  
Пинаев М.Т. № 5.  
Пинчук Ю.А. № 275.  
Покусаев Е.И. № 29, 30, 38, 68, 83, 106.  
Попов И.В. № 161.  
Порох В.И. № 29, 43, 66, 202, 281.  
Прозоров В.В. № 57, 86, 116.  
Прокшин В.Г. № 74.  
Пузанкова И.В. № 278, 293.  
Пьяных М. № 62.  
Ратников К.В. № 262.  
Рейсер С.А. № 10, 42, 64, 65, 98, 142.  
Рейте М. № 24.  
Ремпель Е.А. № 280.  
Розенфельд У.Ф. № 117.  
Рунт М.И. № 111.  
Рустамова З.И. № 185, 207, 269, 289.  
Рыжков Н.П. № 135.  
Рыхляков В.Н. № 208.  
Самосюк Г.Ф. № 133, 279.  
Свердлина С.В. № 102, 176, 193.  
Седов А.Ф. № 164.  
Селезнев В.М. № 33.  
Селиванов В.В. № 211  
Сигиура С. № 259.  
Симосат Т. № 256.  
Смирнов В.Б. № 58, 77, 92.  
Соловьёва Л.В. № 284.  
Соколова М.А. № 26.  
Студенский В.П. № 204.  
Супоницкая П.А. № 48.  
Татаринцев А.Г. № 60, 128.  
Таубин Р.А. № 17.  
Теплинский М.В. № 80, 132, 178.

Терехов Б.М. № 167.  
Тимашова О.В. № 220, 274.  
Травушкин Н.С. № 123, 143, 166.  
Троицкий Н.А. № 245.  
Тугушева М.З. № 201, 297.  
Усакина Т.И. № 31, 51.  
Устиченко Л.Г. № 150.  
Фокеев А.Л. № 209.  
Черемисинова Л.И. № 191, 292.  
Черногаев С.П. № 225.  
Чернышевская В.С. № 118.  
Чернышевская Н. М. № 11, 23, 39, 49,  
67, 82, 105, 124, 145, 154, 170, 187, 205.  
Чуприна И.В. № 91.  
Шалаева Н.В. № 261.  
Шапиро А.М. № 28.  
Шишкина Т.А. № 230.  
Щеблыкин И.П. № 255.  
Щербакова Г.И. № 219, 243.  
Эльзон М.Д. № 171.  
Якушева Г.В. № 156, 169.  
Ямпольский И.Г. № 141, 183, 203.

### III. УКАЗАТЕЛЬ ЗАГЛАВИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

«Дневник Левицкого» № 20.  
«Материалы для биографии Н.А. Добролюбова» № 102.  
«Об искренности в критике» № 99.  
«Откупная система» № 41.  
«Очерки гоголевского периода русской литературы» № 112, 227.  
«Полемиические красоты» № 25.  
«Повести в повести. Роман или не-роман» № 45, 242, 267, 288.  
«Пролог» № 76, 295.  
«Программа риторики и теории прозы» № 120, 248.  
«Что делать?» № 14, 19, 24, 47, 48, 52, 132, 133, 134, 142, 151, 164, 178,  
179, 212, 216, 217, 238, 239, 240, 243, 287.

#### IV. УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- «Библиотека для чтения» № 219.
- «Вестник Европы» № 115, 196, 222, 251.
- «Военный сборник» № 207.
- «Московский телеграф» № 149, 268.
- «Отечественные записки» № 92.
- «Слово» № 152.
- «Современник» № 133, 136, 166, 208, 220, 286.



## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН<sup>1</sup>

- Аветисян Г.А.* 192, 195  
*Азанов В.И.* 178, 195  
*Айзенштат М.П.* 103, 109  
*Акимова Т.М.* 178, 179, 181, 195  
*Аксаков И.С.* 53, 57  
*Алданова М.А.* 174, 195  
*Алдонина Н.Б.* 186, 195  
*Александр I* 14, 82, 84  
*Александр II* 53, 113, 135, 164, 166, 170, 192  
*Александр III* 135  
*Алексеев Е.* (см. Пономарёв Е.) 115  
*Алексеев диакон* 111  
*Алексеев Димитрий* 115  
*Алексеев Н.А.* 121, 125, 175, 177-179, 195  
*Алексеев Яков* 115  
*Алексеева Елизавета* 115  
*Алимаева О.И.* 4, 80  
*Андреанов Яков* 114  
*Андреанова В.Г.* 114  
*Анненков П.В.* 89, 93, 94, 96, 127  
*Антонова Г.Н.* 50-52, 174, 176, 178, 180-187, 195  
*Антонова Т.В.* 107, 110  
*Аристотель* 10, 59  
*Арнаутов М.* 16  
*Артисевич В.А.* 139, 140  
*Архангельская В.К.* 179, 195  
*Асадуллина Н.В.* 190, 195  
*Аскин Я.Ф.* 186, 187  
*Багдасарова Е.Н.* 190, 192, 195  
*Бажин Н.Ф.* 174  
*Базанов В.Г.* 173, 195  
*Бакунин М.А.* 142  
*Бакушинский А.* 159  
*Барцевич В.П.* 174, 176, 195  
*Барятинский А.И.* 84  
*Барятинский И.И.* 83  
*Баталина И.А.* 192  
*Бахтин М.М.* 17, 22  
*Бахтина В.А.* 181, 195  
*Белинский В.Г.* 19, 26, 49, 58, 62-64, 66, 67, 69, 75, 88, 91, 93  
*Белов В.Н.* 191, 193, 195  
*Белов Е.А.* 169  
*Белова Н.М.* 185, 188, 190, 191, 194, 195  
*Бельмесова В.И.* 179, 195  
*Бельчиков Н.Ф.* 171, 195  
*Беранже П.* 6  
*Бержерак Сирано де* 17, 22  
*Беспалова С.В.* 187-189, 191, 192, 195  
*Бесшапошникова А.П.* 44  
*Бетховен Л.* 7  
*Благосветлов Г.Е.* 182  
*Блейк У.* 5  
*Блудов Д.Н.* 84, 87  
*Боборыкин П.Д.* 51  
*Богданов А.А.* 22, 23  
*Богословский Н.В.* 125, 126  
*Боград В.Э.* 174, 195  
*Бозио А.* 7, 11, 12  
*Бойм С.* 153  
*Боккаччо Д.* 11  
*Бондарь С.А.* 4, 110  
*Борзова Л.П.* 182, 195  
*Борисов Ю.Н.* 189, 191, 193  
*Боровков А.Д.* 80  
*Боткин В.П.* 4, 87, 89, 90-93  
*Бочкарев В.А.* 172, 195  
*Бочкарев Н.И.* 155  
*Брокгауз Ф.А.* 135  
*Бугаенко П.А.* 171, 173, 182, 195  
*Булатова Р.В.* 191, 192, 195

---

<sup>1</sup> Составлен И.Е. Захаровой

- Булычев И.И.* 193, 195  
*Буссе Ф.И.* 138  
*Бушканец Е.Г.* 171, 172, 174, 175, 182, 183, 185, 195  
*Бэньян Д.* 5  
*Валуев П.А.* 165, 168, 169  
*Варганова Н.А.* 186, 189, 190, 195  
*Варфоломеев Ю.В.* 194, 195  
*Васильевы* 180  
*Васильчиков А.И.* 188  
*Васильчиков В.И.* 167, 170  
*Ватанабе М.* 57  
*Вахрушев В.С.* 3, 5, 16, 185, 188, 193, 195  
*Введенский И.И.* 171  
*Вдовин А.В.* 4, 45  
*Вейнберг П.И.* 48  
*Векерлин В.Л.* 76  
*Вельф М.О.* 137  
*Вердеревская Н.А.* 175, 177, 185, 195  
*Виктория* 104  
*Виленская Э.* 155  
*Винников Г.В.* 156  
*Винникова И.А.* 174, 181, 195  
*Виноградов И.Н. (см. Кудряшов И.Н.)* 117, 118  
*Виноградов К.* 118  
*Виноградов П.* 118  
*Виноградова Н.Н.* 118  
*Водовозов В.В.* 141  
*Володин А.И.* 22  
*Вольтер* 28  
*Воронов И.И.* 136  
*Воронов М.А.* 96-102, 187, 194  
*Воскобойников Н.Н.* 51  
*Выгодский Л.С.* 159  
*Вязовская А.* 119  
*Вязовская Л.* 119  
*Вязовские* 118  
*Вязовский Ф.С. (см. Петров Фёдор)* 114, 115, 118, 119  
*Гаврилов Г.* 114  
*Гаврилов К.Г.* 114  
*Гаврилов М. Г.* 114  
*Гаркави А.М.* 175, 176, 178-180, 195  
*Гельман* 82  
*Герасимов А.А.* 137, 138, 169  
*Герасимова Ю.И.* 103, 109  
*Гердер И.Г.* 76  
*Гернштейн Э.* 147, 154  
*Геродот* 83  
*Герцен А.И.* 4, 45-52, 57, 71, 152, 164, 174, 178, 180, 183, 185  
*Гизо Ф.-П.-Г.* 185  
*Гильденбранд Б.* 172  
*Гин М.М.* 177, 181, 195  
*Гитлиц Е.А.* 179, 184, 195  
*Глинский Б.Б.* 168  
*Гозоль Н.В.* 8, 20, 61, 62, 64, 65, 67, 69, 73, 93, 97, 101, 102, 129, 136, 186, 192  
*Голмшток И.* 148, 155  
*Голубев А.И.* 116  
*Голубев Г.И. (Е.И.)* 114-116  
*Голубев И.И.* 116  
*Голубевы.* 116  
*Гомер* 5  
*Гончаренко Н.В.* 16  
*Гончаров И.А.* 23, 60, 62, 68  
*Горбачева О.В.* 189, 195  
*Горький М.* 141, 169  
*Горячкина М.С.* 126  
*Гофман Э.-Т.-А* 8  
*Грабовский П.А.* 186  
*Грачев А.П.* 185, 189, 194  
*Грибоедов А.С.* 168  
*Григорович Д.В.* 72, 73, 89, 92, 94, 95  
*Григорьев А. А.* 178  
*Григорьев Алексей* 115  
*Гришин П.* 152, 154  
*Гуральник У.А.* 125, 126  
*Гуревич Х.С.* 178, 195  
*Гусакова О.Я.* 186, 189, 192, 195  
*Гусев С.С.* 170  
*Гюк Э.* 56  
*Давыдов Б.* 154  
*Дали Сальвадор* 15  
*Даль В.И.* 135  
*Даниил* 21  
*Дворцов А.* 23  
*Деллаборд В.* 26, 27  
*Дельвиг А.А.* 80  
*Демченко А.А.* 50, 110, 121, 125, 127, 140, 175-195  
*Денисов* 83  
*Джойс Дж.* 5, 13  
*Диккенс Ч.* 8, 10  
*Диодор* 83  
*Добролюбов Н.А.* 16, 45-51, 62, 64, 68, 74, 75, 85, 87, 95, 143, 151, 172, 176, 178, 179, 182-185, 193

- Домановский Л.В. 174, 195  
 Достоевский М. М. 51  
 Достоевский Ф.М. 5, 6, 10, 13, 14,  
 51, 103, 109, 142, 154, 180, 181, 184  
 Доценко И.И. 183, 196  
 Дружинин А.В. 30, 67, 69, 89, 93, 175,  
 182, 186, 188, 193  
 Дружинин Е.И. 104, 109  
 Дрыжакова Е.Н. 51  
 Дубинин Л.А. 147  
 Дудко В.И. 187, 196  
 Духовников Ф.В. 136, 137  
 Дьяков В.А. 57, 170  
 Дюдеван барон 28  
 Дюдеван А. (см. Жорж Санд, Санд Ж.)  
 3, 23-31, 185  
 Дюдеван К. 29  
 Дюпен 26, 27  
 Евгения Тур (см. Салиас де Турнемир)  
 29, 30  
 Евгеньев-Максимов В.Е. 51, 87, 89,  
 91, 95  
 Егоров Б.Ф. 3, 68, 75, 87, 95, 172,  
 174, 176, 178, 181, 196  
 Еремин Г.В. 180, 182, 187, 196  
 Еремина Л.Г. 182, 196  
 Еропкин А.В. 170  
 Ёсио Имаи 188, 189, 196  
 Ефремов А.Ф. 172, 173, 175, 196  
 Ефрон И.А. 135  
 Жаравина Л.В. 188, 190, 196  
 Жеребцов А.И. 120  
 Жорж Санд (см. Дюдеван А., Санд Ж.)  
 3, 23-31, 185  
 Жук А.А. 75, 64, 177  
 Жуковский В.А. 186  
 Забелин И.Е. 158, 174  
 Захаров В.М. 163, 168  
 Захарова И.Е. 135  
 Захарова И.Е. 4, 193, 194, 196  
 Звяицкий С. 23  
 Зельдович М.Г. 172, 175, 176, 178,  
 179, 181, 182, 185, 186, 189, 196  
 Золина Н.А. 51  
 Зольдхейи Ж. 173, 196  
 Зорин А. 16  
 Зюзин А.В. 189, 196  
 Иаков (Вечерков) 137, 139  
 Иаков I 107  
 Иванникова В.В. 184, 186, 196  
 Иванов А.А. 188  
 Иванова М.В. 174, 196  
 Иванчук И.А. 184, 196  
 Иванюшина И.Ю. 126  
 Игнатьев А.Д. 164, 165  
 Ильин Е. 153  
 Иоанн св. 21  
 Итенберг Б.С. 109  
 Кавелин К.Д. 34, 57, 189, 191  
 Казачковские 180  
 Казмичов Ю.М. 151-153  
 Калашиников М.В. 168  
 Калинина Л.Л. 189  
 Каллаш В.В. 170  
 Кальдерон П. 5  
 Кампанелла Т. 19  
 Канн П.Я. 146  
 Кантор В. 44  
 Капустин В.А. 125  
 Каракозов Д.В. 133  
 Карамзин Н.М. 189  
 Карамышев А.Л. 181, 196  
 Карамышев А.С. 182  
 Карпенко Г.Ю. 189, 196  
 Карякина А.В. 177, 196  
 Катков М.Н. 51, 103  
 Кафанова О.Б. 3, 23  
 Кафака Ф. 8  
 Квинси де Томас 5  
 Ким Ман Чжун 5  
 Кириллов А. 114  
 Кириллов К.А. 114  
 Кириллов И.А. 114  
 Кириллов И.К. 111-115, 117 \*  
 Кириллова (Алексеева) М.И. 114, 115  
 Кириллова (Голубева) П.И. 114, 115  
 Кириллова (Вязовская) М.И. 118, 119  
 Кириллова (Цибулевская) А.И. 114, 118  
 Кириллова А.П. 114  
 Кириллова М.П. 111, 114  
 Кириллова М.К. 114  
 Кириллова (Кудряшова) П.И. 116, 117  
 Китаев В.А. 57, 109, 186, 188, 191, 196  
 Клеман М.К. 96  
 Клименко С.В. 3, 33, 188, 190, 192,  
 193, 196  
 Кобылина А. 158  
 Ковалевский Е.П. 84, 87  
 Козьмин Б.П. 51, 172, 196  
 Козьмин И. 117

- Кокосов В.Я. 156  
 Колбасин Е. 93  
 Колпаков В.В. 110, 119  
 Кольцов 152  
 Комарова-Стасова В.Д. 24  
 Коменский Я.А. 86  
 Конкина Т.С. 3, 126  
 Коновалов В.Н. 183, 196  
 Константин, вел. кн. 82  
 Конт О. 10, 12  
 Корелкин Н.П. 171  
 Коротков Ю.Н. 50, 51  
 Корш В.Ф. 134  
 Костомаров Н.И. 162, 164, 168,  
 174. 189. 192  
 Костров М.А. 85  
 Кравченко Н.Ю. 4, 156  
 Краевский А.А. 92, 143  
 Краснов Г.В. 95, 96, 182, 184,  
 186, 188, 196  
 Красноперов И. 149  
 Кривонос В.Ш. 179, 185, 196  
 Крошина В.А. 189, 196  
 Крупчанов Л.М. 125  
 Крылов И.А. 85  
 Кудряшов, священник 112, 113, 115  
 Кудряшов И.Н. 117, 118  
 Кудряшов Н. И. 116; 117  
 Кузнецова Ю.А. 140  
 Кулагин Л. 153  
 Кулшков Е.И. 182  
 Кулиш Ж.В. 178, 196  
 Кунарёв А.А. 190, 196  
 Курганов В.Н. 174, 176, 196  
 Куценко О.Д. 162  
 Кшесинская М. 146  
 Лаврентьева П. 116  
 Лаврецкий А. 73, 75  
 Лавров П.Л. 191  
 Лазерсон Б.И. 171, 172, 173, 175,  
 178, 180, 196  
 Лауферт В. 145  
 Лебедев А.А. 136-141  
 Лебедев А.А. 155, 171, 172, 196  
 Лебедев А.Я. 135  
 Лебедев Ю.В. 98, 102  
 Левитов А.И. 98  
 Лемке М.К. 169  
 Ленин В.И. 33, 35, 40, 43-45, 146,  
 151, 152, 171, 180  
 Лермонтов М.Ю. 69  
 Лесков Н.С. 6, 150, 155  
 Лессинг Г.Э. 75  
 Листвина Е.В. 23, 188, 191, 196  
 Лишев В.В. 143  
 Лободовский В.П. 172  
 Локк Дж. 80, 81, 86  
 Ломако О.М. 189, 196  
 Ломоносов М.В. 75, 80  
 Лопатин Г.А. 190  
 Лорис-Меликов М.Т. 134, 135  
 Лосев А. Ф. 33, 148, 155  
 Лотман Ю.М. 82, 87, 93  
 Лукин 83  
 Луначарский А.В. 141, 180  
 Лунин В.А. 150  
 Лысикова Н.П. 4, 75, 80  
 Людовик-Наполеон 109  
 Людовик-Филипп 43  
 Магон Л. 172, 196  
 Майер 83  
 Майков В.Н. 173  
 Макаровская Г.В. 176, 181, 182, 183,  
 184, 196  
 Макеев Н. 109  
 Манн Т. 5  
 Манова Е.Н. 192, 194, 196  
 Марат Ж.-П. 150  
 Маркс К. 179, 181, 185  
 Мартынов А.П. 170  
 Мартынов И.И. 82  
 Марынов А.И. 179, 196  
 Медведев А.П. 171, 172, 181, 196  
 Медведев Г. 114  
 Медведев К. Г. 114, 115  
 Медведев М. 114  
 Медведев П.М. 166  
 Медведева Л.П. 172, 196  
 Медведева М.К. 115  
 Медведева М.Н. 115  
 Медведева П.К. 115  
 Медведевы 115  
 Медоуз Т.-Т. 56  
 Мелентьев Ю.С. 125  
 Мельгунов В.В. 192, 196  
 Мельник М.В. 193, 196  
 Метласова Т.М. 4; 171, 190, 192,  
 193, 196  
 Милль Г. 131  
 Милль Д.-С. 173

- Милютин Д.А. 167  
 Милютин Н.А. 34  
 Михайлов М.Л. 151, 155  
 Михайловский Н.М. 109  
 Мишель Л.К. 29  
 Могиланский А.П. 94, 96  
 Момот В.С. 162, 168, 169  
 Мор Томас 17, 21  
 Мордовцев Д.Л. 162-170, 186,  
 189, 190  
 Морис 26, 27  
 Мостовская Н.Н. 180, 196  
 Муравьев М.Н. 34, 36, 82, 83, 87  
 Муравьев Н. 87  
 Муравьев Н.М. 168  
 Муренина Г.П. 183, 185, 186,  
 188, 190, 192  
 Муренина Е.К. 188, 197  
 Мустафина Е.А. 188, 197  
 Муханов П.А. 165  
 Мысляков В.А. 45, 50, 51, 175,  
 178, 197  
 Мюссе А. де 6, 29  
 Набоков В.В. 6, 13, 189  
 Нагорная Н.М. 125  
 Надеждин Н.И. 182  
 Наполеон 162  
 Наумова Н.Н. 123, 125, 126  
 Недобобов Иеремия (см. Н.А.  
 Добролюбов) 49  
 Некрасов Н.А. 4, 49, 50, 63, 71,  
 87-93, 95, 135, 143-146, 153,  
 172, 175-177, 180, 181, 192  
 Нечаев С. 142  
 Никитенко А.В. 166, 170  
 Никитин В.Н. 170  
 Никитина Е.П. 182, 183, 184,  
 186, 187, 189, 191, 193  
 Николаев М.П. 179, 197  
 Николаев П.А. 20, 23, 32,  
 44, 125  
 Николаев П.Ф. 176  
 Николай I 161, 166  
 Новикова Л.И. 86  
 Новорусский М.В. 141  
 Новорусский М.В. 142  
 Нольман М. 176, 197  
 Ньютон 21, 22  
 Огарев Н. 70  
 Одоевский В.Ф. 17, 21, 22, 23  
 Озерянский А.С. 187, 191, 192, 197  
 Оксман Ю.Г. 4, 171  
 Ольденбург С.Ф. 141  
 Орлова Н.К. 140  
 Орлова Н.М. 194, 197  
 Орнатская Т.И. 122, 125  
 Островский А.Н. 60, 61, 62, 88,  
 174, 179  
 Оуэн Р. 184  
 Оя Он 3, 52, 56, 190, 192,  
 194, 197  
 Павлов Н.Ф. 67  
 Павлова К. 6  
 Паклина Л.Я. 184  
 Пакстон Дж. 16  
 Палимпсестов И.У. 169  
 Палимпсестов Ф.У. 163  
 Панаев И.И. 49, 89, 92, 94, 143  
 Панаева-Головачева А.Я. 93, 143, 169  
 Пекарский П.П. 108, 110  
 Пелевин В. 9, 191  
 Пелех Т.О. 4, 155  
 Перминов Г.Ф. 49, 51  
 Перпер М.И. 123, 124, 126  
 Песталоцци И.-Г. 80, 81, 82, 86  
 Петр I 108  
 Петра 84  
 Петров Александр 118  
 Петров В.А. 194, 197  
 Петров Егор 118  
 Петров Прокопий 118  
 Петров Стефан (Степан) 118  
 Петров Фёдор 114, 115, 118, 119  
 Петров Ф.А. 183, 197  
 Петрова А.П. 118  
 Печерская Т.И. 94, 96  
 Пильский П. 130  
 Пинаев М.Т. 125, 171, 197  
 Пинчук Ю.А. 192, 197  
 Пиотровский И.А. 176  
 Писарев Д.И. 16, 142, 193  
 Писемский А.Ф. 4, 51, 60, 68, 69,  
 70, 87-96, 178, 188, 192  
 Пифагор 10; 16  
 Платон 17  
 Плеханов Г.В. 58, 75  
 Плешаков И. Н. 4, 161  
 Погодин М.П. 88  
 Позднев священник 118

- Покровский В.М. 121  
 Покусаев Е.И. 4, 171-180, 182, 183, 197  
 Полевой Кс. 189  
 Полевой Н.А. 186, 189, 192  
 Полевой П.Н. 94, 96  
 Ползикова - Рубец К.В. 147  
 Помяловский Н.Г. 98, 174  
 Пономарёв Е. 115  
 Попкова Н.А. 181, 183  
 Попов И.В. 183, 184, 197  
 Порох И.В. 150, 155, 173, 174, 176, 186, 187, 189, 191, 193, 197  
 Потапов А.Л. 150  
 Прозоров В.В. 175, 178, 180, 186, 187, 189, 191, 193, 197  
 Прокшин В.Г. 177, 197  
 Пруцков Н.И. 125  
 Пузанкова И.В. 193, 197  
 Пушкин А.С. 19, 23, 59, 61-65, 67, 91, 127, 129, 148, 175, 181, 182, 184, 189  
 Пытин А.Н. 50, 51, 109, 110, 151, 155, 169, 170, 181, 186, 187, 191, 192, 194  
 Пыпина В.А. 182  
 Пыпина Е.Н. 192  
 Пыпина Евг.Н. 150, 183  
 Пытины 110, 178, 194  
 Пырков И.В. 3, 16  
 Пьяных М. 176, 197  
 Радищев А.Н. 76, 80, 160, 175, 190  
 Раев А.Ф. 127, 134  
 Разумовский Н.Н. 87  
 Ракеев Ф.С. 19  
 Ратников К.В. 191, 197  
 Рейнгадт Н.В. 169  
 Рейсер С.А. 122-125, 171, 174, 176, 178, 182, 197  
 Рейте М. 173, 197  
 Ремпель Е.А. 193, 197  
 Репин И.Е. 190  
 Решетников Ф.М. 97  
 Ржевский 51  
 Рождественский А. 120  
 Розанов А.И. 168  
 Розанов В.В. 189  
 Розанов Я.А. 119  
 Розенфельд У.Ф. 180, 197  
 Ройтерберг Л. 155  
 Россос Н.Д. 187  
 Ростовцев Я.И. 34, 36  
 Ротенберг В.А. 87  
 Румянцева П. 120  
 Рунт М.И. 179, 197  
 Руссо Ж.-Ж. 24, 80, 81, 84, 86  
 Рустамова З.И. 185, 187, 192, 193, 197  
 Рыжков Н.П. 181, 197  
 Рыхляков В.Н. 187, 197  
 Рюриков Б. 125  
 Сакулин П.Н. 169  
 Салиас де Турнемир (см. Евгения Тур) 29, 30  
 Салтыков-Щедрин М.Е. 3, 5-16, 63, 65, 193  
 Самосюк Г.Ф. 181-184, 193, 197  
 Сандо Ж. 3, 23-31, 185  
 Сандо Жюль 28  
 Сапожникова Д.Г. 3, 146  
 Свердлина С.В. 179, 185, 186, 197  
 Седов А.Ф. 184, 197  
 Селезнев В.М. 173, 197  
 Селиванов В.В. 188, 197  
 Семевский М.И. 187, 193  
 Сен-Симон А. 14  
 Сераковский С.И. 34  
 Сердюченко В.Л. 125  
 Сигура С. 191, 197  
 Сигорский В. 153  
 Сиземская И.Н. 86  
 Сикорский Н.М. 102, 109  
 Симонов 167  
 Симосат Т. 191, 197  
 Скарятин В.Д. 51  
 Скафтьмов А.П. 4, 23, 31, 44, 121, 171, 177, 179  
 Скотин Г.А. 116  
 Скотин Н.Г. 111, 116, 120  
 Славин И.Я. 163, 168, 170  
 Слепцов А.А. 174, 176  
 Слепцов В.А. 98  
 Смагардов С. 109  
 Смирнов А.Ф. 170  
 Смирнов В.Б. 175, 177, 178, 197  
 Смирнов М.И. 119, 121  
 Смирнов С.М. 120  
 Смирнов С.С. 120  
 Смирнова А.С. 120

- Смирнова В.С.* 120  
*Смирнова В.Ф.* 120  
*Смирнова Л.С.* 120  
*Смирнова О.С.* 120  
*Соколов П.И.* 83  
*Соколов С.Д.* 140  
*Соколова М.А.* 173, 197  
*Соллогуб В.А.* 67, 84, 87  
*Соловьёв В.С.* 191, 194  
*Соловьёв Г.А.* 58, 62, 63, 68, 73, 74  
*Соловьёва Л.В.* 193, 197  
*Сорокин В.* 15  
*Сорокин И.М.* 51  
*Сотников В.М.* 126  
*Сперанский М.М.* 186  
*Стахевич С.Г.* 155  
*Степанов Е.* 111, 113  
*Степанов К.* 114  
*Степняк-Кравчинский С.М.* 187  
*Стефанов (Степанов) К.* 111  
*Столянский П.Н.* 142, 147  
*Столыпин П.А.* 169  
*Страхов Н.Н.* 180  
*Строганов А.Г.* 168  
*Студенские* 187  
*Студенский В.П.* 187, 197  
*Суворин А.С.* 128-130, 135, 136, 187  
*Суворин Б.А.* 135  
*Суворов А.В.* 163  
*Супоницкая П.А.* 174, 197  
*Сухозанет Н.О.* 165, 167  
*Сушицкий В.А.* 139, 170, 189  
*Сюнъити Нагано* 190, 197  
*Татаринцев А.Г.* 175, 181, 197  
*Таубин Р.А.* 172, 197  
*Тацит* 83  
*Твардовская В.А.* 109  
*Тверитинов А.Н.* 183  
*Теккерей У.* 30, 185  
*Теплинский М.В.* 177, 181, 185, 197  
*Терехов Б.М.* 184, 198  
*Терсихоров Н.* 152  
*Тимашев А.Е.* 166  
*Тимашова О.В.* 4, 87, 188, 192, 198  
*Тихомиров В.В.* 58  
*Тихонова Н.С.* 4, 140  
*Толстой А. К.* 6  
*Толстой Л.Н.* 60, 62, 68, 69, 77,  
 88, 155, 174, 178, 186, 193  
*Травин Н.* 148  
*Травушкин Н.С.* 180, 182-185, 198  
*Трескунов М.С.* 24, 32  
*Троицкий Н.А.* 190, 191, 193, 198  
*Тугушева М.З.* 4, 96, 102, 187, 194, 198  
*Тургенев И.С.* 45, 49-51, 62, 70-73,  
 87-93, 96, 174, 181, 185  
*Тютчев Ф.И.* 5, 190, 194  
*Уваров С.С.* 14  
*Удалова Т.В.* 4, 102  
*Усаккина Т.И.* 173, 175, 198  
*Успенский Г.И.* 175  
*Успенский Н.В.* 68, 70, 72, 73, 74  
*Устиченко Л.Г.* 183, 198  
*Утин Б.И.* 105, 106, 109  
*Федин К.А.* 177  
*Федоренко Т.Г.* 4, 140  
*Фёдоров И.* 116  
*Фейербах Л.* 58, 59  
*Фет А.А.* 6, 88, 155, 186, 194  
*Фигнер В.Н.* 142  
*Фокеев А.Л.* 187, 198  
*Фомин А.Г.* 184  
*Фохт-Бабушкин Ю.У.* 162  
*Фрейд З.* 16  
*Фрикен фон А.Ф.* 187  
*Фурье Ш.* 6, 21-23  
*Хованский Н.Ф.* 136, 140, 166, 170  
*Хоменко А.* 152  
*Цао Сюэ-цинъ* 5  
*Цебрикова М.К.* 178  
*Цимбаев Н.И.* 57  
*Цыбулевский А.* 118  
*Цыбулевский А.Г.* 118  
*Цыбулевский Г. И.* 118  
*Цыбулевский И.* 118  
*Цыбулевский Ф.О.* 114, 115, 118  
*Чаадаев П.Я.* 183  
*Чапаев В.И.* 148  
*Чегодаева М.* 155  
*Черемисинова Л.И.* 186, 194, 198  
*Черногаев С.П.* 189, 198  
*Чернуха В.Г.* 104, 109  
*Чернышевская В.С.* 180, 198  
*Чернышевская Н.М.* 121, 147,  
 152, 172, 174, 175, 177, 178, 180,  
 181, 183-185, 187, 188, 198  
*Чернышевская О.С.* 24, 122, 127  
*Чернышевские* 115, 194  
*Чернышевский А.Н.* 192, 194  
*Чернышевский Г.И.* 110, 119, 137, 139, 186

Чернышевский М.Н. 184, 194  
Чехов А.П. 102, 186  
Чудаков А.П. 99, 102  
Чуприна И.В. 178, 198  
Шабаяева М.Ф. 87  
Шаганов В.Н. 134  
Шалаева Н.В. 191, 198  
Шаламов В. 190  
Шамиль имам 85  
Шапиро А.М. 109, 173, 198  
Шахматов Б.М. 22  
Шварц В.Г. 80  
Шеболдаев Б.П. 120  
Шевченко Т.Г. 165, 169  
Шевырев С.П. 191  
Шекспир 8, 9, 91  
Шелгунов Н.В. 106, 109, 151, 155  
Шелгунова Л.П. 155  
Шестаков В.П. 22  
Шилова Н.Л. 51  
Шиткина-Явейнъ П.Н. 132  
Шишкина Т.А. 189, 198  
Шлоссер Ф. 187  
Шмит Ф.И. 161  
Шопен Ф. 29

Шпет Г.Г. 191  
Шустов А.Н. 50, 51  
Щеблыкин И.П. 44, 191, 198  
Щеголев П.Е. 141, 142, 147  
Щербакова Г.И. 188, 198  
Щербакова Е.И. 190  
Щербина Н. 69  
Эвальд А. 48, 51  
Эдельсон Е. 189  
Эльзон М.Д. 184, 198  
Энгельс Ф. 181  
Юдин П.Л. 136, 169  
Юрьев В. 120  
Юхневич М.Ю. 161  
Яковкина Н.И. 84, 87  
Яковлев В.И. 144  
Якушева Г.В. 183, 184, 198  
Ямпольский И.Г. 50, 182, 185, 187, 198  
Imai Yoshio 57  
Ishikawa Ikuo 57  
Karénine W. 32  
Kline M. 16  
Macpherson C.B. 57  
Sand George. 32  
Walicki Andrzej 57



## СОДЕРЖАНИЕ

От редактора .....	3
--------------------	---

### I. Исследования и статьи

В. С. Вахрушев. Поэтика сновидений в творчестве Чернышевского и Салтыкова-Щедрина .....	5
И. В. Пырков. Поэзия действительности в снах Веры Павловны .....	16
О. Б. Кафанова. «История моей жизни» Жорж Санд в критическом дискурсе Н.Г. Чернышевского .....	23
С. В. Клименко. Волгин на обеде у Илатонцева (Роман «Пролог» и миф о Чернышевском-революционере) .....	33
А. В. Вдовин. О «тупоумных глупцах» и «дрянных пошляках»: полемика Чернышевского с Герценом в 1862 .....	45
Оя Он. Н.Г. Чернышевский о роли государства в России (идейно-философская позиция после Крымской войны) .....	52
В. В. Тихомиров. Теоретические основы литературной критики Н.Г. Чернышевского .....	58
Н. П. Лыскова. Интеграция культуры и образования как основа просветительских идей Н.Г. Чернышевского .....	75
О. И. Алимеева. Социокультурный феномен домашнего образования в России в XIX веке: идея и реализация... ..	80
О. В. Тимашова. Н.Г. Чернышевский и А.Ф. Писемский в переписке Н.А. Некрасова и В.П. Боткина .....	87
М. З. Тугушева. Очерки М.А. Воронова и проблемы «провинциального текста» .....	96
Т. В. Удалова. Журнал «Современник» об общественно-политическом развитии Англии .....	102

### II. Сообщения и материалы

С. А. Бондарь. К вопросу о родословной Н.Г. Чернышевского .....	111
А. А. Демченко. Роман Чернышевского «Что делать?»: вопросы текстологии .....	122
Т. С. Конкина. Газета как средство феноменизации личности Н.Г. Чернышевского (по материалам фондов музея Н.Г. Чернышевского) .....	127
И. Е. Захарова. А.А. Лебедев – историк, краевед, биограф Н.Г. Чернышевского .....	136

Н. С. Тихонова, Т. Г. Федоренко. Н.Г.Чернышевский в музейном пространстве Петербурга .....	141
Д. Г. Сапожникова. Николай Чернышевский: миф и образ (по материалам музейных экспозиций) .....	147
Н. Ю. Кравченко, Т. О. Пелех. Имиджевый потенциал регионального музея в современных условиях .....	156
И. Н. Плешаков. Дело об оскорблении Д.Л. Мордовцевым саратовских военных в 1859 году .....	162
Указатель содержания сборников «Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» за 1958-2007 годы (Вып. 1-16). Составитель Т. М. Метласова .....	171
Указатель имен .....	200

Научное издание

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ  
Статьи, исследования и материалы

Сборник научных трудов

Вып. 17

*Редактор Н.Г. Жакина*

Подписано в печать 15.09.2010 Формат 60x84 1/16.  
Бумага офсетная. Ризопечать. Гарнитура Таймс.  
Уч.-изд. 13,12 л.. Тираж 200 экз. Заказ № 087

ООО "Издательский Центр "Наука"  
410600, г. Саратов, ул. Пугачевская, 117, к. 50.

Отпечатано в типографии "Эстамп" тел: (8452)37-47-85  
410028, г.Саратов, ул. Заулошнова, д.3, оф.108.